

Г.Б. Мирзоев

**ОЩУЩЕНИЕ
СПРАВЕДЛИВОСТИ**
(записки адвоката)

МОСКВА • 1999

Г.Б. Мирзоев

**ОЩУЩЕНИЕ
СПРАВЕДЛИВОСТИ**
(записки адвоката)

МОСКВА • 1999

Мне всегда хотелось быть проповедником. С самого детства. Впервые я понял это еще в школе, общаясь со своими товарищами. Словно некой тайной, которая наполняла меня гордостью, мне хотелось поделиться с ними. Мне хотелось сказать им: «По Б-жественному замыслу человек рождается - свободным! Б-г дает каждому право выбирать между добром и злом. И если вы спросите меня, зачем мы живем, зачем мы созданы Б-гом, я отвечу: цель нашей жизни во всепоглощающей любви к Б-гу, родителям, детям, ближнему, в самосовершенствовании, в совершенствовании нашей Души, а значит, и всего Б-жественного мира. Так говорят мои предки! По поступкам нашим воздастся нам! Это не просто сказки и легенды - это мудрость.»

Г.Б. Мирзоев

О Б-ГЕ О СПРАВЕДЛИВОСТИ... О СЕБЕ...

В новой книге адвоката Гасана Борисовича Мирзоева правовые проблемы адвокатуры подаются в литературной плоскости. Именно поэтому наработанные за долгие годы практики материалы по адвокатской деятельности вместе с глубокими размышлениями о смысле и сути жизни человека на земле через призму божественных идей названы им столь притягательно - “Ощущение справедливости”.

Г.Б. Мирзоев

**ОЩУЩЕНИЕ
СПРАВЕДЛИВОСТИ**
(записки адвоката)

МОСКВА • 1999

ISBN 5-900973-13-1

© Г.Б. Мирзоев, 1999

© Издательство «СПАС», 1999

Предисловие ...И БЫЛО УТРО

...**Н**аписал слово "предисловие" и задумался. ... Наверно, я все же пишу не предисловие, а посвящение.

Но так много у меня близких и родных, что душа разрывается от упоения. ...*Кому посвятить книгу, выстраданную не только одной своей полувековой жизнью, но и жизнью многих поколений предков?*

Посвящаю памяти многих поколений моих предков, посвящаю всем живущим ныне на этой земле рядом со мной, жене моей Зине, моим дочерям и сыну Борису. Посвящаю всем, еще не сотворенным моим потомкам!

Книга эта не простая, в ней нет единого занимательного сюжета. И меньше всего я хотел бы кого-то забыть или обидеть. Ведь что-то могла стереть память.

Но книга эта и не перечень имен моих близких. Да, я упоминал в ней многих моих родных и других, встретившихся мне в жизни людей, но лишь затем, чтобы отметить их в моем сердце.

...А кое-какие имена и события я упомянул, чтобы отторгнуть их от будущих поколений, от моих потомков.

В остальном, отправляю книгу на суд моего читателя - в сопровождении весьма парадоксальной, но милой фразы Шерлока Холмса, которую он произнес, вероятно, в порыве откровения: **"С точки зрения моральной мой замысел оправдан, я совершу преступление только в глазах закона"**.

Часть первая ДОРОГА К ДОМУ

Глава 1.

У каждого века - свое время.

Память в моем сознании я мог бы сравнить с километровым составом, растянувшимся в пути на долгие годы.

Такое сравнение ближе всего к картинам моего раннего детства. Ведь мой отец был железнодорожником. В самом прямом профессиональном и самом благородном смысле этого слова. Он начинал познавать эту профессию мастером-путейцем на восстановлении Северо-Осетинской железной дороги. Стал главным инженером службы пути Закавказской железной дороги... А потом? Железные дороги - дело всей его жизни. Десятки городов, станций и полустанков, сотни километров пути исколесили мои родители вместе с тремя малолетними детьми, продвигаясь в вагончиках по местам работы отца.

Моя память курсирует от нынешнего в минувшее и обратно, берет разных пассажиров и груз прожитых лет.

Что было до меня, что было до первого проблеска моего сознания, первой вспышки мировосприятия?

Что делал отец, когда я первый раз пошевелился в утробе моей матери, как он подбирал мне имя, как жил мой народ, какие были вокруг люди, как они умилялись над моей колыбелью, цокая языком и качая головой, о чем говорили между собой? Что читал отец, склонившись над грубо сбитым деревянным столом в небольшой комнате в Грозном, куда он привез молодую веселую жену и шестимесячного наследника из послевоенного Баку?

Можно только представить себе с той или иной степенью точности и достоверности события мира, при которых я уже присутствовал, но еще не участвовал.

Но вот взгляд прорывается сквозь завесу небытия. Какие-то тени, какое-то движение жизни. Вот проступает людской водоворот на центральной площади старинного Дербента, эти краски напоминают полотна Рембрандта - слабо освещенные усталые лица, серые одежды, медленные движения.

- Расскажи сказку, - прошу я стихшую в эти дни бабушку, Большую Маму, Нэнэ, - про колодец...

Я уже помнил и любил эту легенду, которую называл сказкой. Впервые я услышал ее от бабушки, когда мы гуляли по древней дербентской цитадели Нарын-Кала. Конечно, я не мог тогда запомнить все названия и имена, да и легенду эту трансформировал в своем сознании в сказку, но от сказки этой, уже тогда чувствовал, веет нашей историей, былью!

- Бабушка! Про колодец, который каждый день заполняется девичьими слезами...

- Потом, радость моя, - отговаривается бабушка, - не сейчас...

- Ну, бабушка, - сорок аскеров-воинов нашли себе сорок невест, хотели устроить свадьбу. Скакали они по всему Кавказу...

Кто-то из домашних поворачивает ко мне лицо:

- Не шуми, у народа - горе.

Как я могу шуметь, если я еще сплю своим младенческим сном, сознание спит. Но в мозгу уже созревает ощущение этого мощного напирającego огромной высокой волной слова: народ.

У народа что?

Как может быть горе - у народа, у этой разноголосой массы людей, ведь в груди у каждого человека стучит свое сердце?

Вот эта угрюмость, красные глаза мужчин, плач пожилых и молодых женщин: "Какое горе! какое горе! ...что же теперь будет с нашим народом!? ...как же мы теперь будем жить?..." - это и есть народное горе?

Нужно подобраться к окну.

Улицы не видно. И темно, и отблеск лампы мешает. А может быть, именно в эту минуту горе проносят под окнами нашей квартирки, ведь темная вечерняя медленно движущаяся толпа на улице должна же иметь причину для горя, материальную, осязаемую.

Мне только пять лет. Сползли чулочки, свисает из-за пояса штанишек байковая рубашонка. У меня закрученные кверху мохнатые ресницы и густые сходящиеся к середине брови на смуглом, круглом лице. Большая Мама (бабушка, папина мама) говорит, что у меня "умный лоб".

Да что это со всеми?

Отец сидит напротив окна за столом, обнял голову своими широкими натруженными ладонями, вонзил пальцы в крутые

черные кудри. Как будто его и нет, потому что не смотрит, ушел в себя.

Мама и бабушка тихо передвигаются по комнате, выходят на кухню, но не только потому, что боятся потревожить отца, а потому что и у них такое же горе. Они плачут, плачут.

Значит, и они - народ?..

Мне бы только встать на подоконник. Вот табурет. Но и он высок, трудно взобраться. В окне темно. Прямо над столом, так что издалека, с площади, ее видно, висит небольшая яркая, как сверкающая волна, лампочка - ночник, сверху прикрытая маленькой жестяной-абажуром.

Надо ее достать, подтянуть к окну и осветить невидимую улицу. Все подумают - настал день, и всем станет легче. Я уже на подоконнике, мои красные сандалии расстегнулись, я встаю на мысочки, тяну руку к лампочке. Вот уже моя маленькая ладонь входит в круг света.

Невелика сила ночника - углы комнаты почти полностью во мраке, я дотрагиваюсь до обжигающего стеклянного бока холодными пальчиками, пытаюсь притянуть ее, и лампочка взрывается. Треск лопнувшей лампы, хлопок, темень, крик матери, откуда-то выплывающая свеча, полные отчаяния, не укоряющие, а лишь несчастные глаза отца, поднятые на меня, быстро падающие кругом тонкие стекляшки. Первые услышанные и запечатленные моей памятью слова отца, который в своем подавленном состоянии даже не смог рассердиться на меня:

- Сынок, какое горе. Умер Сталин! Наш вождь, - тихо проговорил он, и я заплакал.

Заплакал не от страха наказания, не от тона отца, который был в тот момент страшнее любого его окрика, я заплакал оттого, отчего плакали все. Я заплакал с народом, с отцом, с мамой, из сострадания к их горю.

Я вдруг понял это слово - "вождь". Отец часто произносил его раньше, читая вслух газеты, как я теперь понимаю, репетируя свои доклады перед выступлением на парткоме отделения Северо-Кавказской железной дороги, где он работал.

Но в ту минуту, я, наконец, тонко и глубоко почувствовал, что значит в нашей стране - "вождь".

А еще я, ни слова не сказав от испуга, хлюпая, забился в угол за печку, прислонился к ножке железной кровати и услышал, как Большая Мама, на которую был так похож мой отец,

властная, седовласая женщина, невысокая, статная, с лицом удивительной белизны, с длинными восточными серьгами в оттянутых мочках ушей, внося свечу в комнату, тихо, но строго произнесла на нашем родном языке, отвернувшись спиной к своему партийному сыну:

- Слава Г-ду Б-гу, наконец-то тиран умер!

Бабушка забирает меня из угла, садится на кровать рядом со мной, почти уже засыпающим в жару и в ознобе, раскаленным от неловкого поступка, огорчившего отца, и рассказывает сказку, глядя в одну точку, словно думая в это время о своем...

"Когда аскеры-воины прискакали в Дербент на своих породистых скакунах, молодые и красивые, каждый - сын шаха, они увидели, какие же красивые девушки в этом городе!

И вот каждый из воинов нашел себе невесту, и решено было играть большую свадьбу - одну для всех. Назначили день. Стали готовить угощения и созывать гостей.

К назначенному сроку собрались все на площади в крепости. Накрытые столы ломились от яств..."

- Вино пили?

"И вино пили, и песни пели, и танцевали... Но вот прискакал гонец. Остановился в воротах крепости на своем огнедышащем коне, пена лилась с губ коня, бока его были взмылены. И крикнул гонец народу:

- Беда!

- Что за весть ты нам привез? - спрашивают жители.

А он и отвечает:

- Горькую весть! Тучи над нашим городом сгушаются, люди! Несметные полчища кочевников приближаются к Дербенту!

- И камни-холмы, разбросанные вокруг города нашими богатырями-предками, не помогают?

- И камни-холмы не помогают.

Все тогда посмотрели на аскеров-воинов как на последнюю свою надежду. Стали собираться воины на защиту своего города и своих невест.

- И в башне их замуровали, - подсказывал я.

"Не удалось завершить великую свадьбу. Решено было ночью тайно спрятать девушек в башне, вход в нее замуровать, чтобы кочевники не смогли причинить им несчастья, а самим идти на бой. Так и сделали.

И наказали своим невестам воины: вот вам пароль, слово тайное, только мы с вами его будем знать. Ни под каким предлогом не обнаруживайте себя, не отзывайтесь на другие призывы, только на это слово.

И уехали воины на сражение. А девушкам в башне оставили виноград, хлеб, другие кушанья и замуровали стену башни."

Тут бабушка обычно вбирала воздух в легкие и глубоко и протяжно вздыхала:

- Ой-да, горе великое. Погибли все сорок воинов. Все легли в неравной битве. Ни один не уцелел, но и врагов в город не пустили, отстояли городские стены. Да вот несчастье - никто больше не знал тайное слово-пароль.

Никто, кроме убитых женихов.

Так и остались девушки в башне, никто их не вызволил, никому больше не откликнулись невесты. Плачь их по женихам был слышен, слезы ручьями стекали к колодцу, и до сих пор каждое утро прибывает в колодце чистая солоноватая вода."

- А в какой это башне, Нэнэ? - спрашивал я.

- Не знаю, дружок, никто теперь не знает.

- Вот бы то Слово найти, отгадать... - тихим сонным голосом говорил я, уже переносясь в страну, где соединяется Прошлое и Настоящее.

Глава 2.

*Каждой птице дороже свое гнездо,
каждому человеку - своя родина.*

Бесшумный, выцветший за тысячелетнюю историю, измельчавший Каспий лишь изредка ласково всплескивал робкой волной. словно женщина, пробуящая, раскалилось ли днище утюга, Каспий проверял, достаточно ли раскалился берег, выгоревший, блеклый, такой же пустынный, как он сам.

Несмотря на стоявшую весь июнь жару, на пляже никого не было: для родившихся в этих местах людей, привыкших к зною и засухе, к обжигающим кожу ветрам, море еще казалось холодным, они и гостей на море не возили в эту пору: обманчив Каспий. Приехавшему из далекой Москвы северянину вода

может и кипятком показаться, но студёный ветер Каспия так и вытолкнет входящего в нее на берег: рановато осмелел.

Да и гости теперь не очень-то едут в Баку...

Небо - блекло-голубое, осветленное до белизны к линии горизонта... Море, с его старыми заброшенными вышками, небольшими, торчащими из воды вдаль. Этот песчаный берег с неясными темными пятнами то здесь, то там... Они навевают тоску по юности, проведенной здесь, в этом благословенном городе, вечно цветущем, вечно шумном, вечно живущем в сердце.

И впрямь никого вокруг.

Я стою на кромке пляжа, приехал сюда на круглом, как колюбок, запыленном автобусе. До автобуса нужно было ехать на метро, к которому я спускался по Чадровой улице, с ее низенькими домами. А к этой улице я шел через двор, выйдя из дома, где провел с отцом и матерью, братом и сестрой долгие, счастливые годы.

Здесь с 1895 года жили мои предки.

Конечно, дом перестраивался не раз, но в округе еще сохранились и старые постройки, возведенные моим дедом. На его место я пришел в этот мир.

Дед жил со мной на одной Земле только шесть месяцев. Это отсюда он выходил по утрам, идя на службу, с полными карманами мелочи, и не было нищего и бездомного, который бы, встретившись на пути деда, не был одарен его спасительной монеткой. Только нищий и только богатый, чье богатство зиждется на труде нескольких поколений, может знать цену каждой копейки.

Улица спускалась к морю, я медленно брел к метро, машину брать не хотелось.

Звал к себе Каспий. Может, ветер с набережной подул, и захотелось вздохнуть полной грудью, вобрать его в легкие... Привольный каспийский ветер, который гуляет от берега к берегу, раскачивает нефтяные вышки, закручивает колечки на ласковых волнах...

Я встал рано утром, думая, как бы не разбудить мать. Но разве можно опередить женщину,ждавшую сына в отпуск? Даже рассвет не способен на это. Комната была еще темна, а моя неугомонная мама уже готовила завтрак, возвратясь с рынка с корзинами, наполненными фасолью, помидорами и зеле-

нью. Тихонько бормотало радио, прикрепленное к стенке над столом, в окна протискивался утренний добрый свет и пробирался к пустому серванту, стулу, на котором висел мой костюм, чемоданам и тюкам.

Пока я одевался, зашел мой старинный друг, ставший за эти годы известным кардиологом, заслуженным врачом республики, авторитетным для всего Азербайджана. Он опекал мою мать все эти годы, когда дети ее разлетелись по свету, а муж - мой отец - умер.

Айдын пришел с докторским чемоданчиком, уговорил маму оторваться от плиты и лечь на кровать, чтобы сделать ей кардиограмму.

- Что ты так беспокоишься за меня, золотой мой, - ласково ворчала мама, кряхтя поднимаясь с покрывала, - я еще не собираюсь умирать, мне еще пожить хочется!

Как часто я слышал в Москве прямо противоположные слова от пожилых женщин, приходящих ко мне, в мой адвокатский центр, со своими бедами. Они ждали смерти, как избавления. Видно, в счастливую минуту сказала моя мама эти слова. Если человеку хочется жить, значит, он доволен жизнью, значит, он любит свою жизнь. А ведь совсем недавно она лежала на этом полу между кроватью и тумбочкой, накрыв голову подушкой, чтобы осколки от оконных стекол и трассирующие пули не задели, и сердце ее разрывалось от горечи. Любая боль когда-нибудь проходит.

- Позавтракай с нами, не обижай, - уговаривала мама.

- Спасибо, Дора-ханум, с удовольствием, - сдался Айдын, еще со школьных лет усвоивший, что самая большая радость для матери - принять и угостить каждого, открывшего дверь ее дома.

Я уже оделся и наблюдал теперь, как Айдын сворачивает свой фонендоскоп, станометр и упаковывает присоски от кардиографа в свой чемоданчик.

- Завтра ждем тебя, все наши придут, - грустно сказал он.

- Но ты ведь будешь нас провожать, Айдынчик? - встревожилась мама.

- Обязательно, Дора-ханум, о чем вы говорите!

- И Соня?

- Она первая. Может, и мы следом за вами... - Он задумался о чем-то, мгновенно уйдя в себя.

Он был верен мне все эти годы. Мой друг, он берег здоровье моей мамы. Поддерживал ее, когда от кого-то из ее детей не было долго писем и звонков, когда кто-то задерживался с приездом. Родственников у нас много, как и у любого бакинца, и вообще восточного человека, потому что до некоторых пор весь Баку был, как одна семья.

Если учесть, что более трехсот лет назад мои пращуры переселились из Ирана в окрестности Баку, то в каждом городе: и Худате, и в Кусарах, и Кубе, и Хачмасае, можно найти дом, где тебя примут как сына и друга.

И правда, знакомых и друзей в Азербайджане всегда встречали как родных братьев, а родных братьев любили и принимали как закадычных друзей. И вместо вопроса, какой ты национальности, задавали другой вопрос: что тебе нужно для полного счастья? И если человек отвечал, что ему нужно звезду с неба или золотую рыбку из моря - доставали ему и звезду, и рыбку.

Шумные собирались компании. Сестры Айдына дружили с моей сестренкой.

По набережной, вдоль Приморского бульвара, шли мы, бывшие одноклассники, закончившие школу, оставшиеся в Баку, в его институтах, на его заводах. В белых, раздувающихся на ветру рубашках, худые, высокие, с тонкими шеями и начинавшим пробиваться пушком над верхней губой, мы шли стайкой по аллеям парка, к кафе "Гюлюстан", по пути катались на каруселях, вспархивали на скамейки, подходили к гранитному причалу, громко смеялись, ели мороженое, оглядывались на наших подруг.

Такими были мы.

Парк на набережной казался нам бесконечным, и бесконечной казалась жизнь. Да никто из нас и не задумывался, есть ли предел юности, человеческому пути, той внутренней свободе, которую мы чувствовали. И несмотря на большую мою загруженность, большую, чем у моих друзей, я чувствовал себя свободней, чем они. Я уверен был в своих силах, потому что я их уже немного испытал.

Как сказал один мудрый поэт, главное и в стае иметь свой голос.

Конечно, что и говорить, дух захватывало, когда я забирал документы из школы по окончании восьмого класса без ведо-

ма родителей. Отец был тогда в командировке. Мама стала чаще выходить на дежурства, заменяла других ночных воспитателей в детском санатории, чтобы заработать лишнюю копейку.

Трудным был тот период в нашей семье. Фрида и Натан подросли, нужно было не только кормить и одевать их, но и думать об их будущем. Натану уже положены были карманные деньги, Фрида выросла и стала красивой девушкой, которая не должна была чувствовать себя обделенной среди своих подруг.

У нас девушки выходят замуж, когда они почти еще дети: считается - муж должен воспитать себе жену сам. Главное, чтобы это был благодатный материал для воспитания. Если у невесты чистый добрый нрав, скромность, жених может считать, что ему повезло.

Конечно, браки совершаются по обоюдному согласию, но когда девушкам исполняется тринадцать-четырнадцать лет, им уже подыскивают жениха, начинают обучать невесту вести дом, хозяйство, предлагают присмотреться к кандидатам.

Последнее время более ценной считается жена с высшим образованием, но часто женихи уводят своих избранниц в загс прямо из класса. Деятнадцатилетнюю девушку считают засидевшейся, чуть ли не старой, упустившей свое время.

...А Фриде шел уже пятнадцатый год.

Вот я и принял первое в своей жизни самостоятельное решение. Перевел документы в вечернюю школу и пошел работать на завод железобетонных шпал. Потом была работа в уголовном розыске, невероятный прорыв на юридический факультет, комсомольская работа. И еще были вот эти шумные прогулки молодых первокурсников, радующихся жизни...

Темнело, зажигались фонари в парке, вспыхивала иллюминация на аттракционах, квадрат кафе "Гюлюстан", маяки и прожекторы на вышках в черной морской пучине.

- Эй, Гасан, - кричала мне сестра, - отец велел возвращаться к десяти домой.

- Есть еще время, - отвечал за меня мой приятель (он был намного старше меня и через год стал мужем моей сестры).

У Дворца бракосочетания мы поворачивали назад:

- Туда нам еще рано, хотя вот эту вот красавицу уже пора отдавать на воспитание какому-нибудь мудрому джигиту.

Фрида стыдливо опускала голову, смотрела огромными черными глазами нам вслед: исподлобья, украдкой, чтобы подру-

ги не догадались о первом жизнеутверждающем чувстве, не подняли на смех.

Она вышла замуж рано. И в восемнадцать лет уже была очаровательной матерью своего малыша Валерия.

Спустя целую вечность, через целых двадцать лет, Б-г дал ей и долгожданную дочь Назилию.

Фрида была все такой же молодой и сильной, и рядом был взрослый сын, а в колыбели лежала новорожденная девочка. Много пришлось пережить семье моей сестры. Но как награда за то, что она сохранила чистоту своей души, доброту и веру, спустя еще несколько лет моя Фрида создала еще одну жизнь, это была Шушана, малютка, ставшая смыслом ее жизни и неиссякаемым источником душевных сил.

Азик, ее муж, скончался скоропостижно, спустя год после бакинских событий.

Этот мир настолько старый,
даже выцвел он.
Выгорел. Но вот чинары!
Свечки свежих крон!

Знойный полдень в Ширван-шахе,
Желто-голубой.
Старец в серенькой папахе,
смотрит на прибор.

Первый вечер в парке Дружбы,
первое: "Ханум!"
"Гюлюстана" полукружья,
гул базарный, ГУМ,

Площадь, митинг миллионный,
первый час войны,
И Нагорный парк, в котором
плачем у Стены...

- позже писала моя сестра...

Итак, мы шли через весь город, поднимающийся на холмы, спускающийся снова, к Дворцу Ленина, к фонтанам, в центр.

Нам встречались такие же веселые компании, и все кругом, казалось, были знакомы.

Люди, приезжающие к своим друзьям в Баку, становились желанными в любом доме. А как же иначе: бакинцы гордились, если к ним приезжали гости, они вели их к своей родне, друзьям, знакомым, чтобы поделиться радостью. Зорко следили: на что падал взгляд друга, - ни в чем не было отказа гостю. Хозяин отвечал за гостя, кем бы тот ни был.

Глава 3.

В дом, где нет мира, счастье не заглянет.

Сердце мамы стало сдавать недавно, в девяностом. Сначала умер отец. Потом вымер город. Люди перестали улыбаться, приветствовать друг друга. А потом город опустел.

Наваждение смерти пришло с Нагорного Карабаха в Сумгаит.

"Войны - заразные", - сказал Ф. Рузвельт.

Из Сумгаита злоба переползла в Баку. Оказались вдруг нерешенными социальные проблемы: нехватка жилья и рабочих мест, обнищание и назревающий раскол страны. Эти проблемы смели благоденствие с лица земли.

В страшные дни января, когда люди этого интернационального гостеприимного города пошли друг на друга, стали гроить жилища соседей, врываться в дома, занимать их, выгоняя на улицу старых хозяев, мать получила первый рубец на сердце. Многие из моих родных и друзей покинули город, уехали навсегда.

Айдын прятал семью у родственников на даче, потому что жена его, Соня, была армянкой.

Когда Айдын вернулся в свою квартиру, он увидел дикую картину: дверь была распахнута, коридор превращен в хлев, в столовой за его столом - большим обеденным столом - сидели военные в расстегнутых гимнастерках и ели арбузы.

Каждый - по арбузу.

Они погрузили свои головы в красную мякоть и, мокрые, облитые сладким соком, издавали смачное чавканье. Айдын молча вышел.

Мама позвонила в неотложку, почувствовав, как сердце сдавили тиски и начали выдавливать из него жизнь. Приехавший врач остановился на пороге. Он долго молча смотрел на лежащую перед ним женщину, держащуюся за грудь. Потом цинично сквозь зубы:

- Вы еще здесь?!

Да, из города бежали и армяне и русские, а возле посольств стояли длинные очереди.

- Еще хуже будет! Еще хуже будет! - твердили отчаянно люди.

- Вы продали свою квартиру? - спрашивали они друг друга и сами отвечали, - ничего уже не нужно: спасти бы детей.

Город опустел. Уехали многие из тех, кого я знал и любил. Уехала половина моих бывших коллег.

Изредка наезжая в Баку, я всегда заходил в юридическую консультацию, поднятую мной от самого основания; теперь там работало только двадцать человек.

Уехали многие мои сокурсники, да и соседей поубавилось.

Айдын оформлял документы на отъезд в Израиль, к родственникам жены. Задерживали пациенты. Не мог их бросить.

Он смешной, Айдын.

Похож на маленького верблюжонка. Так и остался худым и сутулым. Огромная коричневая, начинающая сесть невьющаяся челка, губы, как у обиженного ребенка, веснушки на белом лице. Он растягивает слова и смешно их прожевывает. Старается говорить со мной на русском, раньше у него получалось лучше. Давно я не беседовал со своим другом. Его белые худые руки с рыжим покровом растительности, спасли немало жизней.

Кто же теперь придет на помощь бакинским сердечникам?

Прибой стал совсем невидимым. Море застыло, оцепенело в полдневной тишине. Я шел по берегу, по кромке жесткого песка, граничащей с травой. Темные пятна мертвых морских котиков виднелись то там, то здесь, на расстоянии метров двухсот друг от друга.

Словно убитые люди на улице Спандаряна, когда с нее схлынула ужаснувшаяся своим деяниям толпа, лежали морские тюлени, вытянувшие плавники вдоль тела, издавая смрад смерти.

Глава 4.

Вещь хороша новая, а друг - старый.

На следующий день мы собрались у Айдына в Баилово: все, кто еще не покинул родной город, и я - гость из Москвы. Сусанна, старшая сестра Айдына, приехала специально к нему в дом, чтобы помочь своей невестке приготовить плов. Соня, жена Айдына, похожа на мою маму. Только очень худая, как-сам Айдын. И очень смуглая, как каспийская ночь. Лицо ее вытянутое, узкие скулы, неровная длинная переносица, загнутая дугой. Но что-то есть в ней, схожее с моей мамой: кокон смоляных длинных волос на затылке; добрая, слегка скошенная, улыбка; эти темные белки и черные зрачки, наполняющие глаза неимоверной грустью, жертвенность души. А еще голос, звонкий, курлыкающий. Наша порода покрепче. Я пошел в отца, да и мама тоже с годами стала похожа на своего мужа.

Женщины готовили салат. Плов общими усилиями уже поспевал на плите, а мы сидели в комнате и пили чай. Иван Акимович Арзумов и его младший брат Рафик - мои однокурсники по университету (мы называем его Азербайджанским университетом) резались в нарды.

- Звонил один твой старый знакомый, - сказал, вернувшись из прихожей, Айдын, - это сюрприз для тебя. Будем думать, ты не рассердишься его приходу.

- Кто? - улыбнулся я. - Заинтриговал.

- Нет, не скажу, может, еще не придет. Говорит, времени нет, большим человеком стал, - Айдын повернул голову в сторону кухни и крикнул, - Соня, люди проголодались.

- Сколько лет ты уже в Москве? - спросила Соня, накрывая на стол.

- Семь лет, - ответил я.

- Все правильно, - что-то подсчитал в уме Айдын. - Тринадцать лет вы уже не виделись.

- Тринадцать? Но я после школы из Баку не уезжал. Почему же мы с ним не виделись позже. Выходит, он не бакинец? Выходит, это друг юности какой-нибудь?

- А! Секрет! Все в свое время узнаешь, - ехидно заулыбался кардиолог.

- А вот ты мне ответь, Гасан, - вдруг сказал Арзумов, оторвавшись от старинной деревянной доски для нард, и мне показалось, что он знает, что за таинственного гостя позвал к себе Айдын, - если ты убежден, что твой подзащитный действительно совершил преступление, ну, скажем, убил человека, как ты можешь браться защищать его? Только по обязанности или почему-то еще? Я никогда не понимал этого. Что ты в душе-то чувствуешь?

Арзумов был самым заметным в нашей студенческой компании, лихо пел песни под гитару, хорошо рисовал. Мы были поначалу друзьями. Подтрунивая и споря друг с другом, мы познавали этот мир. Совместное взросление так объединяет людей, что мы понимали друг друга с полуслова. Мы были как бы слиты воедино, ощущали себя единым организмом. В переносном смысле можно было сказать, что я даже ходил с ним в разведку, то есть когда-то брал его с собой на дежурства в райотдел милиции.

Позже наша дружба остыла, как остывают угли костра, припорошенного снегом или залитого дождем. Тому были очень серьезные причины: я не расstaюсь с людьми просто так.

Я пришел в милицию совсем мальчишкой, мне было семнадцать лет, и я хотел ловить бандитов. На оперативную работу меня, конечно, не взяли, а вот в добровольную дружину по охране общественного порядка записали.

Сразу после того, как я забрал документы из общеобразовательной школы и поступил на завод, в шестьдесят четвертом году в школе рабочей молодежи я организовал неуставную комсомольскую ячейку и стал членом Наримановского райкома комсомола. Я был комиссаром оперативных комсомольских отрядов по борьбе с преступностью в Наримановском районе Баку. Уже в десятом классе я обрел мечту о профессии. В моих тетрадках по геометрии и русскому языку я часто забывал промокашки, исписанные сочиненными мною следственными протоколами и постановлениями. Мне не терпелось вступить именно в эту профессию. Это означало, что мне был нужен конкретный опыт, а не только образование.

- Мирзоев, у вас наполеоновские планы, - произносила на весь класс Гульнара Сергеевна. - В ваших сочинениях по литературе вы в своих фантазиях не только задерживаете матерых преступников, но и подписываетесь раз от раза все более высокими званиями: старшина, сержант, майор. Недалеко и до ми-

нистра внутренних дел. Это ничего. Главное, чтобы темп ваших фантазий соответствовал вашим отметкам, а у вас в протоколе дознания три грамматических и две синтаксических ошибки... И откуда такая тяга к борьбе с преступным миром?

- Он сыщиком решил стать, - кричали ребята.

- Он себе уже накладные усы купил, наш Шерлок Холмс.

- Это мои собственные, - обижался я, пушок уже тогда чернел над моими губами.

Когда я перешел в одиннадцатый класс и мне было уже восемнадцать, я повсюду участвовал в рейдах, задержаниях...

Меня назначили внештатным оперуполномоченным уголовного розыска третьего отделения милиции Наримановского РОМ, которое совместно с Наримановским райкомом комсомола дало мне рекомендацию - направление на учебу в университет, на юридический факультет. Да и аттестат вечерней школы показать приемной комиссии было не стыдно.

К моему удивлению во мне вдруг обнаружилась природная, врожденная грамотность. Так Гульнара Сергеевна сказала. Я и сам стал замечать, что теперь пишу без ошибок, даже не задумываясь и не вспоминая правила.

Гульнара Сергеевна говорила, что это от любви к чтению. Я действительно все тогда читал: и классику, и Воннегута, и Маркеса, и Хейли, и Булгакова... Поглощал все, что сумел в те годы раздобыть.

Я не сразу понял, почему отец и мама не возликовали вместе со мной, когда переполненный гордости и высоких устремлений я внес в нашу квартиру эти "путевки в жизнь", удостоверяющие мое стремление к избранной профессии и мою способность обучаться этому в университете.

- Боюсь я, что обломают тебе твои чистые крылья, - вздохнула мама.

- Ничего, достойного человека всегда заметят и оценят, - возразил ей отец.

Они словно бы говорили на другом, непонятном мне языке.

- Конечно, примут! - все еще ликовал я.

- Но ведь все кругом уже по два года с репетиторами занимаются, и вечерняя школа... - все еще пыталась вывести меня из затмения мама.

Разумеется, достойных молодых людей было много, хотя в целеустремленности я бы посостязался с любым. Но вышло

так, что за профессию свою из нашего курса боролись всего несколько человек. Остальные получили такую возможность, что называется, по праву рождения, по праву детей власть имущих.

Это я понял позже, когда мои однокурсники стали раскрывать свои партийно-советские родословные. Из всего курса лишь один тат - я, три русских парня и одна армянка не имели родни ни в обкомах партии, ни на площади Ленина, где в те годы помещалась резиденция Центрального Комитета компартии Азербайджана.

Остальные были детьми национальных высокопоставленных коммунистов и чиновников. Это означало, что все двести человек были приняты зависимым преподавательским составом автоматически, а мои достоинства никому не были нужны. И все-таки нас приняли для видимости, для прикрытия.

Мои знакомые - Толя Хорошев поступил с третьего раза, а Володя Богомолов со второго раза, Володя Игонин, Римма Арустамова, Марина Аршавская и я поступили в 1967 году с первого.

Только спустя полгода я понял, что те двадцать пять человек, претендующих на одно место в университете, были лишь массовой в этом бесчестном распределении дипломов главного университета Азербайджана.

И дело не в том, что дети секретарей обкомов были недостойны профессии юриста, а в том, что ни один из них не сомневался, что он чуть ли не властелин этого мира.

Ни один из них не любил эту профессию так, как любил ее я. Ни одного из них не переполняло то чувство справедливости, которое жило в сердцах таких, как я - обыкновенных советских парней.

За полгода до поступления на юрфак меня приняли рядовым пожарным бойцом министерства охраны общественного порядка Азербайджана и я продолжал быть внештатным оперуполномоченным уголовного розыска. На третьем курсе меня зачислили на штатную должность оперативного дежурного отдела охраны в том же Наримановском РОМ. Вообще-то такой практики не было, меня этим назначением как бы наградили за милицмейские заслуги. Даже в газетах обо мне писали: и два килограмма наркотиков выловил, и воров задержал, и рецидивистов поймал.

Друзья из нашей университетской коалиции "не блатных" часто приезжали ко мне на дежурство. Володя Богомолов, Во-

лодя Игонин, Толя Хорошев нравились моим товарищам по работе. Ребята уже не представляли себе и дня без нескольких часов, проведенных в стенах моего райотдела милиции, где мы проходили свои первые милицейские испытания.

После занятий в университете я мчался в свое отделение, сидел там допоздна. Хотя сидеть долго не приходилось: когда собирались дружинники, мы шли в новостройки, в парки, на проспект - охранять порядок. Мама открывала ночью дверь с таким встревоженным взглядом, что я опускал глаза.

Иван Акимович Арзумов, мой первый опер-наставник был высоким, подтянутым, умел красиво говорить и всегда везде успевал: и материалы съезда законспектировать, и назначенное свидание не пропустить, и ко мне на дежурство забежать.

- Сидишь, дежуришь? - спрашивал он, просунув голову в окошко дежурной части, и был очень похож на журналиста из западных фильмов. - Что у вас тут интересенького?

- Все уехали: драка у женского общежития.

- Это интересно, почему с группой не поехал, дорогой? А кто дрался - дамы или кавалеры?

- Хулиганы, - улыбался я. - Вот я и остался здесь теперь один за всех на звонках.

- Вызовы идут?

Звонков, к счастью, не было. Не смогу же я один выехать на происшествие, если неожиданно придет сигнал. Но как по злому року в это мгновение взорвался телефон.

- Милиция? - спросил тихий напряженный женский голос. - Здесь ограбление, кажется.

- Адрес, - с замиранием сердца сказал я и шепнул Ване Арзумову. - Накаркал. Наряд на выезде, с кем ехать?

- Со мной, дорогой, - решительно заявил Арзумов. - Вместе веселей.

Мы взяли оставшуюся в нашем распоряжении небольшую бортовую машину, я сел рядом с водителем, а Арзумов в кузов.

Возле длинной пыльной витрины универмага никого не было. Стоял только "сапожок", еще теплый, с открытыми дверцами. В витрине зияла огромная черная дыра. Фонари освещали улицу изо всех сил, так что свет их проникал даже за витрину универмага.

- Там кто-то есть, - шепнул Арзумов, ступая след в след за мной.

Мы оставили грузовичок за углом и пошли вдоль витрины, за кустами, так что нас можно было принять за прохожих. Я в то время носил длинный плащ с реглановыми рукавами и широкополую шляпу; это делало меня похожим больше на английского шпиона, чем на милиционера. Пока мы подходили, из лаза, задев ногой осколок стекла, который вывалился из рамы и со звоном рассыпался по асфальту, выбрался преступник. За ним полез второй. Первый нес небольшой чемоданчик, второй - тканевый мешок большого размера.

Наш водитель, наблюдавший из-за угла, увидел мой знак и быстро сообразил, что нужно делать. Он вскочил в машину и со скрежетом выскочил из-за угла, ослепляя преступников фарами. Один из них, с тяжелой ношей, остановился как вкопанный, прижался спиной к разбитому стеклу, вжался в него, стекло не выдержало и посыпалось на грабителя. Второй метнулся в кусты. На мгновение я растерялся. Но внутри сработал какой-то механизм: я сорвался с места и припустил за юрким парнем, крикнув Арзумову:

- Давай наперехват.

Арзумов забежал с другой стороны ровной линии декоративных кустов акации, вдоль проезжей части. Преступник петлял, перебегая то на одну, то на другую сторону кустарника, но мы догоняли его.

Я слышал за кустами ритмичное дыхание Арзума. Можно было подумать, что мы бежим наперегонки. Я вытащил пистолет, снял его с предохранителя, и, сделав нечеловеческое усилие, рванулся вперед, ускорил бег. Но тут преступник повернул направо, в переулок, пересекая траекторию моего движения. Я прыгнул в кусты, продрался сквозь них и оказался перед беглецом. Это произошло так быстро, что тот ошалело смотрел на меня, как на инопланетянина. Взгляд у него был неласковый, презрительный и затравленный одновременно. Почувствовав его злобу, я навел на него оружие. Сзади к нему подскочил Арзумов, торопливо выкрикнул:

- Не стреляй!

Позже, в машине, Арзумов спрашивал меня осуждающе:

- Неужели ты смог бы выстрелить?

- Это спортивный пистолет, - ответил я. - Но и с огнестрельным умею обращаться.

Глава 5.

Дерево узнают по плодам, а человека по его делам.

Айдын беспокойно посмотрел на нас.

- Ты же, дорогой, сам в адвокатуру сдавал экзамены? - спросил он Арзумова. - Вместе с Гасаном?

- Он передумал вовремя, - заметил я.

- Ага, - оживился Арзумов, - выходит, я был прав?

- Конечно, конечно, - подтвердил я. - Ведь тот, кто защищает виновного, сам навлекает на себя обвинение. Это не мои слова. Так говорил один сирийский поэт. И мне кажется, что это относится не только к тем, кто покрывает. Но он не только про покрывающих преступление это сказал. Так можно было бы сказать и про нас, адвокатов. Защищая преступника, берешь нравственную ответственность на себя.

Ответственность не только за то, чтобы выполнить свой долг, не переступить закон, но и за то, чтобы не дать переступить его стороне обвинения. Именно обвинение объединяет и обвиняемого, и адвоката в одно целое.

- Это как в театре: все думают, что труднее быть трагическим актером, а ведь натуралистично сыграть комическую роль гораздо труднее, - вставил Рафик.

- Синдром виновности любого, на кого лишь пала тень подозрения, переносят и на адвоката. Семь десятилетий вбивали в нас этот синдром. И получается, что для адвоката эта ответственность потяжелее поручительства или соучастия. Ты, Арзумов, боишься, что виновного в чьей-то смерти адвокат может спасти от наказания?

- Да, я хочу это понять. Ведь адвокат не соизмеряет вину преступника со своей целью. Эта цель - во что бы то ни стало отвести от виновного наказание. Он как бы говорит суду и обществу: это ваши проблемы - доказать вину и правильно применить закон, а моя задача не только защищать интересы подзащитного всеми законными средствами и способами, но и найти смягчающие его вину обстоятельства, с тем, чтобы они были приняты судом.

День был солнечный, в окна дул свежий ветерок, невдалеке от дачи начинался длинный, обустроенный бакинский пляж.

- Ты забыл кое-что из того, чему нас учили в университете, - сказал я, всматриваясь в голубое море.

- Гасан, Ванечка, - перебил нас Рафик, младший брат Ивана Арзумова, более мягкий и чертами лица, и характером, - оставьте этот бессмысленный разговор, неужели можно отменить правовую защиту как институт правовой системы? Не нам отменять Конституцию.

- Дело здесь не в Конституции и даже не в принципах гуманности и справедливости судебного процесса, - возразил я. Мне хотелось высказать свою точку зрения. Давно никто не спрашивал меня о самом наболевшем. - Иногда адвоката обязывают вступить в судебный процесс в защиту интересов обвиняемого в уголовном преступлении. Ни отказаться, ни признать вину подзащитного он не имеет права. Конечно, бывают и подтасовки документов со стороны следствия, фальсификация, фабрикуют компромат, выбивают показания. Тогда адвокат чувствует себя как рыба в воде, в том смысле, что отстаивает невиновность человека и ощущает себя борцом за справедливость. Но иногда сталкиваешься со страшными преступлениями. Кому, как ни адвокатам, знать всю подноготную совершаемых злодеяний. Ведь это перед нами на каждом свидании раскрывается человек (если раскрывается). Но нельзя допускать и мысли о том, что адвокат - соучастник преступления. Да и кто может назвать человека преступником до судебного приговора? Надеюсь, ты не возьмешь на себя такую смелость?

- Я не сужу людей, но и не выгораживаю преступников, - потупив взгляд, ответил мне Арзумов.

Я взорвался.

- Презумпция виновности?! Ад на земле начинается тогда, когда появляется пена неистовства на губах ангела, ратующего за правое дело! Люди идут к нам не только за защитой, но и за утешением.

- Но речь идет не о правовом наказании, не о преступнике в правовом смысле, а о человеке, отнявшем жизнь, о нравственных мучениях и страданиях совести преступника и защитника. Помнишь Раскольников? Не мучает ли тебя совесть, когда ты защищаешь подонка?

Айдын и Рафик, затаив дыхание, ждали, как я отвечу, слишком уж грубо напал на меня мой собеседник. И что его разоблало возвращаться к давнему спору?

- Ты не понял одного, - сказал я ему, - если суд сочтет, что есть основания для отмены или смягчения наказания, заметь, по закону! - значит, спасет невиновного или применит наказание, соответствующее преступлению. Этому способствует адвокат. Вынося и утверждая обвинительное заключение, следователь и прокурор, санкционирующий арест, считают человека виновным. Их вывод имеет субъективный характер. Вот почему их заключения недостаточно. После этого во всем должен разобраться суд. Задача адвоката - довести до сведения суда объективные факты, способствовать установлению истины.

Женщины накрыли на стол и принесли розовый, пахнущий свежим укропом масленый плов и шашлык, который приготовил мой друг Айдын на балконе.

- А если за изнасилование ребенка человеку дадут пять лет, - не унимался Арзумов, - и отпустят через два года, адвокат тоже будет ссылаться на правильность применения закона?

- Если закон применен правильно - да, значит для такого наказания были основания, - ответил я. - Но ты, Иван Акимович, начал не с этого. Ты вероятно, не понимаешь, что ощущает адвокат, защищая виновного, и как вообще можно защищать виновного.

Арзумов кивнул и добавил:

- Тем более за деньги.

- Вот ты сам частично отвечаешь на свой вопрос. Защищать - это работа, профессия. И защищаю я не преступника, а обвиняемого.

- Я же говорю о том случае, когда перед тобой - злодей, и ты знаешь об этом.

- Защищать невиновного, - ответил я, - все равно, что бросать спасательный круг тонущему, а защищать виновного - прыгать к нему за борт, когда нет круга.

- Цитата?

- Сам придумал, - улыбнулся я. - Ванюша, мне нравится этот разговор, потому что почти такой же состоялся у меня много лет назад с моим отцом. Еще до армии он убеждал меня, что я должен стать адвокатом. Это было тем более неожиданно, что отец был ортодоксальным партийцем, он и мысли не допускал о какой-то негосударственной деятельности. А в то время адвокатов могли приравнять к барыгам каким-нибудь. Мол, на

чужом горе наживаются, обдирают клиентов как липку, сверх установленных тарифов.

- Так ведь и было, - вставил Арзумов.

- Слушай, ты на меня "не наезжай". Так вот, - продолжил я, обращаясь ко всем, - отец мне сказал это, а я ему в ответ: я не могу стать адвокатом, потому что уже десять лет борюсь с преступностью.

Но когда, вернувшись из армии, я стал обсуждать с ним свои планы, он снова посоветовал мне адвокатуру. Может быть, знал меня лучше, чем я сам себя знал. "Сынок, ты должен быть адвокатом." Я для начала пошел юрисконсультom в министерство, потом набирался опыта в хозяйственных делах, в арбитражных и гражданско-правовых спорах. И лишь через три года стал стажером коллегии адвокатов Азербайджанской республики.

Через год мне предложили возглавить юридическую консультацию. Ее только создали - на бумаге создали.

В том, 1978 году назначение заведующего юридической консультацией согласовывалось не только с райкомом Коммунистической партии Азербайджана, но и с административным отделом ЦК. Согласованная, подписанная всеми возможными инстанциями и должностными лицами бумага ложилась на стол Министра юстиции. Министром юстиции в те годы работал интеллигентнейший человек, Нариман Габибович Юсифов, ныне пенсионер, живущий в Москве.

В городе образовался новый район, вот и консультация понадобилась. Пришлось самим даже строить здание, набирать команду, вникать в нюансы работы с коллективом. Дали один недостроенный фундамент - сказали: работайте. А через пять лет - это была лучшая консультация города и победительница общесоюзного соревнования. Ты считаешь, это произошло благодаря связям, взяткам, партийности или правонарушениям?

- Нет, конечно, - пожал плечом Арзумов, - я же тебя сто лет знаю. Не в тебе дело. В адвокатуре. Вообще...

- Так пойдем от моего примера. Да. Меня предупреждали. И в университете, перед выбором специализации... Нет. И даже раньше, еще перед выбором профессии, мой отец предупреждал меня. Говорил, если, к примеру, я стану адвокатом, то мне придется защищать не только невинных. Отец не отговаривал

меня. Он только предупредил: ты представь, что тебе придется защищать всяких подлецов, убийц, воров, мздоимцев.

- Да что ты объясняешь, - перебил меня Айдын, - ты же специализируешься на гражданском праве, защищаешь предприятия, учреждения...

- Не только. Мы и в уголовных процессах участвуем в порядке сорок девятой статьи.

- Что же ты ответил отцу? - спросил Рафик, - благословил он тебя?

- Возражать не стал. Я сказал ему: если есть шанс хоть в чем-то оправдать человека, основываясь на законе, то значит, само государство предусмотрело этот шанс. Государство! А роль адвоката? Он должен направить свой талант на поиски законных средств и способов, дающих возможность представить следствие, суду все обстоятельства дела, оправдывающие и смягчающие вину подзащитного. Не придумать, не сфабриковать, а исследовать и представить! Нельзя же относиться к адвокатуре, как к исчадию ада. Наоборот, миллионы людей нуждаются в защите своих интересов, и порой это их последняя надежда найти правду.

- Что ты мне толкуешь? Я сам веду прием на работе. То по трудовому праву вопросы, то по жилищному, то по семейному... Но все эти люди приходят, чтобы выговориться. Никто после твоего совета - в суд не бежит. Не приучены. А бывают и вовсе проходимцы. То родню хотят на улицу выгнать, то спор затевает какой-нибудь уволенный за пьянку. А к адвокату и вовсе бегут такие рвачи и мздоимцы, что тебе за отпущение грехов молиться и молиться...

- Арзумов! - Айдын уже испереживался, пока слушал наши речи, хотя это была уже не первая разминка в красноречии.

Мы с Арзумовым понимали это. В конце концов, Айдын покачал головой и подсел к столу. Он робко позвал нас, но до окончания разминки было еще далеко.

- Здесь нужно абстрагироваться от личного отношения к человеку. Это работа. И не забывай, что судебный процесс - состязательный. Есть обвинение. И есть защита. Они должны состязаться в судебном процессе. Ты ведь не за чрезвычайные комиссии, где виновность человека никем не оспаривалась, а защиту искали в парткоме с помощью анонимок? Адвокат должен способствовать установлению истины и на этой основе на-

ходить законные возможности для оправдания подзащитного или смягчения его вины. Айдын, ты ведь не бросаешь на произвол судьбы умирающего бандита?

Айдын аппетитно ел плов и запивал вином, не дожидаясь спорщиков.

- Да только вчера поступил к нам один крутой азербайджанец, прямо шах, э! - не дожидая очередную порцию риса, сообщил он. - Весь в золоте, дал денег на все отделение - на питание больных. Отдельная палата, телевизор, цветы, нашествие посетителей. Говорит, переходи ко мне, будешь семейным доктором!

Он зафыркал, сморщив свое веснушчатое белое лицо. Зазвенели бокалы и зазвучали тосты.

Я не обиделся на Арзумова. Позже я узнал - он стал юристом на предприятии.

Глава 6.

*Луна за облаками - все равно луна,
скрытая истина - все равно истина.*

Много лет спустя я вспоминал разговор с Арзумовым. Передо мной лежало письмо. И нужно было совершить чудо, чтобы разрушить стену равнодушия и установить истинные обстоятельства дела. Иначе грош цена моей убежденности в справедливости.

Письмо было от матери солдата. *"В мой дом пришло страшное горе. Через некоторое время после того, как сына взяли служить в Армию (сын женат, но с беременной женой не дали даже попрощаться), он вдруг исчез надолго, потом оказалось, отправили в Чечню, хотя как женатому ему было предписано служить рядом с семьей. Вдруг приезжает из Твери военный следователь и сообщает, что сын ни с того ни с сего в пьяном виде убил своего командира..."*

Прошло много месяцев, и вдруг мы получаем письмо сына. Это было жуткое письмо. Не просто так убил он офицера. И не офицера, а истязателя. Над ним издевались, заставляли оказывать сексуальные услуги, били в солнечное сплетение, связывали, а утром обещали выпустить на минное поле: война все спишет. Мы

продали все, что у нас было. Комитет солдатских матерей обещал нам адвоката, но за деньги. Зюганову писали, Кобзону писали... Никакого результата, шли отказы.

А сына пересылали из Хасавюрта в Махачкалу, потом в Ростов, Астрахань, Москву. Теперь он в Бутырской тюрьме.

Никто не хочет помочь - кругом равнодушие. Из прокуратуры получено около ста писем, а что толку - отписки...

Если не сможете помочь - не пишите ничего..."

Хорошо быть начальником. Я наложил на письмо резолюцию: "Уважаемый А.И. Хорошев. Прошу ознакомиться и переговорить. Г.Б. Мирзоев". Переговорили, приняли решение выделить адвоката, который примет участие в деле солдата В.А. безвозмездно. Добровольцем вызвался член Гильдии российских адвокатов Ю.И. Толоконников.

Теперь изложу суть дела.

12 июня 1995 года, около 23 часов на боевой позиции в районе с. Ахар Новолакского района республики Дагестан группа офицеров воинской части С-533 учинила попойку.

Неожиданно командиру роты капитану М. и прапорщику Д. пришло в голову проверить посты. На одном из них стоял рядовой В.А. Господа офицеры были в состоянии сильного опьянения и не увидели солдата. Они принялись его усиленно искать. А когда "нашли", стали избивать ничего не понимающего солдата.

Они зверски били его в течение полутора часов, каждую минуту придумывая все новые и новые способы глумления. Привязали В.А. к офицерской палатке, били его кулаками и ногами по голове и телу, прикладами автомата, душили, предлагали совершать сексуальные услуги. "Отсосешь, тогда пойдешь спать", - говорил офицер, капитан М. И это было самое приличное, что говорил он в тот вечер. Потому что все действие с рядовым происходило в сопровождении грубой, нецензурной брани.

Наконец и капитан, и прапорщик почувствовали усталость. Вечер они провели хорошо и достойно, как и подобает офицерам российской армии. Событием, которое они праздновали, нахлебавшись водки, было принятие Декларации о государственном суверенитете России. Но событие это было столь незначительным по сравнению "с воспитательно-профилактиче-

ским мероприятием", которое они только что произвели, что о нем впоследствии никто и не вспомнил.

Когда оба "педагога", удовлетворенные результатами своих упражнений, заснули, В.А. с помощью рядового О. освободился от своих пут (отходя в опочивальню, садисты оставили его связанным). Солдату плакать не полагается, но аффект не проходил, поэтому, дождавшись, когда заснет его спаситель, В.А. взял его автомат и трижды выстрелил в М.

Капитан скончался.

Естественно, что по факту смерти было возбуждено уголовное дело. Но, вероятно, из-за плохих российских дорог возбуждено оно было не сразу: лишь спустя восемь суток судмедэксперт установил у В.А. множественные повреждения головы и тела. Обвинение предъявлялось по статье 103 старого УК.

Несмотря на очевидность преступления, сроки предварительного следствия и содержания В.А. под стражей продлевались до десяти месяцев, и наконец данное дело было направлено в военный суд Астраханского гарнизона.

Девять месяцев военные судьи вынашивали ребенка справедливости и, наконец, произвели на свет решение о возвращении дела для дополнительного расследования. Но не потому, что показалось что-то неясным и даже подозрительным - как такое могло произойти, и почему в таком случае статья 103? А в связи с существенными нарушениями УПК.

Когда же расследование было закончено, В.А. предъявили новое обвинение, теперь уже по 105-й статье. Тем самым, не заметив или признав естественными действия покойного капитана и его компании. С того момента уголовное дело по обвинению рядового В.А. затерялось в военном суде Махачкалинского военного гарнизона, а сам рядовой содержался в различных следственных изоляторах.

Между тем наступал уже июнь 1997-го, и новые офицеры с молоднячком нового призыва праздновали Декларацию независимости.

И лишь еще через год данное уголовное дело, наконец, было рассмотрено в помещении военного суда Московского гарнизона. Действия В.А. были "переквалифицированы на справедливость": отныне ему вменялась ответственность не за умышленное убийство, а за убийство в состоянии аффекта. С уче-

том уже отбытого срока, незадачливый солдат был освобожден из-под стражи в зале суда и уехал с родителями по месту жительства.

Что можно сказать по поводу этого факта.

Печать часто критикуют за дискредитацию армии. И я, автор этих строк, также рискую навлечь на себя гнев людей в форменной одежде. Но не могу не назвать имена "защитников Отечества" выступавших в качестве свидетелей в уголовном деле В.А. и выполнивших свой долг перед обществом лишь под страхом уголовного наказания (308-я статья нового УК).

Это люди, которые, судя по их собственным показаниям, видели издевательства, слышали побои, но терпели капитана М., приспособлялись. А потом, когда уже не было на свете М. и В.А. был арестован, они вдруг все сразу все это вспомнили и засвидетельствовали. И мы доверяем им безопасность нашей страны!? Вакуленко, Ещенко, Ермолаев, Орлов, Павлов, Ситиков, Маслаков, Корюков, Пешков, Андросенко, Садыков, - целое отделение защитников Отечества. Хочется спросить: где вы были раньше? Почему вы, здоровые ребята, даже не пытались предотвратить беду?

Здравица от солдатской мамы не заставила себя ждать. Но разве в ней дело:

Здравствуйте, уважаемый господин Г.Б. Мирзоев!

От чистого сердца низкий Вам поклон и материнская благодарность. Честное слово, мы не ожидали такой помощи в наше трудное время, когда все кругом ничего не делают просто так, Ваша помощь бесценна.

Мы выражаем самую искреннюю благодарность замечательному великодушному человеку Ю.И. Толоконникову, который блестяще выступил на суде.

Сын дома. Что я могу еще сказать. До конца жизни не забудем того, что Вы сделали для нас.

Милый, дорогой наш господин Г.Б. Мирзоев, пусть Г-дь никогда не оставляет Вас своей Милостью, мы будем молиться за Вас.

Желаем Вам, Вашим близким, родным, всей Гильдии российских адвокатов здоровья, успехов в труде, любви, доброты, словом, всего самого светлого и хорошего в жизни.

С уважением, Н.В.А.

Глава 7.

Есть слова, которые поражают сильнее пули.

В коридоре прозвенел звонок, Соня открыла дверь. Я поднял глаза и увидел на пороге гостиной пожилого седого человека. Под глазами его образовались тяжелые оттянутые вниз мешки, губы были влажны, лицо покрывали старческие пятна. Я встал и от волнения покрылся потом. Глаза мои предательски зашипало. Он смотрел на меня, не моргая и не отводя взгляда. Мы не могли сказать ни слова, потому что у каждого из нас ком застрял в горле. Мы смотрели друг на друга и, наконец, старик бросился мне на грудь и затрясся всем телом.

- Ну, ну, Вазген Аванесович, ну, ну, - как заведенный, повторял я, похлопывая его по плечу, - садитесь с нами, рассказывайте, как поживаете...

Саакян достал из кармана большой мятый носовой платок, вытер лицо, потом приложил ладони ко лбу, огладил щеки. Ребята сдвинулись и предложили Саакяну стул рядом со мной. Пришли из кухни женщины, поставили прибор, положили салфетку.

Наконец Саакян расслабился и улыбнулся, подперев рукою свою, с белой щетиной, щеку. Так и сидел, покачивая головой, словно не веря своим глазам. Ввалившимся беззубым ртом перетирал плов, мягкими старческими губами пробовал вино.

Это случилось в семьдесят восьмом году. Мне был тридцать один год, я уже работал заведующим Тринадцатой юридической консультацией Шаумяновского района Баку, возглавлял городскую комиссию по социалистической законности и правопорядку, был депутатом районного совета.

Однажды ранней весной в моем кабинете раздался телефонный звонок. Я взял трубку. Звонил первый заместитель Генерального прокурора республики. Секретарь прокуратуры назвала его имя и соединила, не дав опомниться.

- Гасан Борисович?

- Здравствуйте, Павел Николаевич, - как можно почтительней сказал я. - Слушаю вас.

- Ты газеты читаешь?

- Какие газеты? - не понял я.

- О деле прокуроров слышал?

- А! Конечно, - я уже понял, куда он клонит, сердце мое сжалось от ожидания неминуемого назначения. - Громкое дело.

- В ЦК предложили твою кандидатуру как одну из наиболее подходящих. Будешь защищать главного свидетеля...

- Как свидетеля?

- У нас шестнадцать обвиняемых - все бывшие прокурорские работники: Кулиев, Бабаев.... И есть такой Саакян. Свидетель обвинения и сам обвиняется в организации подпольного трикотажного цеха.

- А! Знаю, да, да. - Я засмеялся произвольно.

- Что ты смеешься? Ты понимаешь, какая честь тебе оказана?

- Извините. Это я вдруг вспомнил, что все мои предки вели в Азербайджане трикотажное производство, теперь уже можно об этом говорить.

- Ну, фабрики теперь - государственные, а работают на них, похоже, все те же баи. Мы тебя не по родословной выдвигали, а по профессиональному признаку. Подъезжай в следственный изолятор КГБ, пропуск на тебя заказан. Оформи только ордер на ведение этого дела. Твой подзащитный Саакян, фактический руководитель цеха в Маштагинском районе. Сначала зайди к следователю. Возьми дело, почитай.

- Сколько дней уже мой подзащитный в камере?

- Дней? Полтора года! - фыркнул прокурор. - И не переставайся. Дело решенное, сам увидишь! Держи со мной связь.

Ох, уж это панибратство и покровительственный тон! Все достоинство человеческого восстает против неуважения, идущего от бескультурия.

Руководитель следственной бригады Прокуратуры СССР, Алексей Васильевич Чижук встретил меня ухмылкой. Положил передо мной первые пять томов дела.

- Остальные шестьдесят будете изучать по эпизодам, касающимся вашего подзащитного. Я выделю сотрудника, он будет представлять вам материал, который сочтет нужным...

Вот так, ни больше - ни меньше. Мне будут дозировать истину...

Дело это со всеми кассациями и апелляциями продлится пять лет. А в то время...

...Алексей Васильевич вызвал своего подчиненного Ракиту и, опустив ему на руки эти тома, велел заняться со мной.

- Это только по Саакяну, - пояснил пузатый следователь по особо важным делам Прокуратуры АзССР, носом указывая на папки, - но ты сам понимаешь, хищение в таких размерах - это вышка.

Вот когда пальцы мои похолодели и задрожали. Не то чтобы я не сталкивался еще с такими серьезными делами. Но расстрел, да к тому же заведомо предрекаемый обвиняемому... Все в душе моей взбунтовалось. Казалось, в голове перемешались все правовые понятия, здравые аргументы, все нормы, совсем недавно изученные на юрфаке. Презумпция невиновности, объективность, право на защиту... Все эти гуманные принципы права расплылись в одночасье, как будто болезненный жар овладел моим сознанием, помутил его на мгновение. Запыхавшийся от внутреннего возмущения и слепой ярости, я захлопнул папку, где старался конспектировать свое адвокатское досье..

- Сначала иду к подзащитному! - твердо проговорил я.

- Как угодно, - пожал плечами "важняк".

Он был полностью подавленным, этот Саакян. В клетчатой синей рубашке, вытянутых на коленках трениках и домашних тапочках, худой, сутулый, растерянный, похожий на постояльца ракового корпуса, Саакян предстал передо мной в сопровождении конвойного. Конвойный был рослый. Контраст с моим подзащитным - разительный.

Нас оставили в комнате для допросов. Я представился, протягивая руку. Он долго всматривался в мое лицо, потом кивнул.

- Да, это вы. Мне говорили о вас.

Я удивился:

- Следователь говорил? Неужели вам меня назначили с учетом вашего мнения?

- Как бы не так, - рассмеялся он, обнажая мелкие с червоточинками зубы. - Следователь беседовал об адвокатах со мной только один раз, когда меня задержали. Вызвали на допрос как свидетеля и вот держат здесь уже полтора года. Это там, в камере, о вас легенды ходят. Кто-то уже имел счастье с вами работать.

На сей раз рассмеялся я. "Работать!" Очень уж по-деловому он проговорил это слово "работать".

- Да-да, в камере пятьдесят человек и многие подтвердили: этот адвокат может помочь. И кажется, судьба повернулась ко мне лицом.

Чем-то он заворожил меня, этот шупленький тшедушный Саакян. Заворожил несмотря на слухи, ходившие о нем. Как только мои коллеги узнали о моем назначении, мне поспешили сообщить, что Саакян и его подельник по кличке "Карандаш" дают "чистосердечные" показания на работников прокуратуры. Эти самые показания втягивали в омут сфабрикованного дела невиновных людей - участника Великой Отечественной войны Сашу Бабаева и сына бывшего Председателя Совмина Азербайджана Изика Кулиева. Признаться, я шел на первую встречу с холодным сердцем.

У него был тоскливый вопрошающий взгляд, который выдавал тревогу и жуткий страх. Внешне казалось, что Саакян вроде бы и не думает о том, по какой статье его будут судить и о том, что суд приближается с каждым часом... Но его испуганный взгляд снился мне потом. Это был не взгляд, а вопль.

Он признал свою вину, назвав всех своих "соратников". Защиту пришлось строить на формальных основаниях. Следствие не имело достаточных доказательств объективной стороны преступления, а именно: не доказало, что хищения акрилана действительно имели место. Пересортица товаров, экономия сырья, выпуск одежды меньших размеров, - все эти факты "не дотягивали до вышки". А социалистическому правосудию требовался показательный процесс.

Если бы сегодня кому-то взбрело в голову заниматься изучением подобной предприимчивости с точки зрения Уголовного кодекса, то максимум, что грозило бы Саакяну, - это условное наказание или штраф. А на том процессе я осознал всю серьезность положения, когда понял, что обвинение прокурорских работников в соучастии в хищении есть не что иное, как рецидив сталинских времен.

С ужасом озирался я вокруг и вдруг словно пелена начинала сползать с глаз: я научился проникать в суть явлений, давать им оценку с позиции здравого смысла. Многие тогда я увидел по-новому, понял, что руководящая и направляющая сила общества давно ввергла это общество в тоталитарный режим.

Осознав надуманность обвинения и бездоказательность доводов следствия о виновности шестнадцати (!) человек (впоследствии трое из них были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны), я старался максимально распространить на них защиту. Корректировал и постоянно согласовывал

вал свою позицию с позицией самого Саакяна и его коллег по несчастью, которые в жизни мирской, не тюремной, были его старыми друзьями.

Безгрешные люди пусть укорят моего подзащитного за то, что в обмен на сохранение ему жизни он дал показания на своих друзей. Я не стану защищать это его право на предательство во имя сохранения своей жизни. Он сохранил свою жизнь ценой чужих жизней. Ведь Саша Бабаев, Изик Кулиев, Алекпер Миркишиев были расстреляны. Расстреляны по сфабрикованному обвинению в том, что они якобы были соучастниками в хищениях социалистического имущества и тем самым способствовали преступлению.

Однажды на встречу со мной Саакян пришел взволнованный и сообщил, что хочет сделать заявление.

- Я подписал все показания. Они пытали меня. Вы, конечно, будете презирать меня. Но я не боюсь умереть. Я не ради этого... Я боюсь боли.

И он как-то неловко-судорожно выгнулся при этих словах, и лицо его перекошилось. И тут только я понял, что передо мной жертва режима: и в духовном, и в физическом смысле.

- Они избивают изошренно, почти нет синяков.

Он передал просьбу своих подельников. Все просились ко мне.

- Следователи говорят, - убеждал меня Саакян, - что только мои показания могут их спасти. А те на прогулках косятся на меня эдак затравленно, укоряюще, как будто одной ногой уже на том свете. Я не смогу спокойно жить, если их интуиция обманет.

- Не положено адвокату иметь позицию, которая может ухудшить положение подзащитного. Есть такой принцип: "не навреди". Подумайте, представьте, судьи возьмут ваше дело, увидят, что вы меняли свои показания, сделают вывод о сомнительности и первых, и последних показаний. Отказ от своих показаний, данных на предварительном следствии, будет говорить не в вашу пользу.

- Я прошел испытания физические, но угрызений совести - не выдержу!

- Все понимаю. Но мы должны избрать правильный момент судебного, а не предварительного следствия для того, чтобы сказать правду и чтобы ее услышали!

Следователи, которых на этом деле был целый полк, препятствий в ходе изучения материалов дела мне не чинили, но и особо не усердствовали.

Я встречался с А.В. Чижук, который уже нехотя принимал меня в своем кабинете.

- Ну, что ты меня терзаешь, я - прокурор, я - обвинение, у меня работа такая. У меня централизованный демократизм, понимаешь. Тьфу, демократический централизм! Ты помнишь, что это такое?

- Я - член партии. Но причем здесь партийность?

- Как причем?! У нас еще социалистическую законность и ведущую и направляющую силу нашего общества никто не отменял. Есть партийное руководство, есть партийное решение. ЦК не может ошибаться.

Так говорил в те дни А.В. Чижук, а всего через три года в отношении другого дела ЦК все-таки ошибся, неосторожно предъявив обвинение секретарю крайкома по нашумевшему рыбному делу.

Но все это было потом.

А тогда я говорил ... со стеной. Обрамленной красивой гривой темных волос... идеологической стеной. Непробиваемой стеной.

Патерналистские традиции государства российского, коротко определяемые тезисом "власть всегда права", не стыковались с идеей, лежащей в основе адвокатской профессии, для которой главным приоритетом всегда были законные интересы и права личности, человека, пусть даже не во всем следовавшего общественным установлениям. Жизнь человеку дана от Б-га, и только он вправе давать окончательную оценку делам и поступкам каждого.

Суд же земной вправе и обязан тщательно оценить наши действия с точки зрения существующего закона, непременно приняв во внимание не только истинные прегрешения преступника, но и исследовав все обстоятельства, смягчающие вину оступившегося человека, дабы случившееся преступление послужило в первую очередь нравственным уроком согражданам и не повторялось вновь. Но без учета мнения защиты обвиняемого эта цель недостижима, а значит, даже самый жестокий суд и самая тяжкая кара станут для общества не более чем дикой местью от сознания собственного бессилия. Зло вновь родит зло...

- Да ведь есть закон! - не унимался я. - Они ведь максимум по пять лет заслужили, а прокуроров вообще надо немедленно освободить.

Я тогда не задумывался над странностью выпавшей мне роли: адвокатской защиты бывших обвинителей.

- Это честные люди, - убеждал я того, кого нельзя было убедить в то время, в силу природы самого строя. - Один из обвиняемых - сын бывшего Председателя Совета Министров Азербайджана, старого большевика, другой - сам участник войны, а Саша Бабаев - заместитель прокурора, начальник следственного управления Прокуратуры Азербайджана. Эти люди страдают по политическим мотивам!

- Ну, ты, что говоришь-то! Опомнись! Еще этого мне здесь не хватало! - прокурор перешел на крик. - Езжай в свои палестины и там кричи о политзаключенных!

Наступила неловкая, саднящая пауза. Чижук понял, что перегнул палку, встал ко мне вполоборота, словно ожидал, что я ему вмажу. Я насупился, потом наклонился к телефонным аппаратам на столе, усыпавшим его, как опята - опушку, и проговорил:

- У них в производстве были материалы на высших должностных лиц республики, против руководства республики - о завышениях объемов выращивания хлопка. В ЦК КП Азербайджана производят не хлопок, а липу. И вот власть убирает даже не следы своих приписок, а свидетелей своего мошенничества.

Прокурор обошел стол, встал сзади и оттянул меня от телефонов. Их провода вели прямо к магнитофонам КГБ, в здании которого размещались все члены многочисленной следственной бригады Прокуратуры Союза.

Было странно, но он смеялся. И смеялся как-то нехорошо: неискренне, неестественно.

- Хулиганишь, Гасан Борисович! Ну и шутки у тебя, ну и шутник!

Я вышел из приемной с чувством, будто частично отомстил за несправедливость. Но главный бой все-таки нужно было выиграть на ринге суда, причем с той доказательственной базой, которую мне позволили выработать. С этой поры, по приказу первого заместителя Генерального прокурора, руководитель бригады каждый день докладывал о своей работе на совещаниях в Прокуратуре и в Центральном комитете республики.

- Показательный процесс намечается, - только и твердили в коридорах прокуратуры.

Вот и ждали все этого процесса. А раз показательный - то и законодательство о предварительном заключении старались не нарушать. Били Саакяна в основном в камере. Матерые уголовники.

Я ознакомился с делом и понял, что мой подзащитный - не безвинная жертва ошибочного обвинения. Да и сам он не отрицал своей вины, по действующему т о г д а законодательству!

Я только седьмым чувством понимал, что организация работы по производству сверхплановых трикотажных изделий - от колготок до курток - не состав для расстрела.

По делу проходило шестнадцать человек. И лишь шестеро обвинялись в том, что они организовали на двух смежных фабриках дополнительное производство. За сырье и амортизацию оборудования деньги возвращали фабрикам, платили рабочим подпольных цехов официальную зарплату, те даже не знали, что работают на "подпольном" предприятии. Доход пускали на расширение производства, правда того же - подпольного. За это они и получили статью: "хищение в особо крупных размерах, совершенное организованной группой лиц".

А тут еще кампания по борьбе с коррупцией.

На этих башковитых дельцов ополчилось все правосудие страны. Поторопились они со своей предприимчивостью лет на десять-пятнадцать.

Перед старым зданием Верховного суда, что на улице Самеда Вургунa, так предательски освещенным солнцем, что видны были все трещины и сырые подтеки на желтом фасаде, образовав круг, ходили женщины. Они были одеты в черное, в руках держали небольшие черные флаги. Монотонно двигаясь в каком-то исступленном упорстве одна в затылок другой, они создавали зрелище поужаснее факельного шествия в середине тридцатых годов в Германии. Их каменные лица, их оголенные по локоть руки, их черные платки, платья, чулки, разбитые пропитанные пылью тапочки, - все это заставляло остановиться на месте и запечатлеть еще одну картину человеческого горя.

Теперь я его видел.

На заключительном заседании в суде первой инстанции Сааша Бабаев обратился ко мне из своего дубового загона:

- Нас расстреляют, Борисыч. Мы уже смертники.

Я обернулся к нему. Он смотрел на меня спокойно, словно хотел меня успокоить, простить за что-то.

- Не разговаривать! - крикнул конвойный, и Бабаев, побелевший в камере следственного изолятора без солнца и тепла, еще больше побелел, стал серым.

- Но я все равно благодарен судьбе, что у этого Саакяна такой адвокат. Спасибо, сынок! Но твоя работа и работа твоих коллег-адвокатов обречена. Нас никто уже не спасет.

Конвойный подпрыгнул к Бабаеву и рукой толкнул его в плечо.

- Молчать.

Все подсудимые и мои более опытные коллеги смотрели в мою сторону, на меня. Сашу Бабаева защищал сам Николай Иванович Киркевич, маститый правовед, известнейший бакинский адвокат. Воспламениться можно было от взгляда его черных горящих зрачков. Этот ряд надеющихся на меня людей... Они уже проникли в мои будущие сны, в мою подкорку, в мою душу.

Взгляд мой был примагничен к их лицам, словно мне нужно было запомнить каждую их черточку, каждый нюанс мимики.

- Как может быть прокурор причастен к хищениям на предприятии? Он может взять взятку.. Но взяткой подношение будет тогда, когда он может реально содействовать незаконному улучшению положения взяточдателя... - говорил я в своей защитительной речи.

- Состав преступления в данном случае предполагает реальную возможность использовать свое служебное положение, к примеру, для того, чтобы противозаконно освободить человека от ответственности, закрыть глаза на деяние, содержащее признаки преступления.

Меня слушали настолько внимательно, что только цокотание мухи, бьющейся в стекло, свидетельствовало: эта Земля - обитаема.

- Участники подпольного цеха, - тщательно произносил я, держа в руке лист с планом речи и прохаживаясь возле своего места, - сэкономили акрилан, из которого фабрика изготавливала трикотажную продукцию. За счет этой экономии шили водолазки небольшого размера и детские рейтузы, продавали их вместе с легальной продукцией, а прибыль пускали в оборот предприятия. Они даже приносили пользу государству, так как сделали государственное предприятие сверхприбыльным. Единственное их нарушение - это перевыполнение плана, то

есть уже установленных нормативов. Обвинение не сумело доказать, что прибыль шла в карман подсудимых...

Мой подзащитный признал свою вину в организации подпольного производства. Но на фоне основного обвинения прокуроров во взяточничестве я смог требовать для него самого легкого наказания - ниже низшего предела. Это мне самому казалось немыслимым и нереальным. Но я с детства, сопровождая маму на базаре, усвоил закон торга: проси самую низкую цену, отдадут за приемлемую.

Саакян поседел в зале суда, когда начали зачитывать приговор. Список приговоренных судья чеканила в алфавитном порядке. "Суд приговорил Бабаева ...к высшей мере наказания... Кулиева... к высшей мере наказания... Миркишиева...к высшей мере наказания... Саакяна..."

Вместе со следствием прохождение дела по всем инстанциям судебной системы длилось пять лет. Во время апрельского пленума ЦК КПСС 1984 года приговор привели в исполнение, не дожидаясь вступления в силу решения пленума Верховного суда СССР. Советское правосудие опять показало, что жернова его механизма готовы перемолоть любую жизнь во имя идеологических принципов и сохранения старой системы, вопреки логике и справедливости.

Троих расстреляли.

Саакяна суд приговорил к тринадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Это было за год до начала горбачевской перестройки.

Но это еще было время, когда правосудие вершилось на фоне портретов членов Политбюро ЦК КПСС...

Глава 8.

*Наш мир похож на караван-сарай:
одни приходят, а другие уходят...*

Пока мы ехали на кладбище, мама несколько раз спрашивала:

- Ты взял фотоаппарат?

- Взял, мама. Что ты так волнуешься!

- Ну, хорошо.

Она отворачивалась к окну машины и смотрела на город: прощалась. А я смотрел на ее гордый профиль. Как-то ей будет у меня в Москве, примет ли она новое место жительства, не сломит ли ее незнакомая обстановка и сам переезд, не ляжет ли новой трещиной на сердце расставание с прошлым. И решил, что попрошу водителя после кладбища провезти нас по всем центральным улицам Баку, вдоль Приморского бульвара, к стадиону Ленина, может быть, даже съездим к морю, в Бузовны.

- Фрида говорила, что армянское кладбище снесли, - глаза мамы за последние годы провалились и вокруг них образовались коричневые круги от бессонницы.

Я провел ладонью по ее волосам: прядка выбилась.

- Что поделаешь, мертвым уже все равно.

- Как можешь ты такое говорить!

- Люди не ведали, что творили. Страсть и ненависть ослепляют.

- Да... да... Ты взял фотоаппарат?..

Такси проехало станцию метро "Иншаатчилар" и свернуло с проспекта Строителей вправо. Мы вышли из машины и поднялись в гору. Там на зеленом холме под мраморной плитой лежит наш отец. По углам плиты стоят высокие белые столбы, их вершины соединены черной чугунной цепью. На черном мраморном постаменте высечен портрет отца. Стандартная надпись: "Родился 12.12.25, умер - 18.01.84".

Возле памятника растет старая чинара.

Мама присела на холодную гранитную скамью, рядом с плитой. Я встал за ее спиной.

- Здравствуй, отец, - сказала за нас обоих мама.

Кладбище вызывает у меня светлое чувство встречи с ушедшими. Но сегодня был особый день.

Мы пришли попрощаться с отцом. Но теперь не он уходил от нас, а мы уезжали от него надолго, может быть, навсегда. Думаете, мама хотела сделать фото могилы на память? И да, и нет. Умные люди научили: если времена придут тяжелые, если вообще разрушится связь времен и уехавших отсюда не будут пускать обратно - фотография могилы, может быть, поможет доказать свое право на посещение могил родных. Вот о чем думали люди из-за глупой испепеляющей вражды, возникшей однажды на этой земле и лишь на время притихшей в сердцах.

- Чтобы был шанс вернуться, - сказала мама, поднося к глазам окошко фотоаппарата, но не смогла подобрать удобный ракурс: слезы застили ей глаза.

Я сделал несколько снимков, мы зажгли свечу и долго еще стояли, склонив головы, пока в глазах не запрыгала рябь серого мрамора, покрывшего землю.

Глава 9.

У богача - деньги, у бедняка - дети.

И вот я продолжаю рассказ о мамином переселении в Москву.

Мы молча сидим в затемненном коричневом купе. Поезд отходит от плоского полупустого Сабунчинского вокзала. Соня и Айдын машут нам рукой, но они уже далеко. И мы с мамой сидим один напротив другого.

- Все будет хорошо, мама. Успокойся.

Она молчит, глядя в одну точку. Только слегка пожала плечом, еле-еле дернула бровью, попыталась улыбнуться.

Поезд плавно покачивается, как корабль на волнах, лениво постукивают колеса, бережно вздрагивает вагон на стыках рельс. Она не хочет смотреть в окно, ей грустно. А я не могу не испытывать нетерпения: представляю, как она входит в мой, вернее в наш дом, где ожидают ее уют и тепло.

Однако же, мысли мои скоро вернулись на перрон бакинского вокзала, где часом раньше состоялась одна приятная и одна неприятная, загадочная встреча.

Неожиданно на вокзал приехал Арзумов с тремя чемоданами и сумкой и заявил, что тоже едет в Москву, так как его перевели в московское представительство его фирмы на три года.

Что в этом плохого?!

Арзумов ехал в первом вагоне. До отправки поезда оставалось десять минут, и он простился со всеми.

- Постой, я помогу, - крикнул ему Хикмет, еще один наш старый приятель, но Арзумов остановился и странно произнес:

- Ради Б-га, не надо.

- Что это с ним? - спросила Соня. - Обижен он, что ли?

Мы пожали плечами.

К нам вышла из вагона мама, принесла сливы.

- Смотри, Гасан, опять этот человек, - она осторожно кивнула в сторону старика, который шел за нами от самой стоянки такси.

Я узнал его. Он со своим багажом первым стоял в очереди за машиной, но увидев меня, попятился, уступая нам с мамой дорогу, словно царствующим особам, оттесняя всю очередь назад. Мы переглянулись. Мама даже рассмеялась: "Что это от тебя люди шарахаются?" И мы, смеясь, прошли мимо, но краем глаза я успел увидеть, что этот человек не сел в машину, а закинул свой баул на плечо и медленно пошел за нами.

Он был стар, видимо, жил не в Баку, а где-то в сельской местности, лицо его было почти черным от постоянного пребывания под палящим солнцем. Судя по всему, это житель какого-нибудь высокогорного аула. В сером брезентовом плаще до пят с капюшоном и намотанных на ноги вязаных джурапах.

- Станный старик, - сказал я, еще раз оглянувшись.

Старик остановился возле палатки с пирожками, поглядывая в нашу сторону. Вещи, весь домашний скарб, с которым мама не захотела расстаться (но взяла только самое нужное), мы отправили отдельным багажом, поэтому ехали налегке. Вся моя "команда" поджидала нас у электронного панно, туда же пришли и тетя Дели с семьей, и дети отцовского брата, и другие родственники, пожелавшие проводить нас в Москву.

Старик не уходил. Он стоял, теперь приблизившись к нашему вагону, прятался за фонарный столб, одиноко высившийся на платформе.

- Что ему надо, пойдй спроси, - сказала мама.

- Зачем? Захочет - сам подойдет.

- Ты же видишь, он робеет. Эти горцы все очень застенчивые.

Я, немного помешкав, повернулся, чтобы пойти к старику. Но тот, очевидно, заметивший, как женщина кивнула в его сторону, понял, что я сейчас подойду к нему, и решился. Взгляд его вспыхнул, даже сквозь черную, словно закопченную кожу проступил румянец, как у стыдливой барышни. Он засеменял по-чаплински мелко ко мне навстречу, покачивая головой, будто она была надета на пружину.

Я удивился еще больше, когда он остановился передо мной на секунду, заглянул в мои глаза, так неожиданно улыбнулся, втянув шею в плечи, сморщив все складки и трещины на ли-

це, и поторопился к моей матери. Я чуть было не ринулся за ним, но не успел. В мгновение ока старик подскочил к маме и упал перед ней на колени.

"Сумасшедший" - пронеслось у меня в голове. Вместе с толпой моих друзей и родных мы кинулись оттаскивать старика от моей мамы, пытавшейся поднять его с асфальта.

Со стороны это могло показаться смешным, похожим на вытаскивание репки из огорода. Но мне было не до смеха. Ох, и напугал меня этот старик. Но вскоре все выяснилось. Тем более проводница уже пригласила занять места в вагоне.

Через полчаса мама прервала молчание.

- Нехорошо это, - словно спрашивая меня, сказала она. - По-моему, плохо.

- Он же объяснил тебе, - понял я ее, так как и сам думал о том же.

Поднятый с перрона старик был так доволен своим поступком, такая радость была написана на его лице, что он даже не видел, какой ужас затаился в глазах мамы. Он по-мусульмански воздел ладони к небу и стал причитать на плохом русском:

- Да благословит Аллах ту женщина, который родил такой прекрасный человека...

Мне стало смешно. Старик еще больше распалился и чуть ли не зашел:

- А-ай! У меня такой радост, э, женщина! Мой единственный сын Ахмет попал турма, его там би-или, коло-оли, прокурора сказала, что ему не жит на эта свет. Он совсем малчик, э! Сказат такой слова старику-отцу, надо очен сухое сердце имет. Этот благословенный человек был послан мне небом! Я сидел на склоне оврага возле Курского вокзала без денга, без еда, без сына. Он остановил свой машина... - старик все время делал ударение на последних слогах, от чего его речь казалась намазом. Я начал вспоминать его...

Это было в Москве. Поздно вечером я возвращался с работы. Выехав на своих "Жигулях" с Сыромятнической улицы на Садовое кольцо и повернув к Курскому вокзалу, я притормозил на светофоре, пропуская поток машин вниз к огромному зданию и стоянкам.

Тогда этот пролет, где кольцевые троллейбусы делают передышку, встав гуськом у обочины, еще не был заставлен палатками.

Я провел взглядом по огромному пространству площади вокзала, за тротуаром начинался склон, поросший травой, спускавшийся в низину, где был построен вокзал. Сначала я не разобрал, кто там в траве сидит. Весь в пестрых лохмотьях, некогда бывших его одеждой, в каких-то подвязках на поясе и на ногах, боком ко мне сидел старик и раскачивался, прижав к щекам ладони и расставив в стороны локти.

Весь вид его говорил о том, что он в беде.

Может быть, это только тогда, когда у человека радость, кажется, что он читает молитву. Но когда у человека настоящее горе, он откладывает все молитвы и обращает к Б-гу только свой вопль! Я вывел машину в правый ряд и остановился за будкой троллейбусного диспетчера. Выйдя из машины, я медленно подошел к нему, мне неудобно было стоять над ним и глядеть сверху вниз и я присел на корточки.

- Отец, ты откуда? - спросил я, дотронувшись до его плеча.

Он не посмотрел на меня. Опустил голову, словно я не должен был замечать, что он в несчастье. Помедлив, ответил:

- Баки.

- Из Баку? - удивился я.

- Таджикистан приехал Баки, там в аыл далеко горы.

Речь его была похожа на телеграфный стиль, без предлогов и с сокращениями букв. Неожиданно его понесло, и он стал жаловаться мне, потому что, когда человек одинок, он готов пожаловаться любому, кто его не знает. Насколько я мог понять, старик приехал в Москву месяц назад, в ноябре, торговать хурмой.

Хурма, конечно, была не его, но ему обещали хорошо заплатить, поэтому он взял с собой сына, которому было всего семнадцать лет.

- А где же ваш сын, дорогой? - спросил я.

- Турма, - обиженно ответил старик и дернул пегой худенькой бородкой, в его морщинах блеснула влага, как горная речка в расщелине Кавказских гор. Потом он снова выдохнул. - Турма мой сын.

- Что значит - тюрьма? Что он сделал?

Старик снова стал раскачиваться, положив ладони на щеки:

- Что за город, а? Сначала сами обокрал до нитка, потом сына взял...

- Кто взял? Милиция? За что?

- Как за что? Торговал хурма. Вся денга пропал, ограбил банда на базар, что делат? Бай меня убьет! Сыну давал колцо, говорил: идешь вокзал, торгуй колцо, купим билет, уезжайт домой. Сын взял колцом. Его схватил начальник, всо!

Старик повернул ладони к Курскому вокзалу, заметно осерчав на несправедливость, совершенную над ним. Я начинал понимать в чем дело. Мальчика задержали за торговлю золотом. Мне ничего не оставалось, как взяться за это дело.

Вот такой случай. Так бывает с врачом, когда он едет в автобусе. А у сидящего рядом пассажира случается сердечный приступ.

Не оказать помощь - значит нарушить клятву Гиппократата!

Дело это оказалось нетрудным, но из-за бумажной волокиты суд состоялся нескоро. Парень отсидел в следственном изоляторе больше трех месяцев. Его отец жил в общежитии юридического института, куда мне удалось его устроить. Уехали они в свой аул вместе - отец и сын.

Теперь, в поезде, чтобы скоротать время, я рассказал маме эту историю в подробностях. Она обожала слушать о моей работе все, как ребенок - сказки. Да и отца всегда внимательно участливо слушала, когда тот возвращался со службы и за ужином рассказывал о произошедшем за день.

С тех пор прошло три года. Когда я вспомнил этот случай из собственной практики, мне стало неловко. За все годы своей адвокатской деятельности я так и не решил, должен ли я помнить всех, кому оказывал помощь...

Старик не мог оторваться от нас, он обходил всех по кругу и пожимал каждому руку своими сухими потрескавшимися ладонями.

- Как ваш сын? - спросил я его на прощание. - Не попадал больше в историю?

- В армии, в Тверской области, еду от него, отвозил помидоры и дыни в часть, покушать ему с друзьями. Началныка добрая, хвалит.

- Гасан, а ты где служил? - встрепенулся Айдын, - кажется, тоже в Тверской области?

Я кивнул. Пора было прощаться. А тут - еще немного и Айдын в сотый раз заставил бы меня рассказывать про мою первую медаль - "За отвагу на пожаре".

Глава 10.

Старая, вспомни о своей юности.

Вообще-то, на юридическом факультете была броня. Для потомков нужно пояснить, что в мои времена молодые люди, которых приняли в институт, освобождались от воинской обязанности. Иными словами, призыв на срочную военную службу во время счастливых студенческих лет их не касался.

Как же я попал в армию с четвертого курса юрфака?

Мой брат служил в Афганистане. Я был настолько пропитан верой в существующий строй, что несколько раз писал министру обороны СССР письма с просьбой призвать меня в Афганистан. Это, конечно, шло от врожденного законопослушания, от врожденного высокого правосознания.

Я нисколько не превозношу себя, говоря о повышенном чувстве патриотизма. Все в это в нас от Б-га.

Кому-то не дано понять, что такое право и почему нужно соблюдать установленные государством обязательные нормы поведения. И даже слово "хаос" их не пугает. Ведь может быть недостаток фантазии, когда трудно представить, что неограниченная свобода поведения привела бы человечество к самоуничтожению.

Так вот, я тогда глубоко верил, что война в Афганистане защищает нашу страну от опасности враждебного соседства. Я абсолютно не понимал сути этих проблем. К тому же я знал язык фарси и считал, что смогу там пригодиться. Все это искренне.

Но жизнь преподнесла мне серьезный урок. И дело здесь не в том, что я оказался в армии, а в том, что я разочаровался в системе.

Да. Это случилось в шестьдесят девятом - семидесятом году. Не помню уже всех нюансов того дела. Я работал в районном отделении милиции по вечерам, а днем успевал учиться. И хорошо учился, без фальши. В конце первого курса, на одном экзамене пришлось краснеть перед преподавателем. Мудр был учитель. Посмотрел на меня внимательно, сказал:

- Не беда, что вы не знаете определения административно-территориального устройства государства, но зачем надо было терять целый год?

- Я выучу.

- Это не мне надо, а вам, - ответил мой учитель.

Вот с тех пор я и понял, что время жизни можно прожечь где угодно. Но чтобы от этого костра было тепло другим, надо тратить время с пользой. Для этого и нужен институт.

Здесь, я думаю, было бы уместно позволить себе небольшое отступление. Ведь нельзя же быть постоянно серьезным, тем более, когда говоришь о студенческих днях.

Почему-то считалось, что с юности я отличался красноречием. И, как говорит мой студенческий однокашник и друг, а ныне мой первый заместитель по Гильдии Владимир Игонин, - красноречием иногда очень интересным. Я мог говорить долго, без перерыва, употребляя правильные, понятные всем слова, словно плетя словесные кружева. Это мое качество студенты использовали на таком "любимом" нами предмете, как философия. К сожалению, семинары по философии у нас проводил кандидат юридических наук, выходец из глубокого сельского района. Хорошего образования у него не было, но была отличная память. Она-то и позволила ему стать кандидатом наук и преподавателем. Мы имели возможность убедиться в этом за те полтора года, в течение которых он время от времени нам преподавал философию и, соответственно, вел семинары. Он вызубривал целые книги. Его лекции походили на что-то автоматическое: он заводился и говорил. Но если ему вдруг задавали вопрос, то он какое-то мгновение смотрел на студента, видимо, перематывая катушку в голове назад, находил нужное место в своей речи и с этого места заново начинал повторять то же самое, и теми же словами. Это механическое воспроизведение мы быстро раскусили и решили этим воспользоваться.

И вот начинается семинар по философии. Буквально за несколько мгновений до звонка вбегаю я, как всегда с работы. С портфелем желтой кожи, по поводу которого всегда были разговоры: удивлялись, почему оперативник ходит с таким солидным портфелем. Прибегаю, запыхавшись. Сажусь, достаю бутылку кефира, которая заменяла мне обед, тут же, давась, пью этот кефир.

Входит преподаватель, объявляет семинар и спрашивает: кто будет отвечать? Все сразу бросаются к спасательной субстанции - ко мне: "Гасан, Гасан, давай иди, давай иди".

Училась с нами Машенька, очаровательная блондинка, ныне она тоже адвокат нашей Гильдии солидная Мария Кузьминична. Как правило, ее слово, обращенное ко мне, было последним. Я поднимал руку, преподаватель меня вызывал, и уже идя к трибуне, я спрашивал: а какая тема? Мне называли тему, но это было уже не важно. Я выходил и сразу начинал выступление. И в каждом моем выступлении присутствовали слова "марксизм", "ленинизм". Все сидели с серьезным умным видом. Правда, бывали и такие случаи, когда кто-то из наших товарищей мог не сдержаться от смеха... А меня после таких семинаров называли "живая материя".

Я - человек увлекающийся. Никогда не мог спокойно играть в шахматы или в нарды. У нас в группе учился Анатолий Иванович Хорошев. Как нам казалось, довольно "солидный" по возрасту; он был лет на восемь старше нас, пришел с производства, мы его ласково называли "наш мастер". И вот когда мы начинали играть в шахматы или нарды, я предлагал различные шуточные варианты задания для проигравшего. Например, он должен был отыскать свой собственный галстук, спрятанный товарищами, а то и свои башмаки. Однажды, башмаки "нашего мастера", спрятанные на внешней стороне подоконника, рухнули в огороженный палисадник, хорошо что не на головы прохожих!

Для тех, кто не знает. Есть два вида игры в нарды - короткие и длинные нарды. Система очень простая: все пятнадцать шашек стартуют с одинакового положения. Выигрывает тот, кто первым переводит эти шашки в первоначальное состояние. А движение шашки зависит от того, какие цифры показывает шестигранный кубик. Выигрыш бывает двух уровней. Если ты успеешь выбросить все шашки раньше противника, а он не успел выкинуть ни одной, такой выигрыш называется "марс". А если противник успел выбросить хотя бы одну шашку, то выигрыш называется "ойн". Один марс равен двум ойнам.

Перечел подглавку и подумал: что решит читатель, он ведь ждет воспоминаний более значащих, а в нарды его научит играть кто-нибудь еще. Я реабилитируюсь тем, что расскажу о своей единственной встрече с великим Михаилом Соломоновичем Строговичем.

О таком подарке судьбы я и не мечтал. К тому времени я окончил Азербайджанский государственный университет и ра-

ботал в республиканской коллегии адвокатов. М.С. Строгович был моим кумиром. Его книги я читал с упоением, каждое слово в них казалось бриллиантом в диадеме юриспруденции. Написанный им двухтомник уголовно-процессуального права был для меня, как, впрочем, и для многих моих коллег, адвокатов-криминалистов, любимой профессиональной книгой, своеобразным путеводителем по извилистым лабиринтам судопроизводства.

Однажды нам сообщили: в центральной лектории общества "Знание" будет выступать М.С. Строгович. Конечно же, я полетел туда, как на крыльях, прибежал в числе первых, чтобы занять место поближе к сцене, с которой будет выступать этот видный ученый-юрист.

До того я не знал, как выглядит этот человек. И вот он предстал перед аудиторией. Высокий, плотного телосложения, с гладко выбритой красивого рисунка головой. Крупным носом и зоркими глазами, которые, казалось, видят в зале всех вместе и каждого в отдельности.

Он говорил о презумпции невиновности, о праве обвиняемого на защиту, говорил невероятные для тех лет вещи. Выступал безо всякой бумажки. Каждый аргумент его речи звучал весомо и убедительно. Я слушал, смотрел на него, ловил слова и записывал. Я сознавал, что получаю ответы на многие сложные юридические вопросы, с которыми сталкивался в конкретных правовых ситуациях.

Мы жили тогда "на планете другой", в условиях тоталитарной системы. Но многие, и я не был исключением, считали, что в нашей стране самое передовое в мире общество, лучшая в мире Конституция, самые справедливые законы. Впрочем, в моем идеализированном сознании по мере соприкосновения с действительностью все чаще возникали "недозволенные" мысли о том, что не так уж все в нашем законодательстве хорошо и достойно, как об этом трубят официальные источники. Что, к примеру, следствие - это механизм, исполняющий волю власть предержащих, и человеку, попавшему в беду и не имеющему собственных способов и форм защиты, трудно выпутаться из сложившихся обстоятельств. Редкий случай, когда следствие поможет гражданину в этом. Приходили и другие "вредные" мысли. И вот теперь в речи М.С. Строговича они находили подтверждение.

Откуда мне было знать, что истины, произносимые тогда с трибуны лектория, настойчиво отстаивались Михаилом Соломоновичем и ранее, даже в самые мрачные годы, когда в судопроизводстве применялось положение, обоснованное всесильным прокурором А.Я. Вышинским. В суде, дескать, невозможно установить объективную истину, ибо нельзя использовать практику как критерий истины, преступление, мол, не воспроизведешь. А раз истину установить невозможно, то достаточно "максимальной вероятности" виновности обвиняемого. Суд, писал Вышинский, не экспериментальная лаборатория, свободная в выборе средств и объектов исследования. Суд вынужден иметь дело с тем материалом, который дает ему "дело".

А потому признавались излишними прения сторон, их участие в процессе, обжалование приговоров. Стало нужным быстро приводить приговор в исполнение, что, кстати, пришлось испытать на себе главному законнику страны Николаю Крыленко: судебный процесс над ним шел 20 минут, и вчерашнего Прокурора республики, Народного комиссара юстиции расстреляли в тот же день.

И не кто иной, как М.С. Строгович в кошмарном 1937 году осмелился возражать могущественному Вышинскому, говоря, что обвинение может основываться только на фактах, установленных с абсолютной достоверностью, а не на вероятности, что приговор может быть вынесен лишь тогда, когда установлена объективная истина.

Но в практику внедрялся принцип, высмеянный еще Овидием: "Считаю за факт все, что бы я ни приказал". После принятия в 1936 году Конституции СССР вразрез с ее положениями применялся закон от 14 ноября 1937 года, легализовавший упрощенный судебный процесс и фактически ликвидировавший право на защиту в делах о вредительстве. Продолжал действовать и закон от 1 декабря 1934 года, который для дел о террористических актах исключал нормальное осуществление правосудия, набирала силу внесудебная деятельность НКВД. О каких-то там правах, неприкосновенности личности, защите от обвинения, процессуальных нормах нелепо было не только говорить, но и думать. В стране бушевали злые страсти.

Но об этом еще и в 1977 году, когда в Баку приезжал М.С. Строгович, сообщалось глухо, туманно, неопределенно. Широкая юридическая общественность не знала глубины всех перипетий

тий и всей трагичности событий предвоенных лет. Не знал я, какие кары могли последовать за настойчивое отстаивание ученым демократических правовых норм, за его светлые, высокогуманные мысли о самых волнующих проблемах юриспруденции.

Жаль, что Михаил Соломонович не дожил до наших дней, когда наконец-то в Российской Конституции, принятой в декабре 1993 года, появились слова о защите неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина. И это, похоже, не просто высокие слова. Участие адвокатов-защитников в осуществлении презумпции невиновности становится реальным.

Воспоминания согревают душу. Но в то время происходили и другие события, находящиеся в иной плоскости, вне студенческих игр и ошеломительных лекций. К ним я и возвращаюсь.

Глава 11.

У вора жизнь короткая.

Осенью 1968 года в Баку за короткий период времени произошла серия квартирных краж. Тридцать краж с одним почерком в нашем Наримановском районе. Оперативники не спали неделями, каждодневно их вызывали на ковер в райком партии и даже в горком, но преступников вычислить не удалось. Слишком мало следов оставляли они на месте. Только пара отпечатков пальцев, да и то смазаны, и особый способ взлома - дверь оттягивали специальным металлическим отжимом, на воровском жаргоне "фомкой", и язычок замка выходил из паза.

- Ну, что же вы, не можете этого бандюгу схватить, - приставал ко мне дома брат, ставший студентом политехнического института.

- Советчиков таких нам не хватает, поймали бы сразу, - отвечал я.

- Ты поймай! - выпалил брат.

- И поймаю, - в юношеской запальчивости произнес я. Так я дал себе слово, что найду преступника.

- Подай следующую пластину.

Мы укрепляли дверь, привинчивали к уголкам металлические пластины, чтобы в нашей квартире было трудно оттянуть дверь отжимом. Это и спасло нас впоследствии.

Однажды вечером я дежурил в своем отделе охраны. Начальник, уже пожилой человек, с рыжеющими на корнях волосами, позвал меня к себе в кабинет.

Любил Инчиев поговорить по душам, но тут чувствую, не радостен Шамиль Мамедович, тяжело у него на душе, хочет занять свои мысли чем-то другим, отвлечься. Но так или иначе разговор вырулил на нашего вора.

- Слышал? Сегодня новая кража, - утрюмо сказал он. - Этот варвар уже на святое покусился, квартиру второго секретаря райкома партии ограбил. Дома никого не было, "отомкнул" дверь, унес пять тысяч рублей, золото, антиквариат рублей на...

Он задумался, подсчитывая... Забыв, что информация является секретной, да и молодого сотрудника может привести в недоумение: откуда такие ценности?

- ...Да на пятьдесят тысяч вещей унес.

Это в конце-то шестидесятых.

А наша мама каждую ночь вынуждена была уезжать в детский санаторий, принимать дежурство, заниматься с ватагой буйноголовых башибузуков, которых родители не могли перевести с пятидневки в дневной детский садик. Дети плакали, просили есть, не слушались и все время спрашивали:

- А мама сегодня придет?

Сестра Фрида часто ездила с мамой, помогала ей убирать детскую столовую, разбирать или менять постели, утром - их заправлять, готовить детей к завтраку и кормить под мамины притопы и прихлопы. Сестра говорила мне, что с трудом понимала, как мама может справляться с целой группой четырехлетних детей одними ласковыми словами и уговорами.

- Жалко их, - смущенно улыбалась мама. - Вы поймите, они же - брошенные, голодные.

Иногда мама покупала им конфеты, а несколько раз, когда на выходные в санатории оставалось пять-шесть детей, привозила их к нам домой. И ей в родных стенах сподручнее, и детям - развлечение и домашняя пища.

Но мы считали копейки, а зарплаты отца хватало лишь на еду. Да и эту свою зарплату отец периодически отчислял то в

Фонд мира, то голодающим детям Анголы, потом чилийцам, кубинцам...

- На зиму у детей нет теплой одежды, а он деньги раздает всему миру, - горько шутила мама.

Пятидесятитысячная кража в доме секретаря райкома была для меня понятием космическим.

Инчиев еще больше осунулся, когда понял по моему лицу, какие мысли меня бушуют. Он с ужасом посмотрел мне в глаза, закусил губу и сказал:

- Меня обещали с работы выгнать, если за этот месяц кражу не раскрою. А у меня трое детей. И позор какой! Кури...

Он протянул мне пепельницу. Этот жест, эта стянутая тонкая кожа на его руке пробудили во мне жгучее желание ринуться в бой немедленно.

На следующий день, после дежурства, я ехал на встречу с Леней - осведомителем. Это был торговец букинистического магазина. Некогда он привлекался к ответственности за скупку краденого, но затем был отпущен за ценные свидетельские показания.

Мы встречались по законам детективного жанра. Я ехал в университет, там в скверике садился на скамейку и доставал из портфеля бутылку кефира и батон утреннего мягчайшего хлеба. Это был условный знак, который я поедал с неимоверной скоростью, иногда даже не дождавшись Лени. Леня решительно подсаживался ко мне, не обращая внимания ни на какие условные знаки, за что я называл его Плейшнером. Тот в свое время не заметил герани на окошке... Да и фамилия у моего осведомителя была созвучна фамилии персонажа "семнадцати мгновений весны" - Певзнер.

Леня Плейшнер озирался кругом, боясь, что нас увидят мои однокурсники, но время было раннее, в шесть часов утра ни один нормальный студент в университет не прорывался.

Сквер был окружен высокими старыми дубами. Мы сидели на скамейке, и Леня своим полуодесским говорком шептал:

- Гриня, шо вы мається. Леня принес вам добрую весточку, потому как Гарик Бык мене сильно жизнь подпортил на зоне. А вы, Гриня, хоть и мусор, но мусор порядочный, цивилизованный, вас даже Бык уважает за то, что вы нашего брата не бьете никогда, и очень вежливы. Мы любим интеллигентных мусоров...

- Откуда информация про Быка?

- Во-первых, от меня, Гриня (он часто называл меня не Гасаном, а Гриней или Гришей, как многие русскоязычные люди и в управлении, и в университете). Во-вторых, Гарик Бык должен же был засветить свой товар, не в могилу же весь его зарывать вместе с бабушкой.

- Какой бабушкой? - удивился я. Не укладывалось как-то в голове, что у бандитов бывают бабушки.

- Гарик хоронил намеренно свою бабу, надо сказать, женщина была крутая, держала в страхе всех портовых шлюх.

- ???

- Короче, померла, царствие ей небесное, в шестьдесят шесть лет от благоприобретенной нехорошей болезни. Таки Гарик Бык любил ее очень. Так любил, шо надел на нее в гроб платье, шо числится у вас в списке. Это вся братва видела. Покойница выглядела очень прилично.

Леня Плейшнер смолил сигарку, двумя пальцами прижав возле самых губ.

- Кстати, гражданин начальник Гриня, имеем на продажу первое издание "Капитала" Маркса на немецком языке. Хотите? Могу придержать.

Так он так издевался над моей молодостью и верой в светлое будущее советского строя. Потом бросал окурки в пустую бутылку из-под кефира и удалялся походкой полуморяка-полуклоуна. Вылитый профессор Плейшнер...

Так, уже на следующее утро я получил наводку на Игоря Быкова, "летчика-налетчика", сведения о котором имелись в картотеке органов внутренних дел.

Семинар по земельному праву я "вытянул" на одном красноречии: вывел преподавателя на спор по поводу библейской истории о сотворении Земли. Даже сокурсники вступили дружным хором голосов, а я только этого и добивался. Удовлетворенно сел на место, расслабился и доел буханку.

Вечером перед дежурством заглянул домой. Мне открыла дверь мама, за ней стоял Натан. Они так испуганно, так по-детски смотрели на меня, вытянув шеи, что и я испугался.

- Что случилось? Где отец?

- Проходи, - сказала мама, втянула меня за руку в квартиру и быстро закрыла за мной дверь. - Я на работу сегодня не пойду.

- А к нам воры лезли, - провозгласил Натик, опережая маму.
- Мы вдвоем дверь держали, они подумали, что дверь не поддается и полезли к Абасовым...

Я медленно опустил на стул.

- Когда, во сколько это было? Вы милицию вызвали?

- Вызвали, вызвали, пока те были в их квартире. Иди мой руки, - спохватилась мама. - Все твои здесь уже были, и Нариман Нариманович приехал с женой с дачи. Все у них украли, голые стены остались! Вот тебе и майор КГБ.

Мама перешла на шепот, а Натик, пристроившийся рядом со мной за столом, сказал, что видел одного из преступников в глазок. Правда, сразу осекся.

- И что ты видел? - уточнил я.

- Ай, я тебя умоляю, только не впутывай сюда брата, - взмолилась мама, строго покосившись на Натана. - Я же тебя просила!

- А что с ним случится, если он поможет милиции?

- Ты же знаешь, в какое время мы живем.

- Нет более высокой чести, чем принять на себя боль своих близких и этим спасти их, - сказал я настойчиво и декларативно.

- Для тебя весь свет - ближние. Как для твоего отца.

- Я видел только его затылок, - неожиданно произнес Натан.

Мы замолчали, а Натан повторил, опустив глаза:

- Затылок с прямыми торчащими волосами. Вроде макушка выстрижена коротко, а нижние волосы, на загривке - длинные, на воротник ложатся.

- И этот туда же, - всплеснула руками мама и пошла на кухню.

По рассказу брата я понял, что это и был неуловимый вор "Гарик", Игорь Быков - стюард пассажирского самолета, за которым охотилась вся милиция Баку.

Вечером следующего дня состоялся концерт югославской эстрады в клубе Дзержинского. Нетрудно понять, кто составлял большую часть публики. Большой, сталинской постройки Дворец культуры сотрудников правоохранительных органов переполнен. Это была пятница, у многих в субботу выходной, самое удобное время для вечернего культурного мероприятия.

В половине седьмого я прибыл на место прямо из райотдела. Мое дежурство уже закончилось, но мне необходимо было отработать вчерашнюю наводку осведомителя. Дело в том, что подельщик Гарика Быка Рантик Газаров купил у какого-то спекулянта билеты на этот самый концерт, а весточка долетела и до Лени. Спекулянт был его постоянным клиентом: перепродавал поставляемые Леной книги.

Информация, конечно, была невероятной, но ее надо было отработать. У меня кровь закипала в жилах, когда я представлял себя, вталкивающего в дежурную часть рослого крутого хищника. Если бы не бабушка Гарика, мы бы никогда не доказали причастность Быка, а уж тем более Рантика к этим кражам: ведь Бык продавал вещи в далеких городах России и Прибалтики, куда летал во время своих рейсов.

И вот зал, полностью укомплектованный милицией и чекистами, которым билеты достались в ожесточенных боях в кабинетах замполитов, замер. Эстрадное шоу с дешевыми блестками и крутящимися фонариками в качестве иллюминации, началось.

Увидел я Рантика еще в холле. Он сдавал свой плащ и пальто девушки, хрупкой русской девчушки, смущенно одергивающей платице и поправляющей длинные распущенные волосы. Я заметил, на какой номер гардеробщица повесила их одежду, а потом проследил, на какое место этот накачанный молодой человек с неуставной прической проводил свою девушку. Мне нельзя было попадаться ему на глаза. Он знал меня, мы жили на соседних улицах.

Потом Рантик еще выходил покурить, озираясь на публику, готовую пожертвовать всем ради его поимки и не догадывающуюся о его невообразимой близости.

Почему красавца-вора тянуло к культуре братской Югославии?

Вид моего удостоверения поверг гардеробщицу в такой трепет, как будто она служила не в клубе Дзержинского, а в подпольном виноводочном цехе.

- Как вас зовут, скажите пожалуйста?

- Вера Андреевна, - ответила бабушка, отступая в глубь гардероба.

- Вот что, Вера Андреевна, где у вас тут двадцать седьмая вешалка?

Я осмотрел одежду Рантика и его спутницы. В карманах ничего не было, кроме носовых платков и в мужском пальто - маленькой записочки с адресом. Позже в квартире, указанной в этой записке, и попался Бык. Пришел грабить, а там - засада.

...Да, "культурный" раньше вор был, "воспитанный"... И я попросил Веру Андреевну оказать содействие органам милиции в поимке особо опасного преступника, матерого ворюги. Почему-то мне тогда казалось, что любой советский человек должен быть счастлив отдать свою жизнь за спокойный сон своих же советских сограждан.

Бабушка-гардеробщица, очевидно, и не чаяла уже отдать свою жизнь в борьбе за этот самый сон. "В приступе благодарности" она уцепилась за мою шею и всей своей массой припала к моей груди. Я даже подумал, как велико чувство патриотизма в советских стариках! И не сообразил, что сорвись в тот вечер Рантик с крючка, он не простил бы этой бабушке сотрудничества с милицией.

Я смотрел ей вслед, стоя в темном пространстве между тяжелым занавесом и дверью зала, а она пригнувшись шла к десятому ряду, где сидел Рантик, глядя на кульминацию первого действия югославского представления..

- Девушка, девушка, - Вера Андреевна потрясла барышню за плечико. Извините меня, там какая-то неувязочка с вашим пальто.

- В чем дело? - вмешался Рантик, сверкая старинным пенсне в темноте. - Мамаша, вам чего надо?

- Номер двадцать седьмой ее будет? Так там у товарища на ваш пальто номерок. Он мне предъявляет, а пальто - женское. Он не берет. Сейчас в перерыве толчея будет, так лучше до перерыва...

- Сиди, Ноночка, я сам, - по-джентльменски решил Рантик.

- А я вот ее заметила, стояла тут в зале минут двадцать, вас высматривала, - шептала гардеробщица, семена за высоким вальяжным Рантиком.

На них начали шикать. Я видел, как ко мне приближаются во тьме его белые носки, сияющие каким-то синим, голубым, люминесцентным светом. Они прошли мимо, даже не обратив на меня внимания.

На джентльменство Рантика я и рассчитывал, когда составлял по дороге в клуб план захвата. Дежурный "газик" кувыркал-

ся по крутым улочкам военного района, потом выехал на широкий проспект. Сержант-водитель напевал какую-то мелодию на азербайджанском, а я думал, как мне задержать в клубе подельника Быка, да при этом не перепугать всю народную милицию. Вот и придумал.

Когда Рантик приблизился к гардеробу и вошел за стойку, я подошел к нему сзади.

- Здравствуй, Рантик. Только не делай резких движений, потому что у меня пистолет.

Рантик ухмыльнулся.

- Мы друг друга знаем, я бы предпочел не иметь повода к твоему задержанию, но раз уж так выходит, пойдем спокойно в машину, потолкуем. Если ты развеешь мои сомнения в твоей добропорядочности, то вернешься к своей очаровательной спутнице Нонне. И веди себя пристойно.

Его глаза моментально стали очень маленькими, хрусталики сузились, как у кошки, и он окинул меня сальным презрительным взглядом.

Не знаю, почему он меня послушался, ведь я определенно был в другой весовой категории, хоть и владел самбо. Но он пошел за мной. В это время двери зала открылись и в фойе повалил народ в серых гимнастерках и с погонами.

- Какие там еще наветы на меня наплели тебе, Гриша? - только и спросил он на ходу. - Я же все равно сидеть не буду, ты должен понимать.

- Ты пока садись в нашу машину, мы прокатимся, а потом, если ты чист, доставят тебя, куда скажешь.

Был момент, когда я почувствовал, что Рантик раздумывает, как бы ему убежать от меня. Но в это время двери на улицу почти полностью оккупировали офицеры-комитетчики, вышедшие в морозную ночь покурить.

...Рантик был ярким армянином, с невинным смешливым взглядом, несколько сутулый, втягивал шею в плечи, подобно пеликану, так что отчетливо обозначался кадык. Он говорил с мягким акцентом, смотрел сквозь круглые плоские стекла пенсне, как худой молоденький Берия.

- Слушай, Рантик, мы условились тут, что если я дам команду, нас пропустят без шума к машине. Но учти: от самого дальнего моего человека до машины - три метра.

Он зло зыркнул в мою сторону, уколол меня черными глаз-

ками. Пробежался нервным взглядом по толпе. Что такое "огонь при попытке бегства" он наверняка знал. Машину я и впрямь поставил возле входа, нагло перегородив дорогу черной "Волге" начальника округа и еще парочке черных "Волг".

- Что ты там натворил в аэропорту со своим другом Игорьком? С Гариком Быком? Расскажи мне, - спросил я, открывая перед ним дверцу "газика". - Нельзя же так наглеть. А вещи все уже сбыли или что-нибудь у тебя на квартире осталось?

Рантик спокойно сел в машину. Он, казалось, знал, что его отпустят. Твердо знал.

Но когда и я сел рядом с ним, он, конечно, понял, что попал в ловушку. Очень сильно придется теперь бить лапами, чтобы выплыть. Он вдруг понял, что там, за стеклом автомобиля, осталась не только свежая сухая бакинская ночь, но и свобода, красивая жизнь... И вообще - жизнь. Меня даже передернуло и мурашки побежали по коже: я-то знал, каково оно - чувство несвободы. Насмотрелся.

Рантик повернул голову и посмотрел на подъезд клуба, где все еще курили ничего не подозревающие офицеры. Я сделал последний жест в этом спектакле: тоже обернулся и помахал им рукой, якобы дал знак, чтобы мои невидимые ангелы-хранители летели за нашей машиной на всех парусах.

- Поехали.

Глава 12.

Радуйся не на середине пути, а в конце.

Когда мы подъезжали к райотделу, Рантик, глубоко и прерывисто дыша от ненависти, процедил:

- Имей в виду, гаденыш, какое бы дело мне ни шили твои мусорки, - ни-ког-да сидеть не буду, даже если на меня свалят выше высшего. И если меня задержат хоть на час, проблемы будут у тебя, у твоих мусорских начальников и у всех ваших родственников.

- Не пугай, мне твои пугалки, вроде бальзама, - приструнил я его, полагая, что Рантик грозил мне местью своих собратьев по профессии.

Но я ошибся.

В райотделе нас ждали. Я предупредил перед отъездом Арзума (к тому времени он уже был моим прямым начальником и работал со мной в одной смене), что как только мы въедем на территорию, ворота нужно закрыть.

Когда я, разгоряченный, но все-таки сдерживающий себя, вытащил из машины Рантика, тот резко отпихнул меня и бросился бежать к боковой калитке в углу забора.

Отчехвостили его наши ребята. что и говорить. Обиделись. Ведь десять минут за ним бегали вдоль запертого забора вокруг райотдела. Словно на вечерней внеплановой пробежке.

Дважды обежав здание, Рантик, было, ринулся к воротам, через которые мы въехали. Они слегка приоткрылись. Сердце мое ушло в пятки. Но Рантик неожиданно попятился: на него вышел Арзумов и приставил пистолет к его животу. Я заломил вору руки и ввел его в здание. Следом ворвались запыхавшиеся дежурные.

... И пошел докладывать о задержании Инчиеву. Даже, кажется, без стука вошел в его кабинет. Он стоял у окна, словно все еще наблюдал за погоней.

- Думаешь, дело сделано?

Лицо его было каменным, даже несколько туповатым в эту минуту. Я несколько опешил.

- Что ты сможешь доказать? С чем ты его взял? Где Бык?

Он словно не помнил уже о том, что я один раскрутил все это дело и как он узнал про Быка! В отчаянии я мотнул головой и ушел из кабинета. Вдогонку мне раздалось раздраженное и высокомерное "вернись!" Но я уже спускался в дежурку, чтобы самолично допросить Рантика.

- Арзумов, иди помоги мне, - попросил я, чтобы не быть в кабинете один на один с задержанным.

- Что ты хочешь от меня, я все равно буду молчать.

- Молчи, - я пожал плечами. - Тебя видели в трех местах при совершении краж. Мало того, у нас есть фотография твоего затылка, когда ты и твой друг Гарик Бык грабили квартиру майора КГБ Абасова.

И я назвал, на свой страх и риск, четыре адреса.

- Есть отпечатки пальцев, - добавил Арзумов, записывающий в протокол мои слова и ответное молчание Рантика.

Наступила пауза.

Рантик еле заметно подрагивал уголком рта, то ли пытаюсь улыбнуться, то ли собираясь заплакать. Спесь слетела с него.

- Это правда? - наконец спросил он меня, подняв веки.

- Что я тебе Андерсен, сказки рассказывать? И везде проходишь ты и Бык. Теперь ты мне сам расскажи. Пойми, я даю тебе шанс.

- Про него я не буду ничего писать, а про себя - скажу.

- Напишешь?

- Хорошо, - помолчав, согласился он. - А если я напишу, вы мне разрешите позвонить?

- Конечно, разрешу, какой вопрос.

Арзумов бросил на меня осуждающий взгляд, ведь в то время это было категорически запрещено.

В своем письменном признании Рантик обрывочными фразами в стиле раннего Андрея Вознесенского написал о том, что он был во всех тридцати местах зафиксированных краж. Потом я попросил Арзума принести мне бланк дактилоскопической карты, и пока тот ходил за ним, разрешил позвонить Рантику по телефону, который стоял на моем столе. Мы уже третий час сидели в душной пустой комнате. Желтый свет лампы начал давить на глаза.

Я на минуту расслабился и прикрыл веки. Разговаривал Рантик на армянском, который я всегда понимал плохо: всю жизнь учился в русских школах.

Одну только фразу я уловил:

- Передайте дяде...

Я снял отпечатки его пальцев и сдал бланк вместе с тонкой папкой дежурному, чтобы тот утром через секретариат РОМ направил дактилокарты на идентификацию в ОТО МООП Азербайджанской ССР - так назывался тогда экспертный отдел МВД.

Эти отпечатки спасли меня потом. Экспертизу проводил известный в Закавказье эксперт, майор Феликс Выскубов. Вот что значит порой соблюдение (или не соблюдение), казалось бы, мелкого правила... Может статься, что это окажет влияние на весь ход твоей дальнейшей жизни!

А пока я продолжу свой рассказ.

К концу допроса Рантика уже рассвело. Я дождался прихода начальника отдела. Инчиев приходил на работу рано, в восьмом часу. Я не просился к нему с докладом, просто решил подождать. Если вызовет, то нужно быть на месте. Вот он и вызвал.

Улыбаясь, усадил меня напротив, чай предложил, сладости выставил на стол, словно узнал откуда-то, что я сладкоежка. Совершенно не напоминал мне о вечерней стычке. Но моя интуиция оперативника уже "сдала дежурство". Ничего не подозревающий, я обрадовался хорошему настроению начальника.

- Тебе не трудно совмещать учебу с работой?

- Нет, - говорю, - нетрудно. У нас занятия заканчиваются самое позднее в четыре часа, и я, так я еще успеваю дома и победать и почитать.

Вот в таком пустом разговоре и возникают те самые неловкие паузы. Я молчу, жду, что скажет начальник. Вижу мнется, а я сам не напрашиваюсь. Шумно отхлебнув чаю, Шамиль Мамедович говорит:

- Ты теперь иди домой, а вечером приходи ко мне. Подумаем, как тебя к награде представить, сынок.

Только выходя на улицу, в распахнутом легком плаще, не ощущая морозца, я вдруг почувствовал: что что-то оттягивает карман этого самого плаща. Это был пистолет. Я нечаянно и, естественно, незаконно оставил его у себя после окончания вчерашнего дежурства. И совершенно забыл о нем.

Пришлось вернуться. А возвращаться... Сами знаете, плохая примета. Я сдал пистолет дежурному, моему другу старшине Махмудову, смущенно улыбнувшись на его приветствие:

- Ладно, больше не забывай. Я никому не скажу. Сегодня тебе прощается, герой.

В дверях столкнулся с Арзумовым. Вроде он не видел, как я сдавал пистолет. Мне почему-то не хотелось, чтобы он видел.

Засыпая на белой подушке в своей спальне, я сладко улыбался, радуясь тому, как удачно складывается моя жизнь. Хорошо быть честным и смелым человеком, думал я, и как замечательна наша страна, "где так вольно дышит человек", если он не злодей. Правда, приснился мне Рантик, принимающий кислородную ванну на площади Ленина. Сон оказался коротким, но вещим.

Через час раздался звонок. Я нажал на кнопку будильника, смутно соображая, какая пара занятий в университете меня идет первой, может быть, можно пропустить... Но звонок прорвался снова, оглушающий и ранящий в самое сердце.

Я взял трубку телефона, но звонок раздался еще раз. Тогда только я сообразил, что звонят в дверь. На лестничной клетке

стоял наряд милиции в количестве шестерых бравых молодых, один из которых пробасил:

- Гриша, тебя срочно вызывает начальник.

- Вы что, мужики, с ума сошли, шесть человек, откуда вас столько?

- Есть вопросы... - был ответ.

Я снова входил в кабинет Инчиева, не ведая, что меня ожидает. Он уже шел мне навстречу, протянув вперед обе ладони.

- Сынок, я тебя прошу, порви протокол, - монотонно проговорил он. - Порви протокол, я тебя умоляю.

Я сначала не поверил своим ушам и впервые понял, что означает эта фраза: не верить своим ушам.

- Как?

Инчиев провел меня за руку к столу и усадил. Сам прислонился к столу невдалеке и сложил лодочкой ладони:

- Не заставляй меня применять власть. Говорю порви, значит, порви.

Он то и дело опускал глаза, лицо его покраснело и вспотело. Я не старался себя удерживать от того бунта, который нарастал во мне. Своим жестким тоном я показал, что не позволю делать из себя бессловесного раба.

- Весь город искал преступника, осталось только довести дело до конца, найти доказательства...

- Не морочь мне голову! - вскричал Шамиль Мамедович, и лицо его сделалось медного цвета. - Ты знаешь, кого ты задержал?!

- Вора, - процедил я. - Не вы ли жаловались, что вас пустят по миру из-за его преступлений и его неуязвимости?

- Знаю, знаю, - перебил меня Инчиев. Резко перебил, словно долго готовился к этому разговору. - Ты протокол писал?

- Я писал.

- А почему ты его писал, ты ведь у нас внештатником еще числишься.

- Нет, Шамиль Мамедович, я уже давно в штате, только в вашем отделе охраны. Да и кому же как не мне...

- И посторонние у тебя при задержании присутствовали...

Я начал понимать, куда он клонит.

Инчиев, очевидно, подбирал ко мне ключ, приноравливаясь, с какой стороны подъехать. Но что ему было нужно от меня, я не понимал.

- Он родственник секретаря ЦК КП Азербайджана товарища... как его...

- Повезло... - вздохнул я. - Но он же преступник.

- Племянник министра образования у тебя преступник?!. Ты, Гасан, молодой человек. Я ведь не зря тебя про институт спрашивал, - снова стал мямлить начальник, - подумай о себе. Ты ведь умный, перспективный. Тебя выдвигают на роль представителя малых народов в составе нашей многонациональной...

- Какая роль?! - возмутился я, - Куда меня выдвигать? На что вы намекаете?

- Ну, ну! Ты же один-единственный тат на факультете, это мне известно. Гордость, так сказать. И неровня... Гадкий утенок, с другой-то стороны. Там ведь одни папенькины сынки учатся, такие же, как задержанный. Смотри задавят!

- Во-первых, Шамиль Мамедович, мои товарищи не такие, как этот мерзавец! Во-вторых, по поводу неровни... я думал, что мы в социалистической стране живем...

- Так мало ли, что ты думал! - прошипел он. - Будешь трепать языком, сгниешь в каком-нибудь сибирском гарнизоне.

- Я пойду к прокурору, - решительно сказал я.

Теперь уже не могло быть никаких компромиссов, нужно было отстаивать свою честь.

- Смотри, к прокурору сейчас тебя поведут, - перешел на тихий говор начальник и наклонил ко мне свою крашенную хной голову. - Ты почему пистолет вовремя не сдал? Задерживал человека с помощью этого пистолета, да еще после официальной сдачи дежурства?

"Арзумов все-таки видел, - пронеслось у меня в голове. - Ну не Махмудов же сдал!"

Глава 13.

Сила птицы - в крыльях, а человека - в дружбе.

Ошибся начальник. И комиссия университета, принявшая решение о моем отчислении, тоже пророчившая мне армейское прозябание, ошиблась. Не пришлось мне гнить от холода и сырости в армии. Наоборот, выпал случай подкоптиться в огне и закалиться в стужу.

Ведь я так и не сдался. Стал притчей во языцех для всего командования внутренних дел района и города. Вспомнили и про мои письма Министру обороны СССР. Я ведь не только в Афганистан просился, но еще и пытался перевестись на заочное отделение для этого.

Был ноябрь, по утрам замерзали лужи во дворах, кроны тополей почернели, словно умерли, не осыпавшись. Начинался призыв на военную службу.

Последнюю попытку уговорить меня предпринял прокурор района Идрис Касумович Аскеров. Он призывал меня к милосердию по отношению к моему руководству и моим товарищам, которые, якобы, оказались заложниками ситуации.

- Ведь полетят головы. Всех уволят. И меня уволят.

Он уговаривал меня, мальчишку, и я начинал понимать, что не все ладно в этой системе, раз седовласый уважаемый человек тоже оказался пресмыкающимся и униженным рабом.

- Порви протокол, - твердил он, хватая меня за руки.

- Вы же прокурор, а я студент. Через полтора года я стану юристом. На что вы меня толкаете? С чего я должен начинать свою деятельность. Я не смогу себя уважать. Это не по-партийному, это не по-советски...

- Не агитируй тут меня за советскую власть. Ты сам нарушил закон! Незаконное ношение оружия! Превышение полномочий, избиение, шантаж!

- Какое избиение? О чем вы? Постыдитесь!

- Я возбуждаю дело! Или меня посадят, или я тебя посажу!

Ну, вот, приехали. Он думал, я сдамся.

Я не сдался и тогда, когда целая комиссия, состоящая из академиков и профессоров, моих бывших наставников и товарищей по комитету комсомола университета, обсуждала мое поведение на службе: письмо начальника милиции лежало перед секретарем комсомольской организации университета. Тогда впервые в жизни я столкнулся с тем, с чем иногда сталкиваются невиновые люди, на которых обрушивается злой навет. За то, что я поймал преступника, меня обвинили в действиях, порочащих честь сотрудника милиции. Это была несправедливость, которую я не смог победить. Я мог только не отступить перед ней.

За эти дни я похудел, осунулся, мама боялась со мной заговорить. Отец не стал разбираться в этом деле и объявил мне, что я

достаточно взрослый человек и должен отвечать за свои поступки. Мы бурно выясняли отношения, но он и слушать не хотел мои доводы. Он считал, что не прав тот, кто имеет повод оправдываться. Отчасти он был прав, ведь я допустил некоторые нарушения.

Еще через неделю после отчисления пришла повестка, согласно которой я должен был на следующий день явиться на сборный пункт с вещами и провизией на четыре дня.

Мама беззвучно рыдала ночью на кухне, решив, что ее сына забирают в Афганистан. Все мои друзья, служившие в армии, почему-то оказывались на таджикской границе, четверо из них прилетели из Афганистана обратно уже в цинковых гробах. Могу представить, что мерещилось маме этой черной холодной ночью. Потом она готовила мне в дорогу лепешки и жарила овощи. Эти овощи по дороге в Москву отдавали солеными материнскими слезами.

Провожали меня в армию целую неделю. Мои самые близкие и верные друзья, однокашники: Алид Мамедов, Хикмет Садиев, Назим Гулиев, мои университетские товарищи: Володя Богомолов, Джондо Гоглидзе, мои дорогие любимые отец, мама, сестра и брат, - все они, кажется, осознавали глубокий трагизм этих проводов. Ведь я, может быть, впервые в жизни столкнулся с Системой. И Система сделала все, чтобы призыв на военную службу стал для меня наказанием, ударом за непокорность, а не радостным событием, к которому я на самом деле стремился.

Но те, кто сидел за торжественным столом, не дали омрачить мой отъезд, да и всю службу. Получилось так, что эти провода дали мне силы, помогли выстоять, не очерстветь, не озлобиться. Каждый, кто был рядом со мной в те дни, словно старался подготовить меня к настоящему мужскому делу - защите родины. Каждый хотел остаться в моем сердце. Некоторых из них по возвращении из армии я уже не застал в Баку.

Кто-то пел мне песню под гитару, кто-то произносил душевный тост. Весело и ласково смотрели на меня школьные подруги, тоже пришедшие попрощаться. Желали мне удачи подруги моих друзей, среди них Люда Казакова.

Иринка Березовская улыбалась мне так же искренне, как и несколько лет назад, сидя за школьной партой. Но только теперь, повзрослев, мы стали настоящими друзьями. Она тоже будет писать мне, рассказывать о своей работе, о своем парне. Через год она выйдет замуж и уедет... в Набережные Челны.

И вдруг я впервые осознал не только то, что впереди меня лежит длинный жизненный путь, но и то, что за моей спиной остался уже пройденный отрезок дороги. Есть на что оглянуться, что вспомнить. И есть чем гордиться. Так, я горжусь своими товарищами - самыми лучшими на земле.

Все эти события промелькнули в моей жизни так быстро и так жестоко ранили меня, что боль я почувствовал позже, когда осознал, что кто-то извне, против моего желания посмел круто повернуть мою жизнь. Все изменилось за один месяц. Я чуть было не потерял веру в людей, с которыми раньше работал. И хотя потом, после армии, меня много раз звали в нашу доблестную милицию, я наотрез отказывался, так как не верил там никому. А про маленькое предательство с пистолетом я забыл за годы армейской службы. Просто вылетело из головы. Самое тяжелое наказание за предательство - забвение.

Перед воротами военкомата отец обнял меня, к моему плечу припала мама, целуя рукав моего пальто, Фрида и Натан повисли на моей спине. Отец потрепал меня по затылку и сказал только:

- Ничего, сынок. Трудности закаляют. Мы ждем тебя и верим в тебя. Иди. Ступай. Не подведи!

Он почти выкрикнул это последнее "не подведи", как старый князь Болконский.

Дней десять жили мы в казармах военкомата, ни писать письма, ни выходить за пределы сборного пункта не разрешалось. Еще месяца два мои родные не получали от меня вестей. Не зная, где я нахожусь, пребывали в постоянной тревоге и ожидании. За десять дней новобранцев партиями развезли по разным сторонам света, во все точки Союза.

Не знаю, так ли покупали рабов на восточных рынках в древности. Не бывал. Но нас тоже по-своему "покупали". Уж во всяком случае армейские покупатели были. После отбора документов нас выстраивали в ряд и вызывали из строя. Я приглянулся майору ВВС Кононову из Калинина.

Через две недели нас привезли в воинскую часть, расположенную в белорусском городе Гродно, недалеко от границы, и только через месяц я попал в свой гарнизон в Мигалово, что в Калининской области.

Глава 14.

Сделать доброе дело никогда не поздно.

А пожар?.. Тогда горели леса в Средней полосе. Как раз возле моей части. Сначала запахом гари потянуло, потом дымом все заволокло, потом воздух наполнился черным пеплом. Нашу роту подняли по тревоге ночью, и, не отдохнувшие, сонные, мы как-то сразу поняли, что тревога не учебная. Наши ребята без сна и отдыха гасили пожары, спасая деревеньки, колхозное добро, выводя стада и организуя эвакуацию людей из всех обитаемых мест на безопасные участки, а главное, боролись со стихией.

Нас выбросили с вертолета в самое пекло, как бросают картошку в дымящиеся черные угли кострища. Сверху вся земля была затянута белым, стелящимся дымом.

Чуть в стороне виднелась на опушке маленькая деревушка Кушалино, а на горизонте спасительной серебряной влагой сверкала Волга. Поля курились с виду мирным туманом. Но поодаль, уже отнесенный ветром, виднелся черный дым. Пока я летел вниз к Земле, я все время вспоминал, как весь наш взвод во главе с юным лейтенантом Анатолием Даниловичем Сурбашевым, выстроенный возле корпуса с шинелями через плечо, сделал за мной два шага вперед, когда вызвали добровольцев для спасения этой деревушки. Весь день мы боролись с огнем в ее окрестностях. В этот лес была десантирована почти вся наша войсковая часть, за исключением только слабых здоровьем.

Я опустил на землю и вдохнул обжигающий легкие воздух.

Жара и не думала спадать, небо дышало зноем. Когда слабый ветерок разгонял завесь дыма над головой, солнце принималось нещадно жечь все, что еще не сгорело. Кругом были торфяники. Мы были на сложном участке сосновой роши, начинавшейся в болотистой местности, а заканчивающейся на опушке, совсем сухой, безжизненной, темной. Дальше шло ровное пшеничное поле.

В нашу задачу входило прорыть канаву для того, чтобы огонь не перекинулся с болота через рошу на хлеба. Болото уже дымилось не тем общим удушающим гаревым туманом, кото-

рый заполнял весь воздух; там дым шел изнутри, прямо из болотной хляби, из болотного мха, неподвижного, булькающего. Вода на болоте - кипела. Неожиданно в роше, окутанной дымом, произошло какое-то шевеление.

- Что там такое? Виктор, узнай, - приказал я рядовому Смурыгову, смышленому тульскому пареньку.

Он скрылся в двух метрах. Я заметил, что дым стал гораздо гуще, скоро люди не смогут работать, начнут задыхаться.

Виктор прибежал нескоро. Пришлось перекрикиваться с ним, чтобы он нашел нашу опушку.

- Виктор, сюда! Отходим! - кричал я.

- Иду, товарищ сержант! - гулко доносилось откуда-то, трудно было понять откуда.

Я приказал своим застыть, чтобы можно было слышать приближение шагов. И действительно, хруст раздавался в нашем направлении, походку Виктора я знал, это был он.

Вдруг шаги, треск сучьев замерли.

- Виктор, ты что? - крикнул я, насторожившись.

Ответа не последовало. Я приказал всем оставаться на своих местах. Схватил слегу покрепче и побежал в том направлении, откуда ждал солдата.

Я прошел метров двадцать, осторожно, чтобы не налететь на дерево и не провалиться в яму. Палкой нащупывал перед собой землю, в двух местах палка отколупнула невидимые куски сухой земли, посыпанные толстым слоем хвои, и они провалились внутрь, словно под верхним грунтом образовались вдруг пустоты. Так оно и оказалось. Огромный обрыв увидел я на том месте, где по моим подсчетам должен был быть спуск к болоту. Прямо под корнями самой старой сосны осыпался песок, корни торчали над двадцатиметровой впадиной, а зацепившись за них, перетягивая эту самую сосну на себя, висел мой Виктор.

Повозился я с ним. Виктор был в шоковом состоянии, глаза его, слезившиеся то ли от дыма, то ли от ужаса, умоляюще смотрели на меня.

- Товарищ сержант, - кряхтел он. - Там БТР с людьми в болото ушел. Знаете, Федора, Федьку Буряка? Все погибли!

- А где остальные? Хотя ладно, молчи пока, держи палку.

Подобраться к нему было невозможно. Окончательно осыпался бы грунт, сосна поехала бы вниз вместе с Виктором...

Потом мы обогнули с ним опушку и рванули на болото, вывели нескольких людей, ринувшихся к месту гибели БТР, да потерявших дорогу обратно в этом страшном болоте, где черти явно торжествовали в те дни.

...Главное, что у Виктора Смурьгова теперь двое детей и своя собственная школа в деревне.

В университете меня, конечно, восстановили. Правда, курсом ниже. Даже принесли извинения. А Быка поймали спустя три дня после того, как я обосновался в солдатском вагоне, везущем меня в неведомые северные города России. Начальник дежурной части города Баку получил мой рапорт и дактилокарту на Рантика, которого к тому времени уже отпустили к его всемогущим родственникам. Оперативно-технический отдел Министерства охраны общественного порядка провел экспертизу по представленным мной материалам. Выяснилось, что пальцы Рантика дотрагивались до чужих дверей неоднократно и слишком хорошо были известны в систематизированной картотеке МВД. Так что через восемь месяцев Рантик Газаров был привлечен к уголовной ответственности.

К тому времени новый секретарь ЦК КП Азербайджана уже отправил его родню на заслуженный отдых, назначив персональную пенсию и передав им в пожизненное пользование дачи, машины и квартиры. Так или иначе, теперь Рантик был доступен и открыт правоохранительным органам как простой смертный.

Глава 15.

*Не гляди на кривизну лозы,
а гляди на ее гроздь.*

...Я увозил маму в Москву. Поезд тронулся, как всегда, неожиданно. Ты все время ждешь, что он рванет с места, потом притормозит немного, потом начнет набавлять скорость, выравнивает ход и, плавно подрагивая, заторопится, засеменит, побежит мимо домов, заводов, городских окраин. Но он не срывается с места, а еле заметно, почти невидимо

отталкивается от перрона... И лишь через минуту понимаешь, что дорогие и любимые лица уже не в двух шагах от окна твоего купе, а в пяти, в десяти... И вот уже расстояние измеряется годами.

Я стою себе, успокоясь,
Я насмешливо шую глаз -
Мне Каспийское море по пояс,
Нипочем...уверяю вас.
От Махач-Калы
до Баку
Луны плавают на боку..

- писал Борис Корнилов.

Мама отвернулась от окна. Полки загораживали дневной свет, в купе были коричневые пластиковые стены; чисто, опрятно, темно.

Я все еще смотрел на перрон, и вдруг в самом конце его, там, где, видимо, стоял первый вагон, я увидел этого человека. Состав уже набрал ход, человек в спортивном костюме промелькнул быстро, я даже припал к стеклу, чтобы удостовериться, что это он.

Ошибки быть не могло. Это был тот самый Рантик Газаров, бывший преступник, из-за которого меня отчислили из университета. Это было его, с плоскими круглыми стеклышками, пенсне, его поджатые губы и, хоть и седая, но такая же волна челки на лбу.

Часам к девяти вечера мы подъезжали к Махачкале. Поезд обходил город стороной, и шел по плоскому берегу моря. Из окна купе были видны горы, а в коридоре, где стояла мама, мимо окон проплывали прямая линия берега и посеребренное отраженным Млечным Путем морское пространство.

Дербент мы проехали три часа назад. Цвета уже померкли, и стояло то необыкновенное время суток, когда само небо открывает свои ворота, и воздух становится особенно прозрачным: ни ослепленным ярким южным солнцем, ни сгушенным непролазной каспийской мглой, а призрачным, таинственным, сырым. В такие минуты особенно чутко воспринимаешь голос Земли. И в это время мы подъезжали к Дербенту.

Со второго тысячелетия до нашей эры, с эпохи бронзы, живут здесь люди. В пятом веке нашей эры это была северная, самая беспокойная граница Ирана. Кочевники стремились к благодатному югу. Для охраны северной границы царь Хосров I Ануширван стал переселять своих подданных целыми семьями в Дагестан - в Дербент. В среду переселенцев попало много та-тов - джугури, исповедующих иудаизм и говорящих на диалекте старо-персидского с примесью арамейского языка. Джугури - так на древнем языке звучит название нашего народа, что в переводе означает: "душа, размышляющая, говорящая слово". Я еще расскажу об этом.

Таты, переселенные в Дагестан для охраны северной границы, встретили здесь других представителей своей конфессии - выходцев из занятого хазарами Крыма, где уже существовал иудаизм. Постепенно иудаизм стал государственной религией Хазарского каганата. Крымские иудеи говорили на тюркском языке.

...Море, спокойное, широкое, переливалось аквамариновыми бликами где-то в глубине, в середине своего полированно-го зеркала. Оно то скрывалось за прибрежными песчаными барханами, то снова сияло приглушенным светом сквозь дымчатые заросли тамариска. Местные жители говорят, что окрестные курганы - это пыль, сбитая с ног воинов, проходивших по этой земле.

Захотелось почитать стихотворения сестры. Я вспомнил сразу три.

Лето на исходе, осень на пороге,
Листья отливают яркой желтизной.
Предо мною степь и древние дороги.
Что тебе бояться, саксаул седой?

Гулкий гром прорвался, молния блеснула,
Озарил окрестности солнца яркий луч.
Низко над террасами горного аула
наклонилось облако из-за горных круч.

Наберется почва вдоволь бурной браги,
И уйдет под зиму, набирая сил.
Может спрятать в зиму белый лист бумаги,
Чтоб в себе до марта он стихи носил.

Дорога давно уже втянула нас с мамой в то состояние духа, когда приходят воспоминания. Мы расстелили постели, пообедали. Я принялся было читать одну из моих любимых книг, путешествующих со мной, - это был наугад взятый мною в дорогу том восьмитомника А.Ф. Кони.

Мама прилегла и закрыла глаза. Но мне не читалось. Все время хотелось смотреть в окно. Да и мама не уснула, видно, память снова начала крутить перед ее глазами свой цветной калейдоскоп.

Состав приблизился вплотную к горе, поросшей кустарником и уходящей высоко вверх. Мелкие камешки ссыпались с уступов и ударялись в стекло. Гора то приближалась, то отступала на несколько шагов, разрывалась трещинами, то расступалась отлогими оврагами. Стало трудно смотреть, перед глазами пробегала рябь. Я встал и тихо вышел из купе. С этой стороны в окнах мелькали кусты, мрачные деревья и скалистая земля.

Где-то здесь, вблизи Дербента, в сасанидский период истории проходили войска Масламы ибн Абдал-Малика, Джарраха ибн Абдуллаха ал-Хаками, Мервана ибн Мухаммеда. От Ширвана, через Шабран, Абхаз, Чога-Беленджер они шли к хазарским владениям вдоль линии моря. И через естественные проходы в горных цепях. На завоевание этого города, лежащего вблизи Азербайджана, халиф Омар направил три отряда. По большой дороге "Баб ал-Абваб" (как называли рабы Дербентский проход) устремлялись они в страну хазар к северу, где лежало царство и множество городов, называемые Беленджер...

Арабы оставили для истории подробные описания этих походов. В них содержатся сведения о землях, через которые они проходили, о населявших эти земли народах и о "Царях гор".

Ах, как упоительно звучат эти слова "Цари гор". - На Кавказе ведь очень много труднодоступных ушей и хребтов. Из-за географических сложностей культурные и торговые связи между ними бывают затруднены. И в каждой такой местности складывалась своя народность, свои традиции, даже свой язык.

Горит закат над бронзовой эпохой,
аквамарином Каспия врата
усыпаны. И птицей-неумехой
слетает шапка с горного хребта.

И сотрясает землю конный топот,
сбивая пыль в курганы здесь и там.
То всадник едет, намотав на локоть
Свою суму, он долго едет к нам.

Он по ущельям скачет, по долинам,
взбирается на кручи и холмы.
Он разные наречия везти нам
Назначен Богом, чтоб восприли мы.

И вот на том уступе, где Эльбруса
видна уже белесая глава,
Споткнулся конь, и в горные туры
Летят разноязыкие слова.

Они попали в разные ущелья,
Где царства Беленджер, Абхаз, Ширван...
Страна моя, пою твою купель я,
Многоязычный вечный Дагестан!

В Дагестане есть легенда о всаднике, который вез народам мира языки. И вот он ехал на своем лихом коне по горам и ущельям, а конь его наступил на камень и споткнулся. Всадник еле удержался в седле, взмахнул своим мешком, да и зацепился за скалу, распорол мешок. И - посыпались из него разные наречия, разнообразные языки вниз, по каменным уступам и тропам. С тех пор и стали жители Дагестана, страны гор, многоязычными.

Арабский халифат в седьмом-восьмом веках совершал кратковременные набеги на эти земли. Они не всегда были удачными, но подготовили почву для последовавших вскоре завоеваний. Сколько крови пролили люди за выход к воротам Каспийским! Войска гуннов занимали Дербент, рушили стены возведенные предками, города и башни. Снова хазарские каганы приходили с огромными войсками... И снова арабы...

Вокруг Дербента на приморской равнине не было ни одного сколько-нибудь значительного раннесредневекового городища или поселения. Они располагались только в полосе предгорий. Арабские отряды шли к Дербенту, не встречая никого на своем пути.

Последняя гроза и перекаты грома,
Повадился к нам в сад прохладный дождь.
И стайки птиц кружат над крышей дома,
Покрыли бусинки дождя рябиновую гроздь.

Ушло тепло и осень близко, близко,
И льются всласть осенние дожди.
И облака над рощей низки,
А грозовые тучи позади.

Стуча по веткам, как по струнам арфы,
Забьет по черепицам струйный дождь.
Земля напьется свежей, чистой влаги
И низко светится рябиновая гроздь.

Глава 16.

Прислушивайся к словам мудреца.

... Вечерело. Неожиданно в окне возник переезд, за которым вверх, на взгорье, уходила белая дорога... Сколько же телег и колесниц здесь проехало и сколько людей прошло пешком, ведя под уздцы своих ишаков и коней. Сейчас по ней шла отара овец.

А еще дальше, на фоне темнеющей далекой горной стены, горели огни небольшого селения. Оно ступенями поднималось в гору, как древесный гриб, расположившийся террасами на старом дереве. Вдали я увидел Храм огня, окуренный дымом, чтобы путники могли принять очищение.

Не знаю, что случилось в этот миг со мной, помню только, что сильный ветер ворвался в переднее, открытое окно коридора, меня обдало вечерней свежестью, что-то вспыхнуло вокруг меня ярким огнем, и вдруг я увидел себя, идущего по дороге к

этому селению, где в одном из домов распахнулась дверь и на порог вышел мой отец.

- Здравствуй, отец, - сказал я ему, приблизившись.

- Здравствуй, - сказал мужчина. - Проходи в дом, еще немного и дорогу скроет ночь.

Он был стар, передвигался медленно и говорил незнакомым мне голосом. Таким я его никогда не видел. Я оглянулся. Только круглые, как камни горной речки, звезды и белая дорога светились во мгле. Возле сакли из обожженных глиняных блоков привязанные к тележке стояли два ишака. Мы вошли в дом и сели за стол. Передо мной был совсем старый человек, лишь отдаленно похожий на моего отца.

- ...Дедушка Ефрем Хатам Авда-Кусе?

Это был он. Я почувствовал это всей душой. И, словно песня, разлилась внутри меня радость.

Я обернулся. Слева от меня, напротив входа из мрака выступали широкие плечи пожилых мужчин, сидящих на глиняных лежанках вдоль задней стены и боковых стен передней прихожей. Сакля была полна людей, но казалось, что она пуста.

- Пусть огонь ваш не угаснет, - произнес я и сам поразился своим словам.

К моему удивлению, я безошибочно узнавал едва различные лица старцев.

- Евдо, прапрадед Ифрэм (Ефрем), - перечислял я, всматриваясь в темноту.

- Арамейского не знаешь?

Я пожал плечами.

Гудел и потрескивал огонь семейного очага. Мангал стоял в центре комнаты, а возле пустой стены попыхивал еще и хлебный тонур. Пол был обмазан глиной и засыпан мелкой галькой. Мои предки приближались ко мне, окружали меня, заглядывали в глаза.

- Какой теперь год? - спрашивали они друг друга, словно только что встретились вокруг семейного очага.

- Пять тысяч шестьсот пятьдесят второй год по Лунному календарю, - это был мой голос, это я отвечал им, не размыкая губ своих.

Я пытался встать из-за стола, но какая-то сила держала меня, тогда я опускал глаза. Вокруг меня витали тени родового тумана, здесь были все старейшины рода.

Проем открытой двери больше не освещал комнату, и лишь огонь согревал нас и выхватывал наши лица из мрака. Этот огонь первым внесли в дом, когда его построили, этот огонь брали горцы, мои предки из дома своих родителей, дабы был наш род "джугури" - кругом лиц, от одного огня разошедшихся. Этот огонь поддерживался вечно. Нас согревала забота о нерушимости рода, святости семейных устоев. Этот огонь горел в крови каждого из нас, соединял, как звенья цепи, к которой подвешен котел.

- Позорным будет тот день, когда ты попросишь огонь для своего очага в чужом доме, - словно читая мои мысли, сказал дедушка Авда. - Бог огня Сели живет в этом огне. Не разметай золу по свету, не давай огонь на сторону.

- Под этим очагом закопана твоя пуповина, - говорили мне, - Бог огня Сели оберегает тебя.

Духи задевали меня своими одеждами, на поясе у них сверкали черненные кинжалы, постепенно стол заполнялся глиняными кувшинами с вином и медными, отражающими в своих розовых боках огонь мисками с лепешками и фруктами.

- Почему вы не садитесь? - спрашивал я их.

- Сегодня ты - старший среди нас, - отвечали мне души ушедших.

- Как так?

- Мы сегодня вновь молоды, - отвечали мне, - и разбросаны по всей Земле.

- Что же вас заставило собраться здесь? Виновен ли я в чем-то?

- Моисей получил от Б-га устные постулаты и письменные скрижали, - говорили мне. - Но не указал Б-г прямой и легкий путь детям своим. Так и твой путь - нелегкий путь. Наш народ должен был выйти из рабства и своим трудом и молитвой искупить вину всего человечества. Трижды в день молимся мы за всех. Ты - сын нашего народа.

Неожиданно я увидел отца. Он сидел напротив меня, по обе его руки восседали мои предки. Многие из них были в черкесках. Отец, не дрогнув ни одной морщинкой, долго смотрел на меня, и лишь в глазах его лучилась нежность, он наклонял голову то влево, то вправо, словно хотел рассмотреть меня со всех сторон.

Передо мной положили большую древнюю книгу. Я узнал ее. Она была у нас дома, пока не умерла Большая Мама. Я востепенулся.

- Где же Нэнэ, где она?

- Высоко в горы уходят пастбища Г-да, - сказал дедушка Хаттам. - Она на вершине Горной стены, ей незачем возвращаться на Землю.

- Я всегда знал, что она ушла к Б-гу, не обремененная долгами.

- Ты все еще хранишь в душе проповедника? - улыбнулся дедушка, улыбка скрылась в его седых усах, глаза прикрыли седые брови.

Мне всегда хотелось быть проповедником. С самого детства. Впервые я понял это еще в школе, общаясь со своими товарищами. Словно некой тайной, которая наполняла меня гордостью, мне хотелось поделиться с ними. Мне хотелось сказать им: "А вы знаете, мои бабушки и дедушки рассказывали мне ветхозаветные легенды и были о сути и смысле человеческой жизни, о вечности Души, о том, как она вихрем врывается в человеческое тело при рождении. Б-г вдыхает ее. А когда человек умирает, Душа отлетает из тела. По Б-жественному замыслу человек рождается - свободным! Б-г дает каждому право выбирать между добром и злом. И если вы спросите меня, зачем мы живем, зачем мы созданы Б-гом, я отвечу: цель нашей жизни во всепоглощающей любви к Б-гу, родителям, детям, ближнему, в самосовершенствовании, в совершенствовании нашей Души, а значит, и всего Б-жественного мира. Так говорят мои предки! По поступкам нашим воздастся нам! Это не просто сказки и легенды - это мудрость".

Потом, позже, и в судебном процессе, и за праздничным столом произносая тост, чувствовал я эту потребность - проповедовать. Дарить людям уверенность в том, что душа человека рождена, чтобы выполнить свою миссию, и никогда обличье человека не повторяется, но души наши несут опыт всей человеческой истории.

Прапрадед, которого почти скрывал жаркий свет огня, приблизился к столу и положил на него руки.

В 1075 - 1141 годах в Арабском Халифате жил раввин. Имя его было Иегуда га-Леви. Он толковал Писание и Талмуд, был

поэтом. Он объяснил, почему хазары, говорившие на тюркском языке, приняли иудейство.

- Законы веры родились раньше права, а право родилось раньше закона, - провозгласил другой старец - Ефраим. - Заповеди Б-га наш народ исполняет уже скоро шесть тысяч лет. Установливающий мир в высотах Своих, Он пошлет мир и нам...

А во втором веке великий юрист и Богослов Иегуда га-Наси отредактировал Мишну и составил сборник правовых норм. С того дня, когда было получено Священное Писание, наш народ нес и оберегал заповеди, полученные Моисеем. Израильский народ еще не перевел с арамиты и с иврита даже половины из своих вечных Книг. Многие книги были уничтожены, многие восстанавливают сейчас ученые. Масорет Ашер бен Натан завершил работу над изучением Талмуда в десятом веке. И когда спрашиваешь этих мудрых людей, почему они не торопят этот процесс, они отвечают: главное, чтобы каждый человек пришел к этому сам. Четыре конфессии когда-нибудь поймут, что у всех людей Б-г один. Библия написана для всех. Идолопоклонство, разврат и кровопролитие - основные грехи для всех народов.

Мне иногда так хочется быть проповедником...

И кто-то совсем невидимый воссиял вдруг среди нас, словно неопалимая купина на горе Хорив.

- Г-дь сказал, если вы нарушите Законы мои, рассею вас между народами, сделаю притчей во языцех, но те, кто соблюдают веру, они будут сохранены и престол Давидов будет восстановлен и правду божественного света Шхины, сказал Г-дь, во всем сущем и земном обязательно освящу через мною избранный народ. Потому что, если всем остальным дано идти по прямой, то для иудеев он сделал каменистую, сложную дорогу, и именно гонения и издевательства над ними - это и есть проявление Сатанизма. Это и есть проявление борьбы Добра и Зла.

Многоголосица моих предков, среди которых были и сеиды, поднялась над столом цветущим ярким венком. Блики огня полыхали на их щеках. Вот встал, опираясь на посох, самый древний старец. Он сказал:

- У каждого человека есть выбор, потому что человек рождается свободным. Б-г не говорил, что нужно всем становиться

евреями. Все идут своим путем. Если бы человек не был свободен, он не смог бы спастись. Адам и Ева потому и нарушили заповедь, что у них был выбор. Изначально люди не знали Духа противоречия: борьбы Добра и Зла. Б-г дал каждому возможность выбирать.

Душа каждого человека после его смерти семь дней живет в доме, потом сорок дней в том городе или родном месте, где он умер, и только через год возвращается к своему Творцу и Властелину всех человеческих Душ; это получено прямо от Б-га через прошедших Синайскую пустыню и принесших иудаизм зороастрийцам.

И наш народ, наряду с остатками огнепоклонства до сих пор соблюдает все ветхозаветные заповеди, до сих пор многие представители нашего народа говорят: "Клянусь огнем". Настолько принесенная ими истина совпадала с реалиями первых людей, познавших ее, чьи жизни были очень длинными, потому что их души были большими.

И поскольку души всех умерших людей ровно год еще обитают на земле, душа испытывает страх и страдания, когда видит, как разлагается тело, гниют кости. Йом-Кипур - это Судный день, день искупления. Когда Б-г создал Адама, он создал его для того, чтобы эту Землю сделать прекрасным обиталищем бессмертных вечно живущих своих детей. Такой же прекрасной должна была быть жизнь, как Б-жественное произведение.

Но все равно как мы ребенку говорим: не трогай огонь - обожжешься, так и Б-г сказал:

- Не трогайте плоды с дерева Познания жизни, добра и зла.

Но он все-таки создал такое дерево. И это значит, что он изначально предполагал свободу выбора для своих детей. Сатана в облики Змея-искусителя сказал: попробуй и не умрешь. Ева откусила от плода и потеряла бессмертие. Адам тоже. Б-г сказал: Женщины, в муках будете рожать, мужчины - в поту добывать хлеб свой. Но самое прекрасное: изначально был выбор. Есть один путь для свободного выбора между добром и злом - самосовершенствование. Душа - освобождается от тела, но ангелы препровождают ее в тело новорожденного человека для выполнения дальнейшей своей миссии до полного исправления от всех грехов во всех прошлых жизнях.

Я слушал проповедь, затаив дыхание. Старейшины уже перестали обращаться ко мне, каждый вставал и вносил свою лепту в толкование ветхозаветных постулатов Священного Писания.

- Душа возвращается на Землю, если у нее есть долги, когда она согрешила, и эти грехи переходят на ее детей, ведь она должна очиститься.

- Не будет услышана молитва, если человек обращается к Б-гу через посредников. Обратись каждый - и каждому воздам. Просите и сбудется. Каждый человек, проснувшись утром, должен благодарить Б-га за то, что он "милосердно возвратил ему душу".

И встал мой отец и обратил ко мне свои слова.

- В основе традиций нашего народа лежит уважение к старшим, взаимопроникновение законов гор, законов зороастризма и провозглашение Веры в Единого Б-га. Уникальный народ, который продолжает свое существование на Земле, потому что его основной миссией было донести до человечества единобожие, монорелигию, поскольку наибольшее знание о сути жизни и ее проблемах - у того народа, перед кем Б-г являлся в огненном облаке.

Поэтому ежегодно наш народ в численности уменьшается, ведь души их остаются у Отца Небесного и уже никогда не возвращаются. Мы не святые люди, но народ столько веков хранящий веру Моисея, хранит и его мудрость. Он прошел ряды людей, опросил, какая у кого вера. Он понял, что зороастризм - самая древняя вера. Самая первая религия Земли, предтеча монорелигии.

И вот появился Б-г Всевышний в огненном облаке перед Моисеем. Народ, который был проклят и забыт после Адама, оставлен на растерзание диких зверей, получил прощение. Раньше Б-г только принимал их души после смерти, и души шли в низшие или высшие миры: к Сатане или к Б-гу. Потом Б-г сжалился над народом, который уже был рассеян, потерял свою государственность, малочисленным стал. Б-г сказал:

- Вот из вас, рабов, я сделаю великий народ. Но если вы нарушите законы мои и постановления, я вновь рассею вас между народами. И из любви к своему избранному народу. Он фактически в помощь этому народу спасает всех людей

по сей день. Возвращение душ, то есть реинкарнация - основное положение не только в буддизме и зороастризме, но и в иудаизме. Когда ты родился, только увидев твои глаза, я понял, что твоя душа, мой сын, уже не раз возвращалась на Землю.

Души всех людей, родившихся после Потопа от трех сыновей Ноя, уже бывали на Земле.

Глава 17.

*Пусть будет твой очаг теплым,
а хлеб - свежим.*

...Я вышел во двор. Ночь была густая, даже осязаемая физически. Едва различимые, проступали очертания двора, плетня из двойного ряда прутьев, а возле дороги, на спуске, чернели высокие сосны. Когда глаза привыкли к темноте, за амбаром стали различимы буйные кроны маслинового дерева, над ними высились чинары, там начинался сад.

И я пошел туда, мимо выложенных каменных ступеней, приблизился к стройному стволу сосны. Влево и вправо расходились деревья, но росли они ниже. Сделав еще один шаг, сорвался и полетел в черную пропасть. Попытался ухватиться за корни старого массивного дуба... И очутился на какой-то твердой площадке, ничего не видя во мраке, задыхаясь от нехватки воздуха: мое дыхание остановилось от испытанного чувства полета.

...Поезд со свистом ворвался в черный горный тоннель. Когда он вырвался на волю, я увидел бирюзовый закат над внезапно возникшим в открытой двери купе морем. С другой стороны в окне мелькала уходящая вдаль степь, поросшая чабрецом, полынью, ярко-зеленым кумарчиком и небольшими деревцами саксаула. По краям ее обрамляла отдаленная цепь гор.

Постепенно я начал осознавать, что нахожусь в поезде, в своем купе, а рядом спит глубоким сном моя усталая мама. Взгляд мой упал на ее лицо, и уже не мог оторваться от него. Я смотрел на ее сомкнутые веки и видел то, что ей снилось.

...Моноotonно шумел состав, пробираясь сквозь вечерний сумрак, встречный ветер и пространство, измеряемое годами.

Отец и мать создали семью традиционно, как принято у татов джугури. Отец заметил молоденькую небольшого роста девушку на Грозненской телефонной станции. Видно, запала она ему в сердце с первого взгляда, растаяло его сердце под теплым взглядом ее черных глаз. Был 1946 год. Отец как раз закончил железнодорожный техникум, и его направили на восстановление и строительство Северо-Кавказской железной дороги. Поначалу распределили в трамвайный трест города Грозного. Грозный был тогда одноэтажным цветущим городом с булыжными мостовыми и несколькими трамвайными линиями. Отец брался за любую работу, лишь бы польза была от его труда. Но считал трамвайное дело для себя чем-то временным, вроде производственной практики в течение испытательного срока. Так и вышло. Вскоре его назначили инженером Путевой машинной станции (ПМС) Северо-Кавказской железной дороги.

В городе его уже знали. С "телефонщиками" он часто общался по работе, вот и выпросил у тамошнего секретаря парткома, что за девушка сидит в крайнем окошке, в наушниках, вся в дымке смоляных нежных завитушек.

- Ты об Алхазовой? Самая юная и скромная из местных го-рянок. Ей только-только исполнилось шестнадцать лет.

Этого ему было достаточно. На следующий день отец придумал подходящий предлог: с заявлением об установке у него в коммунальной квартире телефона и обратился к понравившейся ему девушке. Но, очевидно, у мамы была хорошая зрительная память; и она ответила, что с таким заявлением ему нужно обратиться в тот кабинет, где он накануне провел два часа. Так и разговорились.

Потом был юбилей Октябрьской революции. Отец увидел семью Алхазовых на улице Субботников. Вот когда защемило его сердце по-настоящему. Человек пятнадцать окружало тогда нарядную девушку. Справа от нее шел высокий стройный мужчина, а на руках она держала годовалого малыша. Мой отец тогда даже с парада убежал, бродил весь день по узким улочкам, дошел до прилегающего к городу аула, чуть в горы не ушел. Да вовремя повернул обратно: разозлился на себя, на

свою ревность. Решил, что нужно до конца все выяснить, ринулся к тому секретарю парткома:

- Что ж ты не сказал, что у нее семья?!

Тот заулыбался, похлопал отца по плечу.

- Семья, семья. Что, испугался?

- Не испугался, - оскорбился отец. - А ты должен был сказать, что у нее муж, ребенок. Она же совсем юная, как я мог знать?

- Какой муж? - рассмеялся секретарь. - У ее брата шестеро сыновей и одна дочь. Старшей - двадцать, младшему - год...

Отец только тогда понял, как трудно живется девушке в такой большой семье. Ведь она была главной помощницей своей матери и многодетной семьи брата.

Потом отец еще два раза появился на телефонной станции и даже пригласил девушку в кино. Сперва, как положено, пришел в ее дом и спросил у ее отца разрешения на брак. Моложавый, шестидесятидвухлетний Шавад провел молодого человека в дом, усадил за стол. Оглядел, узнал, кто, откуда, из какой семьи. Выходило, что много общего есть у этих двух родов.

- Сколько тебе лет?

- Двадцать пять, - ответил двадцатилетний юноша, думая, что уж двадцатипятилетний мужчина точно заслуживает доверия главы солидного семейства.

Отец невесты сидел на стуле, как в седле, упираясь кулаком в бедро, с какой-то особой горделивой осанкой. Широкие усы, приветливая улыбка, искренний взгляд, который выдает настоящего офицера в любом возрасте. Он, прошедший службу в царской армии в Елисаветполе (Гяндже), претерпевший после революции от советской власти, все еще сохранял эту выправку и светлый лик в том, сорок шестом году.

...Через месяц моя бабушка - Большая Мама - мама отца, получила в Баку такую телеграмму:

"Отца, брата, дядю жду через неделю в Грозном. Нашел невесту, будет свадьба. Борис".

Между прочим, отец отправлял телеграмму с той самой почты, где располагалась и телефонная станция, чтобы все знали: ждет Дору Алхазову скорое счастье.

Невысокая сероглазая женщина в шелковом платье со складками спустилась из вагона на низкую грозненскую платформу. В ее длинных красивых пальцах были зажаты куски сахара и конфеты. Это была еще молодая - сорокатрехлетняя, цветущая Нина (Нэнэ) Исааковна - мама моего отца. По древнему обычаю при первой встрече с родственниками невесты или с самой невестой мать жениха разбрасывает сладости и даже входную дверь в дом смазывает каплей меда, чтобы молодым жилось сладко.

Большая Мама дверь вагона медом смазывать, конечно, не стала, ведь им смазывают дверь того дома, где молодые будут жить. Если бы она могла знать, сколько долгих месяцев молодая семья ее сына будет кочевать по рельсам Северо-Кавказской железной дороги в таких вот вагончиках, от станции к станции, от переезда к переезду! Если бы знала, то обязательно помазала бы медом дверь и этого вагона.

Она увидела знакомые и незнакомые лица на перроне, радостно просияла и, веером подбросив в воздух кусочки сладостей, сошла на землю вслед за мужчинами, которые галантно подали ей свои руки.

Вслед за ней вышли три женщины, которые знали ее с детства и к тому времени вот уже тридцать лет как перестали называться служанками. Большая Мама лично приехала посмотреть на невесту и сватать ее за любимого сына.

Ее муж Натан бен Ёвдо или Авда, дед мой по отцовской линии, как и его брат, Ефрем, были представителями древнего богатого кавказского рода. Когда началась революция, они сами отдали свои трикотажные и чулочные фабрики и магазины в распоряжение власти, чтобы не подвергать свои семьи смертельной опасности. Когда семье нечем было расплатиться с прислугой или не на что было купить еды, бабушка надменно поворачивалась красивейшим тонким профилем к мужу и произносила в потолок:

- Бессеребренник, сам все раздал, по миру пустил все состояние, так хотя бы в комиссары не лез, ведь все они разбойники! Все это государство - грабители!

Но кто знал, на ком бы закончился род джугури, если бы мой дед, тонкий, интеллигентный человек, получивший дипломы об образовании в Париже и в Иерусалиме, объехавший всю Европу, не "расприватизировал сам себя" в пользу государ-

ства. Поэтому дед и не возражал, чтобы сын взял невесту из семьи небогатой, многодетной.

Большая Мама ревниво присматривалась к невесте, пока та торопливо накрывала на стол. К выбору сына она вначале отнеслась критически, но с добром в сердце пришла к старому офицеру царской армии Шаваду Алхазову в дом. А тот, словно почувствовал, что красавица Нэнэ не только волевая, но и мудрая женщина. Она резко отличалась от его покорной тихой жены Зои.

В моей памяти бабушка запечатлелась величественной... Это было истинное величие, можно сказать от Б-га: она внушала уважение к себе.

А через год в своем доме на Чадровой улице в Баку Большая Мама принимала у молодой невестки первые роды. Это меня она взяла на руки, поднесла к маминой груди и сказала:

- Вот и продолжатель рода, мой внук родился, твой сын, радуйся!

Как же пригодилось потом нашей семье это умение моей мамы справляться и с нуждой, и с тяготами голодного времени, и с постоянными переездами из одного города в другой. Ведь папа был инженером-путейцем, всю молодую пору своей жизни посвятил строительству дорог и разработке теории выправки железнодорожных кривых.

Не оттого ли я чувствую себя на железной дороге, как дома? Ехал и ехал бы без остановки всю жизнь, пока не догнал... отца... На каком-нибудь дальнем полустанке. Память часто возвращает меня к таким полустанкам. Туда, где в вагончике, который в любое время можно присоединить к составу или к паровозу, был обустроен наш дом. Наше очередное кратковременное пристанище.

...Нас, детей, уже трое. Все мы еще не доросли до школы, поэтому можем вести кочевой образ жизни вместе с родителями. У отца здесь есть стол, на нем разбросаны тетради и книги. Отец заочно еще учится в институте, он конспектирует "Капитал", материалы съездов, учебники по механике и транспортному делу.

Целыми ночами горит ночник на его столе. Даже тогда, когда вагончик движется по железнодорожному полотну.

Мама стирает, гладит и чинит нашу одежду, потом ложится спать на одну из деревянных полок. Она еще долго не спит, смотрит на ночник, думает, чем завтра кормить нас.

Мы снова проезжаем по этим местам, знакомым мне с детства. Иногда я просыпаюсь и смотрю в небольшое окно под потолком, напротив моей полки. Но что можно увидеть ночью, кроме Луны и быстро мелькающих слева направо непонятных отблесков света? Может быть, это пугающие приветы далеких галактик?

Эй, где вы там, братья по разуму! Смотрите ли вы на меня, маленького жителя Земли, своими огромными - в полнеба - глазами Ночи? Знаете ли вы мою судьбу? Можете ли понять, как в растущем человеческом теле возникает ощущение земного притяжения, чувство радости пребывания на этой, пахнувшей травами и цветущими деревьями, планете?

В вагоне уже совсем темно, все уснули. Вагон то покачивается, как утка, то - тычется носом и снова приседает на задние колеса, то дергается всем корпусом, так что приходится держаться за полку.

- Ты куда, Боря? - слышу я в темноте голос мамы.

- Спи, я сейчас.

И снова в моей памяти оживают картины детства... Зажигается лампа на столе, отец записывает что-то в тетрадь.

- Что ты, стихи пишешь? - улыбаясь шепчет мама. - Строчка пришла?

- На тридцать втором километре стык разошелся, слышала?

- Да, качнуло сильно.

- А кто тебе сказал, что на тридцать втором? - деловито спрашиваю я, свесившись головой вниз.

- Спи, мне ли не знать? - шикает отец.

И ведь правда, знал. Потому что своими ногами десятки раз исходил каждый километр проложенного им пути. И впоследствии, получив солидную должность Главного инженера службы пути Азербайджанской железной дороги в Баку, звание Заслуженного изобретателя, отец никогда не пользовался служебной машиной. Всю эту Землю он готов был пройти пешком.

Приходится делать вид, что я заснул, и я действительно засыпаю, свет отцовского ночника действует на меня благотворно.

Сестра писала:

Сорок лет, как Моисей в пустыне,
Мой отец ходил по полотну -
шпалы, рельсы, степь, полная полыни,
ночь рождает звезды и Луну.

В каждом, говорил, живет бессмертье,
Каждый носит в брэнном теле смерть.
А в степи - такое многоцветье,
Просто невозможно умереть! •

Как кометы, движутся составы,
Свист и пламя, снова тишина.
И отец, простой и величавый,
Все бредет по краю полотна.

Глава 18.

*Прислушивающийся к советам
старшего редко попадет в беду.*

После первых трех лет жизни в Грозном, а затем около двух с половиной лет, проведенных в Дербенте, мы переехали в Георгиевск. С первого по пятый класс я учился в этом городе на Ставрополье. Отца перевели тогда на должность главного инженера Путевой Дорожной машинной станции Северо-Кавказской железной дороги. Нас поселили в трехкомнатной квартире старой вдовы - матери погибшего солдата. В пятьдесят четвертом это было.

Уже в пятьдесят четвертом.

Это были самые счастливые годы моего детства. Может быть, особенно солнечными были весны и самыми голубыми и снежными были зимы? Не знаю. Но я помню, что это были самые счастливые годы...

Анна Ильинична была старушкой хлопотливой, хозяйственной. К нам относилась, как к собственным внукам. Мама моя помогала ей по хозяйству, а точнее, вела дом, во всем опережая хозяйку. Ведь не принято у нас обременять других людей, даже если они становятся очень близкими и родными.

Анна Ильинична была полной, высокой, с небольшим пучком волос на затылке, утыканным массивными черными шпильками. В своем темно-синем ветхом платье и длинном сером переднике, она казалась мягкой, воздушной, и хотелось прижаться щекой к этому фартуку. Она клала свою мужскую ладонь тебе на волосы и ласково гладила их, рассказывая одну и ту же историю.

- Люди говорят, что есть такое озеро, то ли Светлогорское, то ли Светлоярское. Святое озеро. Там вода живую целительную силу имеет. А началось все с того, что в стародавние времена жил да был один князь, звали его, как тебя, Григорием, то есть Георгием, ну все одно. Так вот, в один год напали на нашу землю полчища ордынские. Какой-то хан со своими наездниками губили все живое, сжигали деревни, церкви и гнались за тем князем. А князь тот ушел в леса неведомые да построил град.

- Град? Который с неба падает? - удивлялся я.

- Город, град, - и она указательным пальцем упиралась в мой лоб. - Слушай. Выстроил град. А гонцы и докладывают, мол, близко хан со своей ордой. Князь велел всему народу собраться и на повозках ехать дальше в лесную чащу по тайной дороге. Поднялась вся челядь, бабы с малыми детьми. И снялись с насиженного места. Пошли.

Выходит, что снова соорудили город на берегу этого самого озера Светлоярского. А почему? Очень уж то озеро было красивым и необычным. Понимаешь ли, совершенно круглое, ну, вот как горлышко у крынки. И кто ни пытался измерить глубину его, никто не смог. Не было дна у озера. И сейчас никто не может найти дна. Никому не дано узнать, что хоронится на дне его. Ученые пытались и так и сяк, ан нет, нельзя.

- Оно и сейчас есть? - удивлялся я близости истории.

- А куда ж ему деться? Слушай дальше. Пришел последним и князь со своею дружиною. Отбили они врага, и хан на время отступил. Но город тот, что первым выстроили, весь сгорел дотла. Стали строить новые укрепления и церкви. Да и называли новый город Китежем. Слыхивал?

- Не слыхивал, баба Аня.

- Ага, хорошо. Стало быть еще несколько лет жил князев народ дружно и мирно. Но опять прискакали дозорные. Приближается враг. Полчища текут на нашу землю.

- Фашисты?

- Может и так. Что делать? Дальше-то дороги нет. Но спасать надо народ, детей и жен. Стариков.

На этом месте я затаивал дыхание и с нетерпением ждал странной и непонятной фразы.

- И тогда Китеж-град ушел под воду.

Анна Ильинична ребром ладони рассекала воздух и бралась за уголок платка. Вытирала глаза.

- Так и спрятали Китеж-град от глаз врага. Прискакали баскаки, а города-то и нету. А получается что? Видали люди тот город. Вот те крест. Сказывали, открывается видение, особенно детям и старикам. Один пастушок - душа незапятнанная - пас коров на холме. Сам подошел к озеру. Слышит звон колокольный. Ничего понять не может. Откуда звон церковный? Глядь, а под водой в самой что ни на есть глубине город: церкви, дома стоят, горят свечи в окнах и народ на молебен идет. Говорят, только тем, кто душою чист, тот город и виден.

- А почему вода живая?

- А потому что все, что было святого на Руси, то есть праведного и справедливого, вместе с тем городом в озеро ушло и своего часа дожидается. Люди - и болящие и убогие - приходят лечиться. А кто на закате вокруг того озера обойдет три раза, тот излечивается. Там даже сосны вот такие, - она растопыривала два пальца - раздвоенные.

- Но мы же фашистов побили, - заявлял я. - Значит, все должны вернуться, выйти из того озера.

- Эх, милоч! - вздыхала она. - Да кабы все могли возвращаться...

Она оглядывалась на фотографии, висящие на стене, потом с кряхтением поднималась и подходила к ним. Протирала и плакала. А я все пытался узнать у нее, где же искать это озеро, даже загадал, что, когда вырасту и стану взрослым, обязательно поеду на это озеро и найду тот город, дозовусь Русь святую.

...Иногда заходивший по дороге в областной центр Григорич, брат ее погибшего мужа, рассказывал свои истории про войну, присев на крылечко.

Долго на ступеньке он высидеть не мог. Вскикивал, принимался расхаживать перед "аудиторией", как цапля. И растопыривал пальцы.

"Старику" тогда было чуть меньше, чем мне сейчас, - сорок семь - сорок восемь. Белая щетина на загорелом лице, коротко стриженная седина на затылке, дряхлая гусиная кожа на шее и груди.

Дядя Миша был диверсантом. Помню ужас, охвативший меня, когда братишка Натан ворвался в детскую и, широко распахнув осиненные ангелами глаза, возопил:

- Дядьку, что вчера к Линишне приезжал, помнишь?

- Чего мне его помнить? - улыбнулся я.

- Он диверсант! - выпалил Натан. - Генка сказал.

- Чей диверсант? - только и спросил я, не на шутку испугавшись за мир и порядок в советском Георгиевске.

Оказалось, что Михаил Григорьевич Балалыкин был во время войны десантником, выполнял особо важные задания командования по организации диверсий в тылу фашистов. Взрывал составы, мосты, переправы. Теперь мой отец восстанавливал их в Ставрополье, а по вечерам беседовал с Григорьичем "за жизнь".

...Столовая у Анны Ильиничны светлая, с геранькой на окне. Словно ситчиком все обтянуто - солнечные зайчики по стенам с фотографиями мужа и сына прыгают. Очень уважал ее мой отец. Пять лет мы жили у Анны Ильиничны.

Я учился в железнодорожной школе номер восемнадцать. Первая любовь у меня там случилась. Только не знаю, можно ли назвать любовью это чувство мальчишеской преданности и привязанности к моей первой учительнице Нине Федоровне, преподававшей русский язык и литературу.

Да, ее тоже звали Нина, как и мою бабушку. Она читала нам стихи на уроках, и теперь я вспоминаю, что читала-то она все наизусть: Некрасова, Пушкина, Лермонтова, Маяковского...

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна...

Мороз и солнце! День чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный...

Навек заморозили меня эти строки своей идеальной гармонией и волшебством звучания русской речи!

... По ночам я брал фонарик, забирался под одеяло и листал книжки, которые вытягивал незаметно из книжного шкафа в

комнате Анны Ильиничны. Я в этих книжках хотел услышать голос учительницы, ее интонацию, и обязательно находил те стихи, которые она нам читала. Тоска по этим урокам осталась во мне навсегда.

Однажды мама заглянула в нашу комнату ночью и увидела, что моя постель вздыбилась и сияет изнутри, как освещенный жемчуг. Она расширила глаза, так как неожиданный свет ослепил ее, и закричала:

- Горит, постель у ребенка горит!

Она подумала, что, балуясь со спичками, я нечаянно поджег свою постель, которая начала тлеть под одеялом. Сбежались все, кто с кувшином, кто с ведром, сдернули одеяло. А я как раз читал "Демона". Когда передо мной вдруг возникли столпившиеся вокруг моей постели "духи", освещенные неровным светом моего фонаря, я издал вопль ужаса.

Мама решила, что я уже успел обжечься, и закричала еще пуше. Баба Аня выплеснула на постель полное ведро воды. Вдобавок ко всему заплакала проснувшаяся Фрида. Это было про нас. Отец долго смеялся, откопав в моем одеяле маленький томик Лермонтова.

А после занятий мы с ребятами бегали в лес в войну играть. Возле леса начинались овраги-окопы, а в лесу - ямы от снарядов и поваленные деревья.

Лес - это особое живое существо, которое дышит, шевелится, пугает тебя шорохами и треском сучьев под чьей-то невидимой ногой. Эхом отдается оклик друга: "Ау, Гриша! Григорий!" Всем страшно. Комары роем налетают на расцарапанное лицо, шею, из-под пяток выпрыгивают лягушки. И тонкие паутинки лепятся к лицу, пахнет грибами сухой лиственный-хвойный покров.

Испуганная птица взмахивает крылами, ударяет ими по листве. Забываешь, что за "стенами" этого большого лесного царства света и теней с бирюзовой куполообразной крышей есть еще хлебные поля, древнерусские деревни, царица Волга, несущая свои воды к Каспию, по которому ноет порою мальчишечье сердечко.

Здесь, в лесу, ты весь во власти матушки-природы. Патроны валялись в этих лесах россыпями, словно семена, осыпавшиеся с деревьев. Каски немецкие мы пинали ногами, втапывали их в сырую землю по самую маковку и стучали по ним. Автома-

ты ржавые находили... Так что военные игрушки у нас были весьма натуралистичные.

А Григорьевич на прощание подарил мне свой нож. Потрепал по макушке и сказал:

- Не проткнул я этим ножичком того гада, который мою семью казнил. Бери, мужичок, на память.

...Подъезжая теперь к Москве, я ощущал радость первого свидания с великим городом.

Да-да, именно первого свидания. Словно я не жил к тому времени в Москве уже пять лет.

Вот показались высокие своды Курского вокзала. У меня забилось сердце, как будто теперь только я, и больше никто, отвечаю за то, чтобы моей маме Москва понравилась.

Я волновался, а она уже высматривала на перроне своих детей и внуков со светлым счастливым лицом вернувшегося домой человека...

Часть вторая ИСПОВЕДЬ ЗАЩИТЫ

Глава 1.

Правду даже сабля не разрубит.

В зале суда к концу перерыва, объявленного для вынесения приговора, немного посвежело: воздух проникал в форточки и холодными струями обдавал оставшихся в помещении распаренных людей. За окном двигался морозный московский полдень. Последнее заседание по делу моего подзащитного длилось два с половиной часа. Да и задержка слушания по делу сегодня оказалась рекордной. Дело, назначенное на девять, стояло в списке первым, но адвокатов подсудимых и публику в зал пригласили только в половине одиннадцатого.

Даже привыкшие к таким задержкам адвокаты были возмущены этим.

Особенно возмущался мой коллега, адвокат подсудимого Иволгина, пожилой потрепанный жизнью Карюкин. Он пожимал губами, при этом выщипанная борода его поднималась лопаткой, и говорил то и дело:

- Что они там - ЦУ получают?

И поднимал глаза вверх.

В недавно построенном, еще необжитом, пустынном здании московского городского суда пахло краской и шпаклевкой. Бедность бюджета на этот раз хорошо замаскировали: мраморные полы, современное освещение, вместительные залы заседаний... После муниципальных судебных катакомб с обшарпанными стенами, протертым линолеумом, маленькими каморками для заседаний и убогими стендами Московский городской суд кажется настоящим дворцом. Ведь на ремонт и содержание помещений нужны деньги, а суд пожалуй, - единственный орган, который ни спонсорской помощи принять не может, ни сам себе на ремонт заработать. Иначе, можно было бы доказать, что правосудие продажно.

Но и в Мосгорсуде, как и в обычных судах муниципального уровня, в коридорах толпятся такие же озабоченные своими проблемами люди, и в их глазах светится надежда.

Итак мы стояли в коридоре полтора часа по стойке смирно, потому что лавок здесь поставлено всего две, и на них усадили женщин и одного старика - отца подсудимого Маркова.

Я - защитник его сына, но старик избегал меня. Люди, никогда не имевшие конфликтов с законом, попав в водоворот уголовного процесса, думают, что оказались на краю гибели.

Даже свидетели.

Старик Марков старался не смотреть в мою сторону, чтобы не встретиться со мной взглядом. Я не осуждал его, слишком хорошо понимая, что чувствуют родные человека, которого обвиняют в преступлении. Это все равно, что ожидание операции твоего близкого, которому поставили страшный диагноз.

Старик сидел смиренен и тих, он вообще ни на кого не смотрел, а только содрогался время от времени всем телом, словно его пробирал нервный озноб.

На перерыв я не пошел, не стал выходить из зала. Слишком много энергии ушло во время моей защитительной речи. Да и на протяжении всего заседания - от начала до конца - нужно было держать ухо востро: сколько неточностей могло быть в стенограмме, сколько мелочей могло исказить истину. До сих пор гудят ноги, да и все тело от перенапряжения и от той ответственности, которую взвалил на себя.

Кажется, перерыв длится вечность. Вероятно, за дверью совещательной комнаты сейчас пьют чай. Подсудимых из зала вывели, в коридоре к ним бросились родные, но охрана отстранила жен и матерей.

Старик Марков встал со скамьи и только потряс протянутой к сыну рукой - издалека, не надеясь на прикосновение.

Обвинение настаивает на высшей мере для всех пяти подсудимых.

Старик не страдал слуховыми галлюцинациями. Он, так же как и я, съезжился внутри и молил Б-га, чтобы тот либо сократил это мучительное ожидание, либо продлил его навечно.

Полчаса назад прокурор прочел последний абзац своей обвинительной речи:

- ...Принимая во внимание все обстоятельства ...степень тяжести всех... прошу признать... и назначить высшую меру наказания...

В зале раздались вскрики, но по ушам резанул отчаянный вопль вскочившего на ноги старика:

- Адвокат, прекратите суд!

Он опустился на скамейку и зарыдал. Только тогда я понял, что есть еще один человек, совершенно убежденный в невиновности моего подзащитного. Представляю себе, какая боль ударила в сердце этого человека, когда он услышал: "Назначить высшую меру..."

Все ли я сказал из того, что должен был, что наметил? Ведь конспектов я не составляю, когда готовлюсь к заседанию, шпаргалками не пользуюсь со второго курса университета.

Холодным потом покрываешься, когда в этом забытии вдруг осеняет, что не помнишь, сказал ли ты о несоблюдении порядка задержания, об избияниях в камере, о принуждении подсудимых давать показания против самих себя, о несоответствиях в предъявленном следователем обвинении и об окончательной статье, по которой Марков привлечен к уголовной ответственности.

Я намеренно не рассказываю сути дела. Хочу только подвести мой рассказ к той минуте, когда судья прочитает приговор, к тому моменту, когда я посмотрю в глаза моему подзащитному, к тому мгновению, когда в них промелькнет сама смерть.

...Я слышу, как открывается дверь зала и кто-то входит и садится сзади, невдалеке от меня. Запах духов доносится до меня, и теперь я знаю, кто это.

Речь прокурора, против обыкновения, началась талантливо, проникновенно. Она могла перевесить аргументы моей предстоящей речи.

Публика стала вливаться в зал волнами: люди, в том числе родственники жертвы, косясь в мою сторону, шумно садились на скамьи, что подальше, на другой половине зала. Зал снова заполнился, это значит, по коридору провели подсудимых. И действительно, сбоку, справа от меня, открылась металлическая дверь и в клетку впустили пятерых одинаково небритых мужчин, сняли с них наручники. Все застыло в ожидании.

Что сейчас должно произойти? Сейчас кровь хлынет к моим барабанным перепонкам и голова потяжелеет, набухнет от дикого напряжения. И никто об этом не узнает. Никто, кроме, может быть, той женщины, которая вошла десять минут назад и села за моей спиной. Это моя мама. Она одна поддерживает меня теперь своим молчаливым мудрым сост-

раданием. Но сознание переключается на дверь совещательной комнаты. Она открывается.

Определять заранее, какой приговор вынесли судьи, по их лицам - это занятие для киногероев. Ничего не значит ни улыбка судьи, ни его сосредоточенность.

По крайней мере, в России.

Я успеваю заметить крестик на блузке судьи, повешенный в качестве декоративного украшения. Но меня не трогает этот штрих, я только хочу знать приговор.

Моя правая щека уже пылает от взгляда моего подзащитного. Пока мы стоим и ждем разрешения секретаря сесть, Марков прожигает меня озлобленным за восемь месяцев в Бутырке взглядом: сейчас он сам выносит приговор - мне. Я, конечно, отвечаю ему успокаивающим движением бровей, малозаметным жестом ладони:

- Будь спокойнее, это надо выдержать.

Я смотрю в его сторону и вижу его глаза, глаза подсудимого. Зал суда опрокинулся, живет по-своему. Вижу: за капليщей каплица катится по скуле, скрывается в щетине. И какая-то общая, звериная тоска, плеща, выливается из меня.

Я хочу крикнуть!

Что угодно крикнуть, сорвать себе связки, разодраť этим криком горло, перечеркнуть все эти обязательные правила процесса, остановить движение Земли, только притормозить вынесение приговора. И кто это придумал: слушать всю эту долгую нудную преамбулу, повторяемые обстоятельства дела и имеющиеся доказательства, когда ноги так предательски слабеют, и в горле что-то щекоотно подрагивает, словно сердце превратилось в насекомое и пытается выкарабкаться через трахею.

Марков смотрит теперь на судью. Он тоже, как и я, смотрит на ее крестик. И может быть, хорошо, что этот крестик висит поверх блузки, есть за что уцепиться взглядом, вроде спасательного круга, а точнее - соломинки.

По лицу его стекают крупные капли пота. Он стоит в одном ряду с людьми, с которыми даже не был знаком до ареста. Его участие в этом преступлении сфабриковано от корки до корки. Но, похоже, это мне придется доказывать в суде кассационной инстанции. Ведь судья, закончив описательную часть, перешла к санкциям. И уже произнесла:

- ...Приговорить Сорокина и Иволгина к высшей мере наказания, расстрелу.

Зрачки Маркова расширились, нос его покраснел и опух, и на глаза навернулись слезы. Брови его взмыли высоко к ежику волос, лоб собрался в гармошку, а мгновения, которые протекли до следующей фразы судьи, показались мне странным образом растянутыми каким-то сверхъестественным вневременным способом. Я даже не успел возликовать, что среди смертников нет моего Маркова.

- ...Фирсова - к пятнадцати годам лишения свободы, Петросяна - к тринадцати годам лишения свободы...

Марков вытянул свою тонкую куриную шею, как будто хотел взлететь, весь вытянулся и поднялся на мыски.

Ему было о чем скорбеть.

Восемь месяцев в тухлой черной камере, заполненной пропахшей потной мужской плотью, ничто по сравнению с унижениями со стороны следователей и невозможностью переломить их предвзятость. Невозможность глотнуть хоть грамм этой самой пресловутой презумпции невиновности или хотя бы презумпции нравственности и человеческого достоинства.

Когда человек не может доказать психопату-начальнику свою правоту, он отчаивается. Когда обвиненный понимает: что бы он ни говорил, все бесполезно, потому что следствие - это не человеки, с биллионами клеток мозга, сердцем, семейными проблемами своими, с дочкой Ксюшей, любовницей Клавой, а ма-ши-на, механизм для пе-ре-ма-лы-ва-ни-я костей и виновных и невиновных, этот самый несправедливо обвиненный человек перестает верить в свои права.

- Не верь ничему, - пишет он матери после "чистосердечного" признания. - Здесь такое творится...

А больше он ничего не может написать, потому что тогда письмо не дойдет домой.

Марков ненавидит в эту минуту всех, кто в зале. Он сжимает кулаки и ненавидит. Но сквозь эту ненависть за прутьями клетки проступает обреченность. "Теперь это единственная твоя спутница", - думаю я, успеваю подумать, потому что судья произносит:

- Маркова Георгия Александровича... оправдать... и освободить из-под стражи в зале суда.

...А вначале было Слово.

И это было - слово адвоката.

Глава 2

Труд - крепость человеческой жизни.

Подъезжая к зданию, которое сейчас называется Центральным домом адвоката, я увидел толпу народа, ожидающего открытия.

Тогда я возглавлял Московский юридический центр - коллегию адвокатов, которая в то время была первой и единственной в России, специализирующейся на правовой помощи предприятиям.

В конце восьмидесятых - первой половине девяностых годов в России полным ходом шло рождение новых гуменид. Так говорил Лев Гумилев.

То ли ультрафиолетовых лучей из космоса через озоновую дыру поступило тогда чересчур много, то ли геополитические причины сыграли свою роль, но в России, как почки весной, начали расти первые пассионарии от предпринимательства.

И эти самые пассионарии, жавшиеся еще по дорогам страны на своих потертых буржуйскими "Мерседесами" "четверках" и "девятках", призраком капитализма бродившие по коридорам власти в поисках вождя-инспектора, регистрирующего их право на существование, эти пассионарии, еще не осознавшие своей разрушительно-созидательной роли в российской эволюции, шли в наш, как он тогда назывался, "Госюрцентр", где мы, на базе столь девственных, по-приютски неискушенных законов нового времени, разъясняли им их роль и их правовой путь по коридорам власти к искомому инспектору и вообще их законное место во времени и пространстве.

Они шли лавиной, как осетровые на нерест. Лев Гумилев сказал бы, что так не бывает, потому что на всю массу народонаселения положено случаться по одному такому деятелю в тысячелетие, но однако, судя по масштабности планов вчерашних кооператоров и начальников ХОЗУ, всеми ими двигало обостренное чувство, иными словами, провидение.

Двигало оно ими в сторону рынка, а каково оно - на рынке, особенно на нашем, без адвоката, вы спросите у капиталистической, да хоть бы американской судебной системы.

Вот, кстати, эта система проезжает на своем, оплаченном американскими налогоплательщиками, "Роллс-Ройсе" под на-

шими окнами. Хотя, честно говоря, припарковаться на "Роллсе" у нас тут перед Гильдией довольно трудно, постоянные стройки фактически уничтожили место парковки.

К нам шли не только предприятия и учредители еще не рожденных банков и компаний, но и юридические консультации, адвокатские коллегии городов и весей России, потому что всем было интересно поработать на благо процветания денежного дерева российской экономики.

Московский юридический центр оказался сильным и породистым производителем, поскольку в новой ассоциации, появившейся на свет в 1995 году, при подсчете, да и по наблюдениям оказалось наибольшее количество генов именно от Мосюрцентра.

Повивальной бабкой от Московского правительства был сам мэр.

Новорожденную называли - Гильдия. Имя придумалось само собой, ведь гильдия - это сообщество многочисленных членов - городских и областных коллегий адвокатов - объединенных общими целями и принципами. Испокон веков в России существовали понятия "гильдии" и "коллегии".

Коллегии были в основном государственными структурами, скажем, при Петре Первом, а гильдии - сословными представительствами, объединениями профессионалов.

Гильдии адвокатов до революции могли быть образованы, если собирались более двадцати инициаторов с необходимыми профессиональными качествами. Вот и мы объединили более сорока коллегий под свою крышу, оставив им полную независимость, но некоторые функции по управлению и представлению интересов самих адвокатов перешли к Гильдии.

Январским погожим вечером 1995 года я вышел на ступеньки своего здания, держа в руках постановление Учредительной конференции коллегий адвокатов, которые признали факт рождения Гильдии Гасановны Адвокатовой, по выражению тогдашнего вице-премьера Правительства Москвы А.И. Музыкантского, ныне префекта Центрального Административного округа Москвы.

И в скором времени Министерство юстиции и Правительство подтвердили, что детище законнорожденное.

А что им оставалось?..

Пошли дни, месяцы, годы. Если поинтересоваться, из кого

в настоящее время состоит адвокатский корпус, окажется, что в своем большинстве - это вчерашние судьи, прокуроры, сотрудники милиции, госбезопасности. Они не виноваты в том, что сформировались на старой информационной базе, кругозоре и методах командного руководства хозяйством. Постепенно пестуются профессиональные адвокаты, свободно ориентирующиеся в сфере бизнеса, предпринимательства, банковского и биржевого дела; в вопросах менеджмента, аудита...

Есть ли в России новаторы в становлении такой адвокатуры? Могу ответить уверенно - есть. Это Гильдия российских адвокатов. Мне импонирует ее творческий порыв, интеллект, желание работать, как принято во всем цивилизованном мире. Основой для этого служит многолетний опыт Московского юридического центра по защите интересов субъектов рыночной экономики.

Из месяца в месяц, из года в год адвокаты набираются опыта. Все чаще нас просят не только подготовить учредительные документы, но и защитить нарушенные права в сферах налогообложения, банковских, таможенных операций.

Своим доверителям мы стали предлагать такие виды юридической помощи, как экономико-правовой анализ деятельности предприятий, юридический аудит, возврат долгов, взыскание убытков и так далее. Многие наши адвокаты стали бесценными консультантами государственных структур, предприятий и организаций, фирм по вопросам приватизации, сделок, связанных с недвижимостью, реализации контрактов в сфере международной торговли, в подготовке локальных нормативных актов, в правовом обеспечении отношений собственности, залога, банкротства.

Разработаны и внедрены современные методики юридического анализа результатов аудиторских проверок с оказанием практической помощи в предупреждении негативных правовых последствий хозяйственной деятельности, проверки надежности и платежеспособности контрагентств и клиентуры, взыскания убытков, причиненных неисполнением договорных обязательств и другие.

Нам надо добиться с учетом нашей значимости в адвокатском мире такого положения, чтобы Мосюрцентр являлся не только базой ГРА, но и форпостом российской адвокатуры.

Сегодня новые структуры в адвокатуре, ориентированные на защиту интересов предпринимателей, не могут быть построены без тщательного соблюдения этических норм и правил. Поэтому наш Научно-консультативный совет, активно работающий в области принятия и утверждения кодекса адвокатской чести, кодекса этических правил адвокатской деятельности, должен довести начатое дело до конца.

Адвокат Мосюрцентра должен являть собой образец адвокатской деятельности и как личность - интеллигента - носителя лучших традиций российской адвокатуры, той, которую Россия утратила в 20-х годах с приходом новой власти. Мы сегодня стараемся это восстановить. Подтверждением является объединение адвокатов на единой профессиональной основе, а не по принципу, который утверждается в одобренном Думой в первом чтении законопроекте, - сохранить одну коллегияу в субъекте Федерации. А остальные куда?

Наши предложения направлены на консолидацию, на активную конструктивную работу с нашими коллегами по адвокатскому корпусу, и мы, учредив по инициативе Мосюрцентра золотую медаль имени русского адвоката Ф.Н. Плевако, исходим вовсе не из меркантильных интересов адвокатов Мосюрцентра или Гильдии российских адвокатов.

Одним из важнейших и деликатнейших аспектов нашей работы является гонорарная практика. Надо сказать, что здесь мы всегда в первую очередь руководствуемся нормами действующего законодательства и разработанными на их основе Рекомендациями по определению платы и гонораров при оказании юридической помощи гражданам и организациям членами Гильдии российских адвокатов. Этот документ родился на основе накопленного за последние годы опыта и специфики нашей работы.

Главное, мы стремимся нацелить наших адвокатов на дифференцированный подход к каждому, кто обратился за помощью. Авторитет Мосюрцентра мы всегда ставим выше любых меркантильных соображений. Максимум чуткости! Максимум тактичности к каждому, и в особенности - к малоимущим!

В подтверждение этих слов лишь один пример из деятельности Центральной юридической консультации: за девять месяцев этого года бесплатно дано свыше семисот пятидесяти устных консультаций, составлено более трехсот документов.

Сто два раза осуществлялось представительство по гражданским делам, сто восемь поручений выполнено по уголовным делам в порядке статьи 49. И это лишь по одной из тридцати шести юридических консультаций коллегии.

Существует житейская мудрость, говорящая о том, что главное богатство любого сообщества, коллектива - это его люди. Не является исключением в этом плане и наша коллегия, формированию творческого потенциала которой президиум уделял всегда самое пристальное внимание. Но вначале несколько цифровых показателей.

Нас порой упрекают, что, мол, мы принимаем людей из правоохранительных органов, а я считаю, что правоохранительные органы - это как раз та сфера, где куют характер человека. И если, скажем, судью не принять в адвокаты, то тогда я не знаю, кого же принимать. На Западе существует веками проверенная традиция, когда уже отработавших в адвокатуре после студенческой скамьи выбирают в органы суда, прокуратуры.

К сожалению, в России получилось наоборот. Чтобы в адвокатуру принимать людей, умудренных жизненным и профессиональным опытом, может быть, недостаточно нашего квалификационного экзамена. Конечно, адвокатами не становятся после сдачи хоть ста экзаменов, адвокатом можно стать не только имея определенные знания, но и талант, практический опыт, который приходит в результате большого адвокатского труда. В ряде субъектов Федерации есть наши подразделения: адвокатские бюро, юридические консультации, и, конечно же, мы хотим, чтобы наш опыт стал достоянием наших коллег-адвокатов.

Традиционная практика отбора адвокатов, организация их учебы нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Президиум пришел к выводу о необходимости организации стройной системы подготовки адвокатов и повышения их квалификации. Вот почему совместно с руководством Московской государственной юридической академии достигнута договоренность о создании факультета адвокатуры. Эта инициатива поддержана и Министерством юстиции РФ. Одновременно достигнута договоренность с Международным юридическим институтом Российской правовой академии Минюста России о том, что начиная со второго курса мы будем работать со сту-

дентами, брать их к себе на практику, а после выпуска самых лучших и достойных принимать к себе на работу. Полагаем, что принцип создания будущей плеяды профессионалов начиная со студенческой скамьи имеет неплохую перспективу.

Мы не можем забывать о широком поле деятельности по взаимодействию с субъектами международного рынка. Скажу больше, тот, кто сегодня игнорирует это направление адвокатской работы, тот добровольно отдает российский рынок иностранцам, не владеющим тонкостями российской специфики.

В этом направлении Мосюрцентр проводил целенаправленную работу по заключению соглашений о сотрудничестве и взаимном представительстве с иностранными адвокатскими фирмами в США, Канаде, Израиле, Испании, Швеции, Болгарии, на Кипре, в Чешской Республике, Словакии, Германии. Само собой разумеется, мы предоставляем свои услуги десяткам зарубежных юридических фирм, и их число растет.

Гильдия российских адвокатов, соответственно и Мосюрцентр, приняты в состав "Ай-Би-Эй" - авторитетнейшей международной Ассоциации адвокатов.

Мы постоянно стремимся расширять сферу деятельности в отношении иностранных партнеров. К примеру, в этом году на базе Управления по обслуживанию дипломатического корпуса создана специализированная юрконсультация "Юринсервис", которая оказывает помощь как работникам дипломатических представительств, так и другим иностранцам, иностранным фирмам.

Огромную работу ведет также специализированная юрконсультация "Юринфлот". Ее авторитет на международной арене настолько высок, что довольно небольшой коллектив буквально нарасхват среди самых известных и мощных зарубежных фирм.

В плане международного обмена опытом и повышения квалификации наших специалистов мы договорились с несколькими крупнейшими зарубежными партнерами о регулярной стажировке наших адвокатов за рубежом. К примеру, в самое ближайшее время готовится к выезду группа в Германию, на очереди - Великобритания, другие страны.

...Все произнесенное я говорил с главной лестницы у входа в здание Мосюрцентра. А меж тем...

...толпа обступила мою машину, протискивающуюся к стоянке.

- Скажите, пожалуйста, а во сколько будут пускать?
- Я в очереди тридцать пятый, меня примут сегодня?
- А по поводу пенсии сюда жаловаться, милоч?

Вот такие вот вопросы.

- Вы, бабушка, пройдите в комнату двести пять, я попрошу пропустить вас и принять немедленно.

Старушка, истинно московского вида, в коротком плашике, в удобных туфлях и с решимостью на лице, прижалась к моему плечу и нога в ногу со мной устремилась к дверям Гильдии.

Высокое красное кирпичное здание на взгорке в Малом Полуярославском переулке белело своими порталами и широкими окнами, в которых уже горел свет. Солнце в феврале просыпалось, подобно моим секретарям, лишь с моим приходом на службу, а я приезжал обычно к тому моменту, когда едва просветлевшее небо еще способствовало пасмурному настроению. Оно по-свойски горело между домами тем цветом, которого, наверное, добивались алхимики, производя опыты над медью по превращению ее в золото.

Старушка стянула с головы косынку, на ходу сунула ее в авоську и, словно на подножку тронувшегося трамвая, вскочила на порожек здания.

- Со мной, - буркнул я милиционеру, охраняющему нерушимый храм адвокатуры.

Милиционер, привыкший ко многому, отдал честь. Старушка в ответ высокомерно кивнула ему.

Я указал в конец коридора, где вдоль стен стояли скамьи. Там были "приемные покои", где восемь дежурных адвокатов, членов Гильдии, ежедневно регистрировали десятки, а то и сотни обращений граждан. Первичный прием организаций велся на втором этаже.

Старушка живенько побежала в указанном направлении, не оглядываясь. Ее белые коротко стриженные волосы взметнулись от ветра, как пушок одуванчика.

Я поднялся на второй этаж и пока шел до своего кабинета, мне пришлось, по образу и подобию дирижера, приветствующего первую скрипку, поздороваться за руку со всеми сорока девятью первыми скрипками этого этажа и каждому сказать доброе слово, хотя бы глазами. В конце концов блаженная

улыбка настолько застыла на моих губах, что мой заместитель - Управляющий делами Л.Ф. Кедяев, вышедший мне навстречу, спросил:

- Гасан Борисович, вы, никак, с утра пораньше дело выиграли?

Я симпатизирую Леониду Федоровичу не только за его юмор. Гигантское строительство в Гильдии и вокруг нее - на его плечах.

Кабинет располагался в конце коридора, за двумя эшелонами помещений: в одной комнате сидели мои помощники, в следующей, сквозной - секретари.

- Здравствуй, Вита. Никого, пожалуйста, ко мне не пускайте, - сказал я яркой своей помощнице скороговоркой, решительным маршем проходя через приемную, и добавил: - мину- ты три...

Войдя в свой кабинет, я так же решительно снял пальто и бросил его на кресло, стоявшее в углу возле журнального столика, заваленного какой-то полиграфической продукцией. Видно, Маркович - начальник всемогущего полиграфического "Спаса" здесь побывал. Не дождался. Ага, вот еще сегодня предстоит решить вопрос с редакцией нашего журнала "Российский адвокат". Ромен Аронович, его бессменный главный редактор звонил даже в машину, надо делать приложение к журналу - есть спрос, есть интерес. Почему раньше не придумали писать повести об адвокатах?

При случае расскажу, как он умудрился отправить наш журнал в космос, уговорив меня подписать командировочное удостоверение спецкорра космонавту Т. Мусабаеву. Творческий человек Ромен Аронович. И журнал делает хороший.

...Об интервью с "Известиями" можно забыть часов на пять, потому что Александр Алексеевич Обозов, Вита Ермоленко, Катя Степанова, Андрей Мастерук или Аня Парамонова все равно напомнят...

Да и сама пресса о себе постоянно напоминает.

Когда на торжественном собрании в Центральном доме журналистов, посвященном дню Российской прессы, среди почти двухсот лауреатов различных журналистских премий были объявлены имена трех представителей печати, награжденных премиями Гильдии российских адвокатов, в праздничной суете, пожалуй, вряд ли кто придал этому особое значение.

А между тем событие это по-своему знаменательное. Дело в том, что в конце 1995 года председатель Союза журналистов России В. Богданов и ваш покорный слуга подписали очень важный для обоих профессиональных сообществ договор о сотрудничестве.

Не секрет, что российская пресса вместе с долгожданной свободой слова получила и немало "сюрпризов" в виде судебных исков о защите чести и достоинства от "героев" острых публикаций. Во многих случаях суд признавал правоту "героев", а редакции выплачивали убийственные для своих нищих бюджетов компенсации за моральный ущерб. И дело было не только в несовершенстве законодательства, происках реакционеров-чиновников. Увы, далеко еще нашему брату журналисту до овладения основами правовых знаний, необходимых для грамотной профессиональной деятельности в условиях демократизации общества.

Не случайно именно Гильдия смогла возродить через сто с лишним лет журнал "Российский адвокат", который сегодня распространяется по всей России, СНГ и в шестидесяти странах мира.

Вот поэтому Союз журналистов и Гильдия российских адвокатов пришли к соглашению, что пропаганда деятельности новой независимой российской адвокатуры - дело наиважнейшей государственной заботы. Профессиональные сообщества российских журналистов и адвокатов договорились о взаимной поддержке. Теперь в представительствах ГРА по всей стране журналистам окажут внеочередную помощь. Кстати, в Москве она уже оказана десяткам газет, попавшим в затруднительное положение.

Гильдия, в целях пропаганды деятельности новой адвокатуры, учредила несколько премий для журналистов, намерена выпустить ряд брошюр по правовой тематике, провести семинары для работников СМИ. И, конечно, мы надеемся, что тема адвокатской деятельности по-новому зазвучит на страницах газет, журналов, в радио- и телеэфире.

Машинально поправил чашечки весов мраморной Фемиды, стоящей в углу возле Государственного флага России. Чашечки не должны быть на одном уровне. Справедливость должна чуть-чуть перетягивать законность. По крайней мере, в моем кабинете.

Славная дама эта Фемида. Фигурка миленькая. Хорошо еще, что у нее глаза завязаны. Пользуясь этим и не стесняясь общества полураздетой леди, я поправил свой костюм, провел щеткой по туфлям...

Только после этого взглянул на портрет, висящий прямо против двери.

- Здравствуйте, Анатолий Федорович. Как поживали?

Старик на портрете слегка склонил голову, прядь волос его упала на лоб. Сегодня он был не в духе, молчал, косился на соседа. Это их вечный спор!

- Федор Никифорович, а вы с Анатолием Федоровичем опять всю ночь проспорили? Приветствую вас.

Статный красивый человек в сюртуке и белоснежном густом жабо поднял плечи, словно извинялся.

- Ну, скажите на милость, какая разница, быть изображенным в масле или в гипсе тут стоять? Главное же - образ! - размышлял я вслух. - Хорошо, и денек сегодня славно начинается. Вы взгляните только, какое солнце, какой день!

Мерзлота на исходе, господа бронтозавры!

Грачи прилетели!

Сосульки!

Капель!

Плевако и Кони, с которыми я только что говорил, - это фамилии. А поскольку фамилии - вещь относительная и должны обязательно относиться к кому-нибудь, то есть быть чьими-то, то люди, носившие эти фамилии, тоже были вполне реальны.

Так, человек по имени Плевако, посмотревший на меня с некоторой долей покровительства (хотя и с заказанного мною же портрета), был моим коллегой, адвокатом, и по всему виду его, по всему его темпераменту и эрудиции можно было утверждать без тени сомнения, что этот адвокат - гений.

Нельзя же усомниться в том, что гений - Пушкин, когда глядишь на портрет работы Кипренского.

Федор же Никифорович Плевако был не только гением среди правоведов, но еще писал водевили и носил жабо. А это уже, извините, намек на принадлежность к высшей касте людей - к творческой интеллигенции.

Оба они были почетными домовыми этого здания и по ночам, выходя из своих художественных образов: Плевако - изображен на картине, а Кони в виде уютной скульптурной ком-

позиции под названием "думающий мыслитель" - разбирали завалы уголовных, гражданских и других дел, которые вели мои коллеги.

Бывало, некоторые из них, открыв утром у себя на столе дело о разделе имущества, признании отцовства, а то и краже "чайника" в столовой Налоговой полиции, обнаруживали уже написанное исковое заявление или подготовленную речь для выступления в суде.

Что-нибудь вроде этого: "Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее более чем тысячелетнее существование. Печенег терзали ее, половцы, татары, поляки, чеченские экстремисты, налоговые инспекторы, эстрадные певцы. Двенадцать языков обрушились на нее, от поэщика Егора Исаева до уникального оратора Виктора Черномырдина. Взяли Москву, приватизировали. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла от испытаний.

Но теперь, теперь... ефрейтор Ковалев умыкнул старый чайник из столовой. Этого Россия, уж конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно..."

Бывало и такое.

Все это адвокаты Гильдии добродушно относили на свой счет, и действительно, общественность признавала, что наши профессионалы - самые профессиональные профессионалы в своей профессии.

Так говаривала общественность.

Глава 3.

Не видя зиму, соловей не оценит весну.

По-моему, профессия адвоката ближе всего стоит к профессии писателя и оратора. Если мне скажут, что сочинительство и ораторство - не профессии, а призвание, так ведь и адвокатское поприще не всякому дается. За партой не научишься. Казалось бы, чего проще - прочитай закон, да и беги в суд, кричи:

- Меня в газете опорочили, пусть приходят теперь и платят мне триста миллионов долларов за мою поруганную честь, честную совесть и утраченную веру в свободу слова!

Или вот так можно:

- Присутствие в мавзолее вождя мирового пролетариата мешает мне спать по ночам, поэтому я стал инвалидом второй группы и вообще - нервным, за что требую призвать Партию и Правительство к ответу в виде моего пожизненного содержания.

Но есть одна проблемка. То есть сто тридцать девять миллионов с половиной проблемок. Начну по порядку.

Вот представим, что к обычному гражданину пришла беда в лице инспектора отдела кадров с уведомлением о сокращении. Дохнула "Явским" перегаром. Собственно, с одной стороны, на этом все его, обычного человека, проблемы уже закончились. Потому что он уже - обычный, а не вице-президент концерна с личной дачей, машиной, мобильным телефоном и охраной.

С другой стороны, проблемы только начинаются, потому что человек решается защищать свои законные права в суде.

В обычном нашем нечеловеческом суде.

Он Жванецкого не читал, он Задорнова не слушал!

Идет человек к юрисконсульту своего бывшего концерна, а юрисконсульт ему показывает издадала книжку "Хождение по мукам", из рук не выпуская, и говорит, что согласно статье 33 он уволен правильно, а если будет "выступать", то и выходное пособие не получит. Ведь юрисконсульт тоже хочет жить. К тому же у него сегодня сын получил двойку по литературе.

Идет обычный человек к соседке, троюродной сестре студента первого курса юридического института. Созваниваются, рассказывают всю историю, студент берет тайм-аут, консультируется с другом детства из Владивостока путем переписки, в результате чего выясняется, что такое - статья 33.

Студент открывает для себя потрясающую вещь: оказывается на свете есть КЗоТ. Еще две недели уходит на расшифровку аббревиатуры.

Потом обычный человек идет в магазин и покупает Кодекс законов о труде за семь рублей, потому что за пятьдесят - комментированный, то есть такой, что еще более непонятный, - безработному покупать уже накладно.

А дальше обычный гражданин, прочитав в законе про увольнения по инициативе администрации, видит там, в 33-й статье кодекса (даже если и найдет этот кодекс и эту статью), только то, что там написано, и ни на одну букву больше!

Вот тут-то он и несется через весь город в Малый Полударский переулок, потому что в конце КЗоТа опубликована

реклама Гильдии российских адвокатов, так как Гильдия и спонсировала издание этого самого КЗоТа.

Эх, товарищ, друг!

Пять месяцев сидели вы без любимой, отвергнувшей вас, организации! Мыкались по приятелям, у которых для вас теперь лишь - пожимание плечами и короткое охлажденное, как лимонад "Буратино":

- Старик, шас некогда.

А ведь пришли бы вы к адвокату в нашу Гильдию сразу, напрямик, от Курского по Садовому до магазина "Людмила", потом налево, потом направо, и глядишь... к тому юрисконсульту, к вашей соседке и даже в книжный магазин за КЗоТом - ходил бы уже ваш спаситель, хранитель и мститель в одном лице, ваш любимый, ваш ненаглядный адвокат.

А скорее всего, никуда бы он не ходил, потому что позвонить вашему до известной степени ненаглядному президенту и сказать, что сокращать без согласия профсоюзного органа недопустимо - можно и не вставая со стула. Пусть этот ваш президент-бельгиец поищет в своем Австралийско-новозеландском концерне по производству кубиков Рубика - профсоюзный комитет...

Это еще вам повезло, что вы не пошли своим ходом в наш народно-симфонический камерный суд, потому что инвалидность по общему заболеванию гораздо хуже инвалидности по трудовому увечью.

Да вы бы и не пошли туда, уважаемый, потому что вам уже пятьдесят один год и значит, вы наш человек. Человек системный. А наш человек в суд не ходит. Наш человек - чрезвычайно чистоплотная натура, поэтому, когда его унижают, обманывают или бьют, - он умывается.

Наш человек склонен оправдать все: государство, потому что ему кризисно, Президента, потому что ему шатко, ГАИшника, потому что ему холодно, ЖЭК, потому что ему все равно, киллера, потому что ему голодно, террориста, потому что ему обидно, Пиночета, потому что он хороший экономист и потому что Луис Карвалан вот уже где сидит...

Ему, нашему человеку, если и бывает обидно, то только за державу, а на себя конкретно - ему наплевать с высокой колокольни, возведенной Иваном Грозным, похоже, специально для этих целей.

Глава 4.

Каково дерево - таковы и плоды.

Это ведь редкое свойство характера - способность к объективной оценке себя и самооправданию, перерастающее у некоторых людей с возрастом в способность видеть, на чьей стороне справедливость, а также в способность отстаивать правоту постороннего человека в сложных житейских спорах. А проявляется это в человеке с детства. И если вы из таких, то вы, наверное, вспомните, как мама вам говорила:

- Ты еще в коляске лежал, а уже упрямый был, как... тебе соку, а ты выплевываешь, тебе - кашу, а ты на Конвенцию о защите прав ребенка ссылаешься...

Я помню себя.

Когда я знал, что не прав, что виноват, - я мирился с нотациями, нравоучениями, наставлениями и призывами к хорошему поведению, словом, со всем тем, чем может взрослый досадить ребенку.

Ведь каждый из нас с младенчества начинает этот долгий разговор с собственной совестью. Именно она безошибочно указывает, что хорошо и что плохо.

В большинстве случаев человек понимает, когда поступает "не по совести". Хотя со временем некоторые люди начинают понимать и другое: собственной совести можно заговорить зубы. В других людях остается первородная духовность, заложенная самой природой.

Совесть - это голос Б-жий внутри нас. И именно совесть человеческая помогает сохранять институт судебной власти со всеми его составляющими, дабы совесть потерявшие могли ответить перед обществом еще на этой Земле.

Грехопадение омрачило души людей, повредило совесть в них, поэтому она, совесть, не может теперь быть саморегулятором человеческого поведения в сообществе им подобных. Наша духовность не достигает вершин Б-жиих, не помогает соотносить себя с господним кодексом, с Его заветами. Но десять заповедей Б-жиих заложены в основе закона любого государства, да и внутри каждого человека - они передаются с молоком матери.

И если я твердо знал в детстве, что поступил правильно, меня нельзя было сдвинуть с места. Я доказывал свою правоту

или свое мнение до последнего, пока взрослый, не способный поверить в то, что ребенок - существо разумное, не шел смотреть вечерние "Новости".

Однажды отец не выдержал:

- Быть тебе, сынок, адвокатом.

Не секрет, что оратор и адвокат - близнецы-братья. Может потому, что риторика - это наука о способах убеждения аудитории, или потому, что подлинное красноречие - это визитная карточка настоящего адвоката.

Совещания бывают разные. У нас в Гильдии совещания - регулярные и иногда шумные, потому как демократичные. Хотя... я русский язык и риторику люблю не менее всех членов президиума вместе взятых.

- Вот-вот, многотимый коллега, - раздался из-за спины голос Федора Никифоровича Плевако, - осталось только уподобиться харьковскому Обществу взаимного кредита, против которого я выступал в одна тысяча....

- Девятьсот, - помог я.

- Да пожалуй что и восемьсот... каком-то году. Вот было золотое время, когда на скамью подсудимых попадали "прозаседавшиеся", уличенные в халатности и лени.

- В халатности?

- Вот-вот. Лень и сон, и простота - это прекрасные качества, которыми наделяет судьба некоторых своих избранников, - конечно, не проступок, и всякий может в своей личной жизни пользоваться сколько угодно своими дарами: но когда берется за общественный труд и портит его - они делаются преступными. А эти ваши совещания...

- Но, Федор Никифорович, нужно же как-то обмениваться... - возразил я по-горбачевски.

- Ну-с, ну-с. Вот и первый участник по коридору идет, - саркастически усмехнулся Плевако.

Я привык к тому, что они видели сквозь стены. И читали мысли.

Анатолий Федорович Кони благополучно пристроился по левую руку от меня, на углу стола.

- Ваш пресс-секретарь Птицын вышагивает, - подтвердил он, прислушавшись, - что за имя, не слышал ранее. Он не дво-рянин?..

По собственному благоволению Анатолий Федорович у нас обычно ведет протоколы. Дело в том, что вести протоколы наших совещаний архитрудно, как трудно было бы вести протоколы фантазмагорий в стиле пациентов Ганнушкина и водевилей того же Федора Никифоровича.

Я посмотрел на него: широкоскулое желтоватое лицо его уже склонилось над столом, борода, как метелка, бегала по листу бумаги, сюртук потемнел, засалился за последнее время: очевидно, я слишком часто похлопываю его по плечу во время захватывающих бесед, как монарх какой-нибудь - по своей золоченой державе, символу власти.

Правда, моя власть - как переходящее знамя - выборная, и да простятся мне перечисления моих качеств.

Совещание началось, как и все последние три года, с обсуждения проекта "нового" закона об адвокатуре. Дума что-то задумала. Да что она может задумать: упразднить множественность коллегий адвокатов и получить в результате страну, где адвокаты подают сразу десять тысяч исков на неконституционность такого решения?..

Вначале выступил я. Затем Валерий Яковлевич Залманов, потом Владимир Сергеевич Игонин, последним, опираясь тяжелой тростью об пол, - Михаил Павлович Вышинский... Остальные слушали и кивали.

- Закон об адвокатуре крайне необходим, потому что деятельность адвокатов по защите прав, свобод и законных интересов граждан ограничена и сдерживается рамками во многом устаревшего Положения об адвокатуре. Вы понимаете?

- Понимаем, - отвечали мне бескрайние московские горизонты в лице всех тех моих сподвижников, кто соглашается со мною всегда и по совести, и по единомыслию.

- Как можно отстоять интересы клиента, оказать гражданину, юридическому лицу квалифицированную помощь, если сам адвокат бесправен, кто-нибудь мне объяснит?

- Объяснит, - протяжно свистел ветер за окном.

- Во время исполнения профессиональных обязанностей, в следственном изоляторе, адвокатов подвергают личному допросу, могут не допустить до встречи с подзащитным, арестовать, допросить, это же не только вчерашний день, а сплошные безобразия!

- Азия, Азия, - эхом дразнили нас Анатолий Федорович и Федор Никифорович.

- Но наша Гильдия пошла другим путем. Сограждане должны получать нашу помощь еще до наступления критической ситуации, вы согласны?

- А то! - озабоченно скандировал хоровод присутствующих председателей коллегий адвокатов и первых вице-президентов, заместителей, советников и других начальников, сидящих тут же.

Над их головами, празднично шелестя и согревая душу, висели десятки грамот еще с советско-ленинской символикой и дипломы о победах в конкурсах правоведов, удостоверения о вручении почетных наград и приветствий Президента России, Правительства России, других должностных лиц и организаций...

Российский флаг то и дело вспархивал от сквозняка за спиной Кони, я даже испугался, не схватит ли старика радикулит, но вовремя вспомнил, что он уже давно не болеет.

- Это вы на конференции будете читать? - спросил меня помощник пресс-секретаря Саша Поляков.

- Наверное, - растерялся я, - вы же мне это все вместе с Птицыным написали, вот здесь и приписка: "К Международной конференции, посвященной проблемам правовой защиты субъектов предпринимательской деятельности в новых экономических условиях".

- А не надо ли отобразить наш опыт защиты доверителей в условиях кризиса банковской системы? - уточнила Ольга Ивановна Юдина.

- Вы, дорогой друг, не знаете? - учтиво спросил я. - Мы уже отобрали работу у американской, французской, израильской и американской Фемиды.

- Американскую два раза назвали.

- У них там две Фемиды, южная и северная, - парировал я.

- Две Фемиды, - машинально записал Анатолий Федорович.

В это время дверь в кабинет распахнулась и на пороге появилась старушка-одуванчик, которую, если помните, в начале рабочего дня я послал на прием в двести пятую комнату.

- Милок, - сказала она с порога, совершенно не смущаясь, огромному скоплению кого! - Юристов, - да-к, ты, поди, лучше объяснишь, душевнее, почему мне пенсию-то в этом месяце на двадцать рублей меньше принесли? А, милоч?

Она приближалась ко мне боком осторожными шажками, как к рыцарю в тигровой шкуре, на всякий случай оставив распахнутой дверь. Я потерянно ждал спасительного появления в дверях хотя бы одной из четырех моих секретарш, но проем зиял космическим ярким светом, как будто солнце подошло к кабинету вплотную.

- Началось, - шепнул Плевако мне в затылок.

- Валерий Яковлевич, я вас прошу, займитесь человеком, вот женщиной, - поправился я. - Разберитесь, помогите.

Валерий Яковлевич полез было в карман, и я испугался, что он сейчас вынет портмоне, но он достал большой носовой платок.

- Все страну спасаем, в Верховные суды ходим, в телевизоре свои лица демонстрируем, а простую труженицу от производства оградить - это вам что, мелкогато?! Разучились?! - обиделся я.

Бабушка оглядела кандидатуру Валерия Яковлевича.

- А он может Лужкову позвонить?

Позвонил телефон, и я услышал в трубке голосок Кати - секретаря:

- Гасан Борисович, по первой линии - ваша дочь, по второй - Минюст, по третьей - проректор Академии адвокатуры, по четвертой - из ООН, по пятой...

- Ты где была, почему не следишь за порядком?

- Со всеми сразу поговорите или по очереди?

Обожаю этих... секретарш!

- А где Лена сегодня?

- Там же, где и вчера, - в поликлинике, - ответила Катя.

- Пусть зайдет, как только вернется, - сказал я как раз в тот момент, когда все совещание обсуждало версии неожиданного уменьшения пенсии благочестивой бабушки-одуванчика Варвары Михайловны... Похоже, мои коллеги умеют ладить с народом.

- Продолжаем, коллеги, - какие у нас нерешенные дела на повестке, что нового?

Ольга Ивановна Юдина, начальник всего того, что делается в цивилистике и арбитраже, повернулась ко мне и произнесла:

- У меня интересное дело: трехсторонний спор между Госкомимуществом, Госинкором и Минрадиопромом. Наши клиенты...

- Петров, Госинкор - Государственная инвестиционная компания, - подхватил я, хорошо знавший бывшего руководителя Администрации Ельцина, - помочь надо Юрию Владимировичу.

- Поможем, - заверила Ольга Ивановна. - Здание на Тургеневской площади того стоит.

Госкомимущество не имело права вносить это здание в уставной фонд приватизируемого ХОЗУ Минрадиопрома, - это федеральная собственность, не включенная правительством в план приватизации, да еще потом его же, это же самое здание сдавать тому же акционировавшемуся ХОЗУ в аренду на сорок пять лет. А Петрова оттуда теперь это ХОЗУ выгоняет. Прямо Мосяка какая-то, а не ХОЗУ. Исковые документы уже в Высшем Арбитражном суде.

- В каком составе дело? Кто председатель состава? Надо контролировать движение дела.

- Это звучит двусмысленно, - заметил Анатолий Федорович Кони, оторвавшись от протокола, и тут же ретировался: продолжил рисовать чертиков.

- Знаю, знаю, - покосился на него я. - А при вас не было телефонного права?

- При нас не было телефонов, - вмешался Плевако из своей картины. - А телефонное право было всегда, даже в древнем Египте!

- Но мы желали бы предложить вам, - блаженно провозгласил Анатолий Федорович Кони, - честное пособие нашего опыта, дать вам в руки ясный светильник, с которым бы вы вместе с нами обошли все дебри следственного производства и вышли бы из него путем правды...

- Батенька, это же плагиат! - вскричал возмущенный Плевако. - Это же цитата из речи Андреевского в защиту Мироновича на суде в одна тысяча...

И тут в кабинет ворвалась Лена, моя вторая секретарша. Я посмотрел на нее внимательно и долго еще смотрел, потому что понял, что я не видел ее уже очень давно, как-то, видимо, не попадалась мне на глаза. Что-то она очень изменилась за последнее время. Покрупнела.

- Вызывали?

- Вы ко мне?

Всех обуюло раздумье, зачем же, собственно, я ее вызывал и зачем она тут стоит.

- Потом, наверное, - пожал я плечами в нерешительности. - Нет, я помню, давайте переговорим позже.

- Я вам очень благодарна, Гасан Борисович, - загадочно прошептала Лена и удалилась из кабинета.

А Плевако голосом дьячка, он был артистичен, запричитал свою излюбленную речь по делу Прасковьи Качки:

- Семя жизни ея было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву. Каким-то чудом оно дало - и зачем дало? - росток, но к этому ростку не было приложено забот и любви: его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые вьюги и беспорядочные смены стихий...

- Ну, полно вам, Федор Никифорович, - призвал Кони. - Они же еще ничего не знают...

А все-таки есть у меня подозрение, что если адвокат уйдет в монастырь и станет продвигаться по церковной карьерной лестнице, это будет наилучший проповедник из всех возможных. Если, конечно, адвокат хороший...

Я вновь обернулся к аудитории, даже встал. Что бы мне еще с ними обсудить? Может быть, Библию? Как хочется, чтобы в твоей епархии все было отлажено, как в швейцарских часах.

- Вы понимаете, - обратился я к той части аудитории, которую составляли руководители коллегий, - что сообщество адвокатов должно быть профессиональным и единым. Наша задача - стать монолитной частью правовой системы, а не обществом по интересам. Мы не можем допустить, чтобы в наших Уставах значилось - "общественная организация".

Во имя высоких стандартов адвокатской деятельности. Во имя жесточайшего отбора профессионалов. Объясню почему. В Законе написано, что в общественную организацию объединяются лица независимо от их профессионализма, опыта, принадлежности к государству или службы в различных организациях и учреждениях. Член коллегии адвокатов ограничен по всем этим пунктам...

- Помедленнее, пожалуйста, - попросил пресс-секретарь Птицын. У него "сели" батарейки в диктофоне и приходилось записывать за мной карандашом.

Тут дверь снова распахнулась и в кабинет осторожно заглянул Петр Степанович - заместитель управляющего делами - по совместительству руководитель всего того, что мы не любим делать сами: лампочку вывинтить, гвоздь прибить, зеркало перевесить.

Степаныч был невысок ростом, всегда подтянутый, что выдавало его офицерскую закалку. Еще пару лет назад он носил полковничьи погоны. На вид ему было лет пятьдесят, хотя он мог казаться моложе. Он почти шепотом спросил:

- Гасан Борисыч, снег-то кто пойдет с крыши валить?

Я как-то застыл в полете собственной мысли о становлении российской адвокатуры и открыл рот. Степаныч обводил взглядом потолок, пружиня бедром и покручивая на указательном пальце свою шапку-менингитку.

- Я говорю, скалывать сосульки надо, - снова выдал он, остановив взгляд на портрете Плевако.

Я, наконец, прокашлялся и осторожно посмотрел на высокое собрание. Оно глубокомысленно потупилось, очевидно, полагая, что я сейчас начну вызывать добровольцев.

- Сосульки? - переспросил я.

- Гасан Борисыч, нам же на голову упадет, пробьет наскрозь, ей Б-гу.

Я вдруг вспомнил про бабушку с пенсионными проблемами и чрезвычайно разволновался. Но вновь оглянувшись на присутствующих, увидел ее, мирно внимающую нашим внутриклановым разборкам с видом Начальника Контрольно-ревизионного управления при Великой инквизиции.

Как-то отлегло от сердца.

- Леонид Федорович, я почему должен этими вопросами заниматься, э?! - когда я волнуюсь, во мне начинает бушевать кровь и ее бакинские лейкоциты и тромбоциты поднимаются со дна, и тогда легкий акцент помогает мне красочнее выразить мои мысли.

- Так, господа! - Федор Никифорович почесал затылок, обрамленный густой вьющейся шевелюрой музыканта. - Страстности было много в этом деле. Но где - увлечения, - там истина скрыта. Прочь эти фразы! Не верьте легкомысленным приговора толпы.

- Стоп, стоп, остановитесь, коллега, вас заносит. - Кони дернул Плевако за рукав.

- А вот, Гасан Борисович, когда у вас слушание по делу Бондаренко? - отвлек меня мой старинный друг и однокашник по Университету, а теперь "куратор" по уголовным делам Анатолий Иванович Хорошев, присутствовавший на совещании.

- Завтра, в одиннадцать.

Генерал-майора Бондаренко, начальника краевого управления налоговой полиции Владивостока, арестовали сотрудники прокуратуры и ФСБ и привезли в Москву, в Лефортовскую тюрьму месяц назад. Шел уже второй месяц его пребывания под стражей. Обвинение в злоупотреблении служебным положением легко рассыпалось при первом же изучении материалов дела.

- А вот, Гасан Борисович, у меня тут подготовлен окончательный вариант проекта ходатайства, можно я оставлю его в вашей почте? - спросил великий и неповторимый адвокат - Михаил Розенталь.

- В Лефортовском суде, завтра, в одиннадцать, - заключил я. - Думаю, что с учетом фактических обстоятельств дела и данных о личности Бондаренко уже есть достаточные основания добиваться признания его ареста незаконным.

Розенталь не успел ответить, потому что в этот миг вбежала в комнату руководитель секретариата Нина Алексеевна.

О, это было красиво!

Она остановилась на авансцене, скрестила шиколотки и сложила кисти рук внизу живота. Голову она немного наклонила и повернула влево. В руках она держала огромную папку с бумагами. Она подошла ближе и положила всю эту пачку должностных инструкций, приказов и положений прямо передо мной.

- Гасан Борисович! - обиженно позвала она меня, находясь прямо передо мной же.

- Я вас слушаю, Нина Алексеевна.

- Ну, Гасан Борисович! - снова позвала она, и я переспросил обеспокоенно:

- Чем обязан?

- Гасан Борисович, - раздался из коммутатора голос Виты. - Вам звонят из аппарата Президента по АТС-2.

Все кругом смолкло и я поговорил с правовым управлением Президента России. Я благодарил Б-га и аппарат Президента за предоставленную мне передышку и столь милую моему сердцу тишину. Иван Анатольевич Близнец советовался, в каком ключе должна быть его речь на предстоящей конференции: так я вспомнил, на чем остановился перед приходом Степаныча.

- А вы, уважаемый Иван Анатольевич, затроньте опасную тенденцию, наметившуюся в адвокатской среде: а именно, о

недавнем выступлении в печати одного из мэтров адвокатуры, пытавшегося доказать, что коллегии адвокатов это не профессиональные объединения лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, содействующие реализации конституционных прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи, а одна из видов общественных организаций, более того, он предлагает вообще распустить коллегии адвокатов...

- Очень хорошо! - ухватился Ваня и отключился.

Положив трубку, я услышал голосок бабули - божьего одуванчика:

- Милок, чего ж ты про меня-то у Президента не спросил?

И я посетовал на свою рассеянность:

- Действительно. Вылетело из головы.

Тут заглянул шеф-повар нашей столовой и спросил, что лучше сегодня: долма или лобио?

- Долма, - ответил я.

- Я как раз загадал: скажете "долма", беру отпуск, еду в Баку.

И исчез так же стремительно.

Когда мимоходом вошел стажер отдела арбитражных споров и спросил, как бы невзначай: "Гасан Борисович, госпошлину по делу Госинкора будем платить или писать ходатайство об отсутствии денег на счете?" - я пошатываясь встал, распахнул окно и... "выбросился".

- По делам о признании актов государственных органов госпошлина - рубль, - вздохнул я, мысленно приземляясь в сугроб, - уйди с глаз моих.

А потом еще пришел сантехник с ржавой трубой и просил посмотреть на нее и удостовериться, что пора менять...

... И ведь я сам виноват. Я стал заложником своего неумения отказать кому бы то ни было в помощи.

Секретарь принесла таблетки и стакан воды. Диабет, ваше превосходительство... Увы.

Совещание я завершил и, о чудо, - решил на нем почти все запланированные вопросы. Даже Нина Алексеевна, подписав у меня "кучу" бумаг, ушла удовлетворенной.

А тут в кабинет, ссылаясь на назначенное время, вошли телевизионщики во главе с ведущей телепередачи "Домашний адвокат" Ириной Козловой, которая каждую среду утром на

первом канале ОРТ ненавязчиво сообщает, что передача подготовлена при содействии Гильдии российских адвокатов.

Во время записи в кабинет дважды пытались войти бухгалтер и Петр Степанович, который хотел отрапортовать о том, что сосульки с крыши, наконец, сброшены. А еще он порывался установить у меня в кабинете воздухоочиститель "Borgia".

Имя прибора мне показалось претенциозным, и я отказался.

Глава 5.

Не увидев плохое - не оценишь хорошее.

Мой переезд с семьей в Москву был почти стихийным. Мы толком не знали, где мы остановимся, как будем устраиваться.

Моя дочь, Гуля - внучка железнодорожника, боялась вокзалов. Она дрожала и шарахалась от любого движущегося предмета, как котенок. Она никак не соглашалась перепрыгнуть из тамбура на перрон, пришлось мне протянуть руки и перенести ее. Я запомнил ее огромные испуганные глаза над моим лицом.

- Ну, все, приехали, - успокоил я, опуская ее на наши чемоданы и узлы. - Сторожи.

- Не уходи, - взмолилась она.

Было пасмурное утро тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Шел мелкий дождь, холод пробирал до костей, мы не были готовы к такой встрече.

Да и встречи никакой не было. Я обогнул арку и вошел в здание вокзала. Кругом ремонт, строительные леса стояли посреди кассового зала. Я отыскал окошко с надписью "Справка". Чуть ли не бронированное стекло с тремя маленькими дырочками отделяло меня от понурой нечесаной работницы.

- Девушка, скажите, какие гостиницы есть поблизости. Недорогие.

- Я вам не справочное бюро! - раздалось в ответ.

Я удостоверился, снова прочитав надпись.

- А кто же?

- Даем справки только о рейсах. Звоните о гостиницах по ноль девять.

Еще час я искал автомат, купив парочку телефонных жетонов. Оказалось, что ни один автомат не работает. Мне пришлось вернуться за своими. Жена укоряюще посмотрела:

- Детей угробишь.

- Пойдемте в помещение, там есть кресла.

Мы переместили вещи и детей в зал ожидания. Правда, все сиденья были заняты, и казалось, что люди здесь - живут. Живут давно и еще долго будут жить на этих красных и желтых трамвайных пластиковых креслицах, загнутых по бокам так, чтобы невозможно было на них спать, вытянувшись вдоль.

Я пошел снова к окошку "Справка".

- Извините, - склоняясь к дырочкам, проговорил я, - а вы не посоветуете гостиницу, мы с детьми переезжаем, нам бы где-то пока остановиться...

- Сначала думать надо, а потом детей тащить. Теперь ходят, на детях спекулируют, и все в Москву прут.

Я ничего не мог произнести в ответ.

Неожиданно почувствовал на своей спине чью-то теплую ладонь. Хоть и в пальто был драповом, а тепло почувствовал. Обернувшись, я увидел пожилую, но еще не похожую на старушку, женщину. Она была крупной, высокой, худой.

- Сынок, ты с семьей?

Я указал на своих:

- Мы из Баку.

- Надолго?

Я пожал плечами:

- На работу.

- По строительной части? Или торговля? - насторожилась она.

- Я юрист, меня пригласили работать в Москве, но с квартирой пока вопрос не решен.

Почему-то я рассказывал ей о себе с такой легкостью, словно за тем и приехал в Москву - с ней поговорить. Прямо жажда какая-то проснулась: выложить все о себе этой москвичке.

- Юрист! А сможешь в Москве-то?

Она наклонила голову и улыбнулась. Ее мохеровая, пушистая шапка осветилась сиреневым цветом. В стеклянные стены зала проник крохотный, жалкий лучик солнца. Начиналась новая жизнь.

Мария Ермолаевна подошла со мной к жене, наклонилась то ли к ней, то ли к детям и спросила:

- Не хотите ли у меня остановиться? - и тут же добавила смущенно. - Плату небольшую возьму, плюс коммунальные.

Жена с надеждой посмотрела на нашу новую, Б-гом посланную, знакомую. Сговорились быстро. Жила Мария Ермолаевна на улице Менжинского, в небольшой квартире. И, кажется, мы с ней с первого взгляда привязались друг к другу так сильно, словно было в нас что-то родственное.

А плата...

Да не стала она брать с нас платы. Но за доброту ее, за материнскую заботу о моей семье считаю себя ее вечным должником, и долг этот стараюсь отдавать этой щедрой духом русской женщине.

Шесть месяцев мы жили у нее. Потом мне дали квартиру.

Глава 6.

Так началась моя жизнь в Москве.

В 1986 году заведующая отделом Президиума Верховного Совета СССР Людмила Алексеевна Стешенко, с которой я работал на сессии Верховного Совета Азербайджана, пригласила меня приехать с семьей в Москву и предложила занять пост заместителя начальника отдела законопроектов.

До этого я лишь несколько раз в восемьдесят пятом году приезжал в Москву для ведения дел в Московском городском суде. Возглавляемая мной в Баку юридическая консультация, одна из крупнейших в Закавказье, уже заняла первое место в стране, я был депутатом и избирался от Шаумяновского райсовета несколько раз вплоть до переезда в Москву. Но я был все тем же человеком, добивавшимся всего своими силами.

Самую большую гордость я испытывал от того, что адвоката призвали на высокую должность, тем самым признав значимость этой юридической профессии. Ведь до сих пор у некоторых судей и следователей в кабинетах, в сейфах с уголовными или гражданскими делами красуются надписи-откровения, вырезанные из ленинских собраний сочинений: "Ад-

воката надо брать ежовыми рукавицами, ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничают".

Холеный седовласый Виктор Васильевич Найденов, заместитель генерального прокурора, возглавлявший следствие по делу "цеховиков" в семидесятых, шел мне навстречу по длинному коридору высотки на Калининском проспекте. Мы остановились и ностальгически поприветствовали друг друга. Он выглядел веселым и оживленным, довольным жизнью человеком, вовсе забывшим о политических казнях невинных людей. Не знал, что судьбой отпущены ему всего - дни.

- Что вы делаете в Москве? - поинтересовался он. - Как жизнь ваша сложилась?

- Меня пригласили на работу в Президиум Верховного Совета, вот хожу оформляю допуски, провожу консультации... и все еще думаю...

- Что ж, я считаю ваш перевод в Москву необходимым. Но вы отдаете себе отчет в том, что ваша адвокатская карьера на этом может закончиться?

Я пожал плечами.

- Нельзя наступать на горло собственной песне. Вы человек для Москвы необходимый, и вам Москва нужна, но не надо бросать практику.

Я стал как вкопанный, меня вдруг обожгла мысль - и впрямь: как я смогу без адвокатуры?

- Вы адвокат от Б-га, - заявил мне Найденов и опустил глаза. - Скольким людям вы еще можете помочь! Сейчас реформа арбитража идет полным ходом. Там такие люди нужны. Я поговорю с Главным Арбитром РСФСР Сапожниковым, вам лучше идти в арбитраж, чем в чиновники. Потеряетесь. А в арбитраже хорошая команда подбирается. Подумайте...

Сердце мое дрогнуло. Ну как я мог позариться на чиновничье место. Разве выжил бы я без своей профессии, без общения с людьми и живого дела?

Сессия Московского городского совета народных депутатов утвердила мою кандидатуру на должность государственного арбитра Москвы.

Инструктор горкома партии, пригласивший меня на собеседование перед тем, как мою кандидатуру вынесли на рассмотрение пленума горкома, переглянулся со своим коллегой, за-

нимавшим соседний стол. Тот снисходительно улыбнулся. Как потом оказалось, они долго не могли начать разговор, думали, что я плохо понимаю русский язык. Тот самый инструктор, который теперь работает в нашей Гильдии адвокатов, заведует юридической консультацией "Партнер". Он ушел в адвокатуру сразу после того, как ликвидировали горкомы, обкомы и прочие - комы.

- Вы ведь из Азербайджана, - улыбнулся он многозначительно. - Вы представитель татской национальности, как Гавриил Илизаров?

- Да... Во мне, впрочем, много кровей.

- Вы так хорошо говорите по-русски... - удивился инструктор.

Через две недели Пленум горкома партии рассмотрел мою кандидатуру. Это было в мае восемьдесят седьмого года, незадолго до этого. Первым секретарем Московского горкома партии был избран Борис Николаевич Ельцин. Розовощекий, веселый и резкий, он был во главе президиума.

Я вышел на трибуну, как выходит на трибуну человек, только что впервые прибывший на эту планету. Зал шумел, освещение уже давно давило на глаза, все рябило, гудело в ушах. Осмотрев зал, зацепив горячим взглядом несколько пар глаз и сделав паузу для установления полной тишины, по законам той самой риторики, я почувствовал, что овладел аудиторией.

Не дожидаясь вопросов, тихим голосом я рассказал свою биографию в трех фразах, почему-то отчетливо осознавая всю формальность происходящего. Но я волновался. Я не привык проигрывать и не представлял, как стал бы возвращаться в Баку.

Но главное, чем подогревался мой азарт и мое волнение, это идея создания новой, по своему профилю, адвокатской организации - коллегии по правовой помощи предприятиям... она возникла вначале в виде смутных очертаний в ту одну бессонную ночь перед Пленумом. Ночь, которую я провел в гостиничном номере, глядя на Большой театр.

Зал слушал внимательно. Я перешел к своим трудовым достижениям, к депутатской работе...

- Ну, ладно, ладно, - остановил меня Ельцин. - Нам плохого не предложат. Чревато, понимаешь. Ты мне вот что, понима-

ешь ли, скажи, товарищ Мирзоев; вот предположим, партия тебе скажет, надо то-то и то-то, ты как?

Я долго, пока не взмок, проникал в глубинный смысл Ельцинского вопроса, наконец, до меня дошло, что он имел в виду мою будущую судейскую гибкость.

- Я член партии, - сказал я, - но для меня закон - превыше всего.

В зале установилась гробовая тишина, в которой особым каким-то металлическим скрипом раздался голос Ельцина:

- Идите, работайте...

Вскоре прошла сессия Моссовета, которая списком утвердила кандидатуры тридцати трех государственных арбитров города Москвы. И мою - в том числе.

Началась моя работа в Москве. Моя семья: жена и двое детей - была со мной. Но видется мы стали реже, чем тогда, когда я возглавлял в Баку юридическую консультацию и представлял интересы огромного района в качестве депутата.

Время, волна которого переместила меня в пространстве, диктовало свои условия для дальнейшего развития страны. Я окунулся в арбитражную практику и понял, что для реформы судебной системы необходимо менять систему арбитражного рассмотрения дел.

Тогда не было понятия Арбитражный суд. Был Государственный арбитраж. Но дело не только в названии. Многочисленные ведомственные арбитражи по рассмотрению споров в отдельных отраслях промышленности из-за своей ведомственной принадлежности не могли воссоздать объективную картину дела. Стало быть, к этой системе были не применимы и принципы судопроизводства, и принципы права вообще.

Конференции и семинары шли один за другим. Юристы ставили вопрос о создании и принятии Арбитражно-процессуального кодекса, но прежде всего о создании новой системы независимого Арбитражного суда страны.

- Арбитры должны иметь статус судей. Посмотрите, идет поток организаций, которые даже не по спорным вопросам обращаются в Арбитраж, а просто за советом. Они не знают, куда им еще пойти, им некуда пойти, потому что юридические консультации в Москве не могут оказать им квалифицированную

помощь. У них нет в этом практического опыта и таких знаний, - убеждал я своих коллег.

- Но арбитраж не правомочен давать рекомендации по применению права, это запрещено, - возражали мне.

- Так об этом я и говорю. Нужно организовать при Госарбитраже структуру, которая бы имела право давать консультации руководителям предприятий и организаций.

- Слушайте, Гасан Борисович, - удивленно спрашивали меня, - как можно при Арбитраже создать какую-то организацию?

- Нужно идти в комиссию по правовой реформе ЦК КПСС, - советовала мне Главный государственный арбитр города Алла Константиновна Большова. С первого дня моей работы в качестве государственного арбитра Москвы она была предупредительна, добра и великодушна ко мне и к неизбежным ошибкам.

- Нужно решение горкома, - сказала она.

Так исторически сложилось, что на острие решения адвокатских проблем оказался человек, еще десять лет назад мало кому известный в Москве, не говоря о России. Он и принял на себя удар вольных или невольных противников перемен, выстоял, заставил себя уважать. И доказал, что в его борьбе не было места личной корысти или амбициям, - писал журналист Игорь Маймистов.

Позже в Госарбитраже Москвы было образовано подразделение в составе трех государственных арбитров: Аллы Видякиной, Елизаветы Брагиной и меня. Такое решение принял Мосгорисполком. Был сделан первый шаг по пути к созданию Мосюрцентра.

Глава 7.

Трудись - в юности, отдыхай в старости.

С марта 1989-го Московский государственный юридический центр правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений функционировал четыре года при Госарбитраже. Затем вышел из-под государственного контроля, потому что находясь в структуре государства невозможно выступать его оппонентом, защищая предприятия и граждан.

Необъективность защиты была заложена уже в самом названии: Государственный юридический центр. Указывающем на его подчиненность государству.

Московский юридический центр стал первой нетрадиционной организацией по правовой помощи предприятиям... Не подчиненной государству.

В восемьдесят девятом году удалось получить в аренду два этажа полуразрушенного здания школы, а затем и все здание. Расположенное в узеньком переулочке, на склоне высокого холма, застроенного с одной стороны широкими многоэтажками, с другой старыми ветхими домиками, это здание долгие годы использовалось под школу, пока его ветхость не стала хронической и опасной для жизни детей. Вот тогда и поселились в нем адвокаты. Ведь они - люди закаленные - выстоят.

Здание взялось играть со мной в игру под названием "бесконечный ремонт".

... Я вошел на второй этаж с робкой надеждой на то, что одного-то человека перекрытия выдержат, и пошел по длинному коридору. Эхом отдались мои шаги, показалось, что кто-то пробежал в конце коридора, шмыгнул на лестницу. Если в доме есть эхо, значит, он еще не умер.

Запустенье и разруха, шаткие перила, выбитые подоконники, обвислые, как уши спаниеля, форточки на окнах, гнилой паркет, черные уборные, затопленный подвал, трещины в несущих стенах и осыпающаяся при каждом моем вздохе штукатурка, - все это так вдохновило меня на ратный труд, я созвал сюда своих единомышленников, включая бабу Маню и жену, и устроил субботник. Мы разгребли мусор, очистили двор. На следующей неделе строители приступили к ремонту здания, укреплению фундамента, замене перекрытий и сантехники и т. д.

Запах остался. Тяжелый запах ветхости. А в перспективе обозначился бесконечный ремонт. Это стало очевидным уже при первой попытке вселения в наш дом.

Соблюдая традиции, я на радостях размахнулся бутылкой шампанского и бросил ее в стену здания. Неожиданно стена подалась и упала назад. В окнах, лежащих на земле, отразилось голубое небо.

- Я говорил, "чекушку" надо было покупать, - с досадой процедил прораб строительной организации Сергей Тимофеевич Волков и велел строителям восстановить недоделки к вечеру.

Вот так мы и поселились в нашем "гнезде", то и дело "падающем с ветки на дорогу".

На столе в моем служебном кабинете под стеклом лежат фотографии моих близких. Некоторым это может показаться слишком сентиментальным. А мне нравится, что под моими руками, словно птенцы под крыльями горной птицы, собрались мои детки, женщины, даровавшие мне жизнь и любовь.

- Это есть ваша мама? - спрашивает меня блондинка Пери, американская адвокатесса, глава фирмы, и удивленно сверяет лицо на фотокарточке с моим.

- Нет, вот мама, а это моя московская мама, Мария Ермолаевна, духовница, I mean it.

- Что есть духовница?

- Вроде крестной, наверное. Mother in God. Эта женщина приютила меня и мою семью на долгие шесть месяцев, когда я вставал здесь на ноги. Всякое было. И без денег сидели, и жена не могла работу найти, и детей в школу не брали, и даже поликлиника не бралась нас обслуживать. Но мало-помалу пробились. И всегда Мария Ермолаевна дает добрый совет и благословение. Верила в меня. Может, так жена не верила, как она. Ее вера и помогла мне выстоять. Научила бескорыстно служить людям. Сейчас я к ней, как к матери... Understand? Или не очень. У вас так бывает в штатах?

- Гасан Борисович, умоляю, не говорите больше по телевизору о бесплатной помощи!

С этими словами в мой кабинет влетел мой помощник Свиридов.

- Что мне с народом делать? Они же думают, если бесплатно, то можно прийти и жаловаться на судьбу, на детей, на правительство - часами.

- Тише, разбудишь человека!

Было уже около шести, день близился к завершению, но только не у меня.

Пери Афтаб уже знала это.

За неделю своего знакомства с Мосюрцентром она успела понять только одно: рабочий день российского адвоката делится на части: первая часть - двадцать четыре часа адвокатской практики, вторая часть - двадцать четыре часа общественной

деятельности, третья часть - двадцать четыре часа организационные вопросы.

И все это в один календарный день, одновременно то есть. Из чего она заключила, что, у российского адвоката на одно полушарие больше, чем у обычного человека.

Она лежала на кожаном диванчике, стоявшем в моем кабинете, и делала вид, что, несмотря на равномерное сопение, не спит, а впитывает опыт российской демократии.

Правильно, нашей демократии обучаться можно только во сне. Так лучше запоминается.

Сравнимы ли российские и западные адвокаты? Этот вопрос мы стали задавать себе сразу после того, как было разрешено слово "Америка" произносить не полупшепотом. Уровень определяется не только талантом, но и степенью развития общества. Например, в Англии - уровень развития адвокатуры несравнимо выше, чем в России. Почему? Во-первых, веками сложившаяся правовая система, где до сих пор действует древний Биль о неприкосновенности граждан, во-вторых, действует Генеральный Совет Адвокатуры Британии.

Единый Совет. У нас же, как только стали рождаться новые независимые коллегии адвокатов - их, как и все новое, приняли в штыки старые коллегии. Какой уж тут Единый Совет. Несмотря на это, объединить в Гильдию удалось не много не мало полсотни коллегий. Сколько за ними стоит прекрасных профессионалов!

Система защиты в Великобритании фактически разделена на досудебную и судебную. То есть на ведении дела в процессе досудебного расследования специализируются отдельные адвокаты. Почему? Да потому что у них на этом этапе столько прав по защите подсудимого, что нам и не снилось. Один адвокат там представляет интересы человека до суда, другой в суде. У нас же все адвокаты разобщены, и каждый пытается выжить в этой системе. Теперь вы меня спросите, за каким таким опытом приехала к нам американская леди, весьма уважаемая мной и американской общественностью?

Не знаю, может быть за опытом борьбы с системой. Ведь несмотря на то, что российский адвокат не имеет права представлять доказательства в суде, а может лишь рассказывать об обстоятельствах дела, он еще и умудряется выигрывать дела.

Десятилетиями к Российской адвокатуре относились, как к структуре, мешающей отправлению правосудия. Что это было за правосудие, мы знаем. Это было не правосудие, то есть не разбирательство по поводу конкретного вопроса о субъективном праве, а разбирательство беспредметное, без всяких там составляющих, с заранее заготовленным приговором. Вот и выходит - судилище, а не правосудие!

Профессионализм адвоката не только не поддерживался раньше наличием альтернативы, конкуренции, но и не стимулировался государством. Ведь адвокаты нужны были для галочки. На случай, если мировое сообщество начнет разглагольствование о правах человека и гуманизме, о политзаключенных и репрессиях на инакомыслие.

Но в России есть и всегда были чудо-Правозащитники, Плевако, Александров, Ария, Спасович, Падва, Каллистратова, Лемперт, Золотухин... Они проявили бы свой талант в любом обществе, при любом строе.

Я вспомнил, что накануне объявил по телевидению, что в Мосюрцентре организована консультация по оказанию бесплатной помощи малоимущим гражданам. Оплата труда адвокатов производится из фонда, специально сформированного для этих целей.

И вот сегодня все, кто смотрел передачу, пришли в наш Мосюрцентр, отчего пришлось выделить по четыре человека на каждом этаже из числа адвокатов, чтобы те держали стены в вертикальном положении.

Нечаянно вошел степенный господин и мой помощник Вадик Прохоров, представитель нашей Гильдии в федеральных органах государственной власти. Он держал в руках мобильный телефон или что-то, что было похоже на мобильный телефон, может быть пульт от телевизора из моей приемной, но так, как держат голову гадюки, только что не придушил его. Он говорил медленно. И я понимал, что его солидность от крайней, безудержной юности. Надеюсь, он когда-нибудь станет видным политическим деятелем.

С порога он стал конфиденциально докладывать то, что мои секретари и помощники полчаса назад видели по телевизору...

Я сделал ему знак рукой, он замолчал, понял, что у меня есть более важное дело: выпроводить посетительницу, эту, в об-

шем-то веселую старушку из кабинета, а потом доставить ее домой в целости и невредимости.

- Пери, пойдемте пить кофе, - предложил я, когда старушку по моей просьбе увезли домой, - у нас свой ресторан. Работает он от Управления делами Президента. Кормим всех сотрудников и гостей. Сотрудники обедают бесплатно.

Пери подняла брови:

- What?

Я сначала не нашел, что ответить. Пришлось почесать затылок.

- Ну, ведь часть служащих лишь обеспечивает работу адвокатов, обслуживает, так сказать. Получают эти работники мало.

- Это я понимаю, наши адвокаты тоже отчисляют часть своих денег на обслуживающий персонал, - сказала Пери Афтаб. - Но у персонала, как это, дорога такая. Они не стремятся выбиться, организовать свое дело, стать адвокатами, или они только на начальном этапе.

Мы были в зале одни, все штатники и внештатники давно разбежались по домам. Вскоре пришел Карен Нерсисянц - адвокат Пен-центра, у него допоздна шло судебное заседание, и он заехал в Мосюрцентр поужинать со своими стажерами.

Шеф-повар, Керимов Гасан Абасович, в миру - Саша, наклонился надо мной в ожидании. Я бы не стал смотреть меню, если бы меня не привлекла новая обложка. Я открыл папку и прочитал:

- Комплексный обед "Перестройка": салат яичный "Ускорение", яблоки моченые "Гласность", на первое - суп-харчо "Конверсия", на второе - "Синяя птица". Кофе - по-гильдийски.

- Саша, что это? - с ужасом спросил я. - Как это по-гильдийски? С портретами членов президиума?

- Это значит: большая чашка, - улыбнулся Саша...

Пери поняла все это по-своему и вообще, кажется, поняла, почему обеды - бесплатные.

- Сколько из ста людей вы выигрываете, а сколько проигрываете? - немного с акцентом спросила она.

- Это не показатель профессионализма, уважаемая Пери. Чтобы уважать себя, адвокату нужно прежде всего знать, что он

сделал все возможное, нигде не совершил ошибки. Адвокат может проиграть все сто дел, но быть профессиональнее своих оппонентов.

- Как?

- У вас нет продажных судей? У вас не используются грязные приемы? А что это такое - торговля с подследственным за дачу им же показаний? Ты нам - показания, мы тебе - не сто тридцать с половиной лет, а ровно сто тридцать...

- О, yes, я понимаю. О'кей, я понимаю.

- Выиграть - это значит решить дело твоего доверителя законными средствами, не применяя ни подкупа, ни взятки. А если незаконными - разве это выигрыш? Ты убедил следователя и прокурора, что преступление совершено не при отягчающих обстоятельствах, а из-за неосторожности, это уже победа. Законными средствами склонить прокурора к интересам своего доверителя - всегда выигрышно.

Глава 8.

Текущая вода дорогу найдет.

О, многострадальные мои пращуры, о, строгий и требовательный отец мой, давно почивший в родном Баку, о, трудолюбивая ласковая мама, болеющая за меня и всех моих доверителей и подзащитных, готовая сострадать всему миру и обогреть его своим материнским сердцем!

Я, ваш сын, тот мальчик, родившийся в разоренном и гонимом татском семействе в суровые послевоенные годы, тот подросток, протягивающий худой рукой заявление мастеру цеха, только что закончивший восьмилетку, тот вежливый и честный нештатный опер, которого уважали даже местные бакинские воры и хулиганы, тот несправедливо оговоренный студент юрфака, отвергнутый коррумпированной властью партократов и изгнанный из университета, тот адвокат, получивший в подчинение юридическую консультацию, еще не существовавшую в реальности и поднятую до одной из первых в стране, - вечно ратующий за людей, не умеющий отказывать взывающему о помощи, - я оказался в столице государства, занимающего целый континент, чтобы мой род гордился мной! Чтобы мои спо-

способности пригодились простым и зачастую несчастным людям, облегчили им жизнь. Сколько этих жизней прошло перед моими глазами, скольким возрождениям души человеческой стал я свидетелем и помощником.

Только врачи роддомов могут сказать о себе то же.

Это я, ваш сын, смог доказать столице мира, что на труде и таланте зиждется истинный успех, истинное признание.

Глава 9.

Даже Б-г с плохим человеком не справится.

Я вошел в квартиру. Свет на столе в моей комнате не то чтобы напугал меня, но насторожил. Вот уже полтора года я жил с мамой в этой небольшой уютной квартире на Рязанке, иногда мама уезжала к моим, помогала жене по хозяйству, мы еще не оформили с ней развод. Жена и дети остались моей семьей, но постепенно отношения мои с матерью моих детей превратились в деловые и отчасти приятельские. Вот и сегодня с утра мама собиралась поехать к внукам, поэтому я готовился к одинокому тихому вечеру за телевизором и никак не ожидал застать ее дома.

- Мама, ты? - позвал я, снимая туфли.

Никто не ответил. В окне все тем же розовым фонарным светом был подсвечен снизу величественный старый тополь, расположенный на противоположной стороне улицы. В квартире стояла тишина, но ощущалось присутствие постороннего. Я еще раз позвал:

- Кто здесь?

Произошло какое-то шевеление в комнате и я увидел человека. Он загородил собою свет настольной лампы, и лишь по фигуре я догадался, кто он.

- Арзумов? - я радостно и удивленно улыбнулся. - А где мама?

- Она уехала, - тихо произнес мой земляк и знакомый по юности, с которым мы не виделись вот уже почти пять лет. - Ничего, что я тут?

- Все нормально, - я пошел к нему, включая по дороге свет в коридоре и комнате.

Он предстал передо мною в длинном черном плаще и шляпе. Это удивило меня.

- Что же ты не раздеваешься?

Я приобнял его за плечи и понял, что ответного жеста не будет. Я продолжил:

- И где твои вещи? Почему не позвонил, я бы встретил...

Арзумов улыбнулся. Он так снисходительно улыбнулся, что я вспомнил, что пять лет назад мы приехали в Москву на одном поезде, я перевозил тогда к себе из Баку маму.

- Куда ты пропал тогда? Ты извини, что мы тебя не подождали на вокзале, сам понимаешь - нас человек пятнадцать встречало, закутились.

- Я не искал тебя. Но жил все это время в Москве, так что ты не беспокойся, у меня все нормально. Женился наконец.

- Поздравляю.

Я был искренне рад этому странному визиту, ставил на стол тарелки и подогревал ужин. Арзумов разлил по бокалам вино. Мы сели за стол.

- Я уже привык к московским кухням. Да и жена приучила, еду в гостиную не носить. Помнишь ее?

- Хотел бы посмотреть на твоих детей, в каком классе девочка?

- Гуля в театральном институте учится, ты знаешь, кажется, у нее талант. Я ведь не большой театрал, но девочку хвалят. Да и характер что у нее, что у сына, он на юриста учится, - в меня. Всю ответственность за свою жизнь на себя берут. Знаешь, такие независимые... Ты-то как? Чем занимаешься?

Арзумов не ответил. Он покрупнел за эти годы, набрал вес, стал как будто в кости шире, грудь так и выпячивалась из стильного синего пиджака с золотыми пуговицами. Только волосы его стали светлее, словно выгорели на солнце, два непослушных завитка торчали по-прежнему на макушке, но взгляд был холодным, волчьим.

- С женой общаешься? - спросил он меня. - Что у вас вышло, я не понял. Я помню вашу свадьбу - сколько лет тебе было, двадцать шесть, а ей шестнадцать, кровь заговорила?

- Отец мне всегда говорил, что жениться я могу и на негритянке, только бы выбор был по душе, по любви. Семнадцать лет отдал институту супружества! - пошутил я. - И, между прочим, ни в чем мою бывшую жену упрекнуть не могу. Просто у

мужчины на первом месте - работа, а она устала от этого. Нет, я уделял время семье, с детьми еще в Баку - каждое воскресенье на природу, на пляж или на прогулку. Помнишь Приморский бульвар?

- Как же ты смог все разрушить? - перебил он меня довольно резко, я даже не понял, почему должен перед ним оправдываться.

Как ни не хотелось мне беречь душу, но пришлось ответить. В Арзумове появилось то качество, которое я не люблю в людях: вероломная напористость.

- Так, пустяковые выяснения отношений, неумение уступить, найти устраивающий обоих выход...

- Ты же адвокат: как же ты не нашел способа убедить или победить?

Это уже было слишком. Не люблю, когда делают скоропалительные выводы. Впрочем, тот спор с Арзумовым о непорочности самого понятия адвокатуры в предпоследний день моего пребывания в Баку - мне о многом напомнил.

- Я был почти год в Америке, по решению Вице-президента России. Отправили в командировку. Назначили заместителем по правовым вопросам Российского торгово-культурного центра в Нью-Йорке. Интересное было задание: те самые Волошин и Волков, которые сейчас участвуют в деле Япончика, вот они тогда руководили этим центром. Я выполнял странную и ответственную миссию. Огромные российские средства были вложены в уникальный пятиэтажный комплекс в Мировом Торговом Центре, предназначенный для российских представительств. Но из-за нерентабельности или дороговизны арендованные площади не использовались. Деньги уходили впустую. Миллионы.

Поняв, что здесь что-то не так, что деньги уходят не просто из кармана России, но целенаправленно мимо ее интересов уплывают, Руцкой и послал меня разобраться.

- Знаю. Но это скорее работа следователя или даже оперативника. Ты что же, молодость вспомнил?

- Да нет, ты знаешь, тот беспредел, который творится сейчас, вряд ли уже сравнишь с теми цветочками, которые пришились на нашу молодость. А потом я и как адвокат там выступал. Адвокат всего государства.

- Не надо патетики, - Арзумов поднял бровь.

- Зря. Иногда патетика помогала выигрывать войны. И как еще можно сказать о моей деятельности по предотвращению разбазаривания российских денег? Уж извини за саморекламу.

- Извиняю. Деньги-то не спасли, насколько я знаю.

- Нет, кое-что спасли. А Волков и Волошин, предавшие российские интересы, ушли на дно, потом вынуждены были помочь следственным органам сдать Япончика.

- А потом?

- Был консультантом в миссии ООН, потом срок командировки подошел к концу, а меня уже так потянуло домой, что я ни одного лишнего дня не хотел оставаться, хотя можно было бы остаться вообще лет на пять, вот тут жена и перестала меня понимать. Поначалу она трудно привыкала к другой жизни. Что с того, что мы не обязаны были менять себя и свой образ и уклад жизни, ведь система давит, то общество, где ты живешь, его порядки, его традиции. Потом жена - привыкла, а я затосковал. Работу свою в основном выполнил, а на душе так пусто, как в дырявом гнезде. Мне даже снилось это гнездо, как сейчас помню: на каком-то утесе - большое гнездо, пустое, брошенное. Внизу вид, как с небоскреба, только не город, а горы, но не Кавказ, а голые такие горы, в дымке. И вот это гнездо. Знаешь ли, специально дважды обращался к Министру внешних связей Авену о досрочном расторжении контракта, поскольку меня совершенно не устраивал не то чтобы американский образ жизни, а настрой общества. Все чужие. Все.

- Вот как мы с тобой сейчас? - вдруг спросил Арзумов.

- Нам с тобой во всяком случае прививали одни и те же духовные ценности, - парировал я с грустью и нарастающим чувством опасности.

Мне начинало казаться, что с недобрым сердцем пришел он в мой дом. Это я умею чувствовать. Эта способность во мне с детства: только обратится ко мне человек, а я уже чувствую его настрой, его отношение ко мне. По малейшим нюансам интонации, по взгляду, по повороту головы. И всякий может научиться, если всерьез, внимательно слушать и видеть своего собеседника. Если не пропускать мимо ушей те слова, которые он произносит.

- Я быстро почувствовал в Америке, что такое - власть денег.

- Что же плохого ты находишь в деньгах? Или ты мне будешь рассказывать, что деньги это не главное? Так раздай

все, что имеешь, и иди по миру. А когда твои мама, дети начнут просить кушать, что ты им скажешь: молитесь и будет вам дано?

- В моей семье из-за денег конфликта не возникнет. Ни один человек в моей семье не воспитан в духе американской мечты: поскорей обогатиться, приобрести все мыслимые и немыслимые вещи, которые делают комфортной эту жизнь, и в качестве вершины достатка купить газонокосилку! Все, больше ничего человеку не надо: полный холодильник, счет в банке, статус благопристойного гражданина и семьянина. Ты утверждаешь, что ханжество уходить от меркантильных тем в этой жизни, а я говорю тебе, что ханжество, как раз наоборот, вещизм и сытость! Пойми. Вот жена меня тоже в моей позиции не поддерживала.

- Однако же ты работаешь за деньги?

- Я работаю за совесть, а деньги... если бы ты знал, куда идут мои деньги... То на ремонт здания, то на благотворительность.

Я взял с холодильника полученный сегодня конверт.

- Так, так, что там у тебя? - проскрипел Арзумов и стал читать. - "Президенту...та-та-та...от имени Московской Хельсинкской группы...так-так-так...горячую признательность за оказание деятельной помощи Кондопогскому приходу русской православной церкви по снятию таможенной пошлины с оборудования, пришедшего для строительства храма...то-то-то..." Ну, ты в своем репертуаре. Выходит, тоже благопристойным хочешь выглядеть. Чем же тебе американцы не угодили?

Он подтрунивал надо мною полувесело, полузло, а я понимал, что ввязываться в спор не стоит. Таких, как он, не переубедить. Но дело было в другом. Мне почему-то все больше хотелось рассказывать... Словно память обрушилась на меня оживляющим горным потоком.

- Но из-за чувства долга я не мог раньше уехать в Россию, все бросив.

А больше всего я тосковал даже не по Москве, не по стране, а вся моя тоска сводилась к безумной жажде увидеть маму. Дети были с нами. В Мосюрцентре я оставил за себя Андрея Ивановича Иванова, своего первого заместителя. Я, грешен, побаивался, что "опекун" или "усыновитель" Мосюрцентра так сроднится со своей новой ролью, что не захочет больше подпустить меня к моему детищу. Но что оставалось делать?

Семья была со мной. Но вот мама. Полтора года беспокойства, полтора года длинных телефонных разговоров, писем, передач. Так недоставало ее облика, ее присутствия, даже ее дыхания. До обидного.

И вот когда жена стала все чаще заводить разговор о сроке командировки, а я отвечал ей, что нужно поскорее возвращаться на родину, я торопливо искал оптимальный выход. Хотя, что и говорить, условия жизни там были уникальные.

Однажды за завтраком я сказал:

- Может быть, нам наконец пригласить маму, она там совсем одна.

- Мою? - спросила жена с каким-то подвохом, с готовностью к бурным эмоциям.

- Я говорю о своей маме.

Жена моя поджала губы, обиженно взглянула на поверхность стола, потом напряженно посмотрела на меня:

- Тогда и мою пригласим.

Она, конечно, сознавала, что это нереально. Она не захотела настроить свою душу на согласие и понимание.

- И почему ты думаешь, что она там одна? А Натан и Фрида?

- Если бы Гулю мы отправили сейчас в Москву, ты бы тоже чувствовала одиночество, моя дорогая.

Я хотел закончить разговор миром. Но, честно говоря, моя новая идея уже завладела мной. И не надо было тогда жене говорить эту вязкую фальшивую фразу о том, что с приездом све-крови она потеряет право голоса.

- Мужчине не понять, что значит две хозяйки в доме, - настаивала она.

Я-то о другом подумал. Другое почувствовал в ней, в женщине, с которой мы прожили семнадцать лет и вырастили двоих замечательных детей. Я вдруг понял, что в нее, в ее душу въедается американский прагматизм, черствость, понимаешь?

- Ну, - непонимающе и как бы специально мне назло откликнулся Арзумов. - Что в этом такого? Расчетливость еще никому в жизни не мешала.

- Может быть, - пропустил я его реплику. - Но в моих глазах она очень изменилась. Это была уже не моя жена, родная женщина, близкая, знакомая, предсказуемая. Вот почему я говорю, что она ни в чем не виновата: обстоятельства сделали свое

дело. Она приняла то негативное, что было у американцев в их семейных отношениях, ей это стало импонировать. Через некоторое время она мне сказала между делом:

- Я, пожалуй, тоже имею право на тоску по маме. Только по своей. Вот. Поеду-ка я к ней в Москву. А ты тут пока определись, кто тебе здесь нужен - я или кто-нибудь еще.

Тут уж меня зло взяло: зря, конечно. Но по сути я был прав.

- Так не делают, слышишь. Мама уже собралась, подготовила документы, купила билеты.

- Ну, вот видишь, ты все решил без меня. Я - тоже все решила без тебя и тоже купила билеты.

- Если у тебя такое отторжение всего, что мне дорого, моей жизненной позиции, жаль. Но учти, что твоя поездка состоит только в одну сторону. Раз и навсегда. А мама все равно придет.

- Что еще можно услышать от любящего мужа?! - ехидно усмехнулась она и как-то горько, садняще, сощурившись, быстро посмотрела на меня.

- А дети? - тихо спросил я, но понял, что холодность проникла в ее душу.

Я не провожал ее в аэропорт. Только незаметно для нее смотрел сквозь затемненное стекло автомобиля и видел, как двери аэропорта раскрылись и жадно проглотили некогда родного человека.

Вернулся я из Штатов в сентябре девяносто третьего года. Мы встречались еще несколько раз. Признаться, я сам два раза подстраивал якобы случайные встречи с ней, но каждый раз понимал, что в душе стоит защита от возобновления тех отношений, которые создаются мужчиной и женщиной годами. Мы больше не говорили на одном языке. Просто еще какое-то время мои глаза и моя душа требовали ее присутствия в жизни, такого привычного и такого ранившего.

До сих пор я слышать не могу увещевания мамы насчет новой женитьбы. Нет, нет и нет. Эта часть жизни для меня закрыта, эта дорога мне заказана.

- А как на работе? Ты стал известен. Ведешь крупные дела. Это был правильный расчет: не с гражданами возиться, а сразу брать на обслуживание крупные фирмы, банки, компании. И оплата, наверное, будь здоров, и связи, возможности... Впрочем, я не лезу в твой карман...

И откуда в нем это умение очернить все вокруг?

- Послушай, Арзумов. Я не просто обслуживаю граждан, я даже создаю сейчас адвокатскую коллегия, которая будет эту помощь оказывать для некоторых еще и бесплатно. Малоимущие граждане тоже имеют конституционное право на защиту. А что касается обслуживания организаций, то причем здесь связи и гонорары.

- Конечно, совсем не при чем, - улыбнулся Арзумов.

Он курил сигарету за сигаретой, и вот уже даже я, человек курящий, стал задыхаться и представлять, сколько дней будет выветриваться запах дыма и чем будет дышать моя мама. Но он был моим гостем, и я не должен был обижать его.

- Начнем с того, что когда мы все это создавали, предприятиям просто больше неоткуда было ждать юридической помощи. Мы собрали самых лучших и немногочисленных специалистов. Я сам настолько углубился в тему, что написал и защитил кандидатскую диссертацию, перелопатил всю Ленинскую библиотеку, прочитал столько книг на английском, столько делегаций принял для обмена опытом... Одно то, что удастся содержать эту налаженную машину - Гильдию российских адвокатов, это, конечно, съедает все средства с судебных дел и обслуживаемых предприятий. Я сейчас боюсь скатиться до самооценок, но пахать приходится по двадцать пять часов в сутки.

- Двадцать четыре.

- Нет, двадцать пять: я встаю на час раньше. Приехал из США - ведь все сходило на нет. Так вот снежные бабы по весне, когда начинает светить и греть солнышко, начинают подтаивать, оседают, оседают, и вот уже от них остается лишь небольшой грязноватый сугробик.

Действительно, когда я приехал в Москву, Мосюрцентр переживал не лучшие времена. Что меня поразило, коллектив распался. Проходной двор. Нет, конечно, клиенты не перестали сотрудничать с нами, но в том-то и дело, что сотрудничать. Полной отдачи от людей приходящих ожидать бесполезно. Все - не свое, за что радеть. Только за собственные гонорары. Я не имею в виду качество ведения дел, я имею в виду общественные интересы. До моего отъезда и во время моего отсутствия Мосюрцентр занимался правовой экспертизой документов, регистрацией предприятий. Начался арендный бум - в Москве власти взялись за оформление всей недвижимости.

- Знаю, у меня самого погорел договор, выселили из нежилого помещения.

- Не переоформили договор, наверное. Это мне знакомо, сколько вот таких предпринимателей к нам приходило. Нас в Москомимуществе уже узнавать стали. Так вот, к моему приезду осталось от прежней команды человек двадцать, да и то, на работе появлялись единицы. Но что самое интересное, если раньше у нас все этажи были отмечены присутствием структурных подразделений Мосюрцентра, то теперь - коммерсантами.

- Торгашами?

- Они арендовали все возможные закоулки в здании, во всем сплавляли вниз и поднимали вверх свои тюки и контейнеры. А однажды ко мне в кабинет вошли два мальчика с большой сумкой и предложили мне женские колготки.

- Купил?

- Вот-вот. Ты представляешь? Идут переговоры, решается вопрос взаимозачета по кредитному договору с банком, вваливаются эти инквизиторы со своими ложками-поварешками, с нержавеющей ножами и газовыми баллончиками. Я минут двадцать объяснял, что это не способ давления на должника, а всего лишь издержки перестройки.

А был случай, когда дежурный адвокат Андрей Свиридов сидел в своем кабинете и ждал, когда хоть один российский гражданин созреет обратиться к нему со своими насущными проблемами. Вдруг слышит - стук в дверь.

У Свиридова сердце подпрыгнуло с криком: "Наконец-то, состоялось: пришел мой звездный час!"

Он метровыми прыжками подскочил к двери и распахнул ее перед долгожданными клиентами. Перед ним стояли два бритоголовых парня и жевали жвачку.

- Нострадамус? - спросил один из них, не переставая жевать при извлечении звуков из своего речевого аппарата.

- В каком-то смысле, - гордо кивнул Свиридов и одернул лацканы пиджака, приглашая посетителей пройти в кабинет и сесть.

Парни легли в кресла, широко расставив оджинсованные ноги. Один из них при этом поглаживал одной рукой кастет, который был одет на другую руку, а другой умудрялся крутить нунчаки.

Свиридов удивленно смотрел на них, но, поскольку человек он закаленный, решил не поддаваться первому впечатлению.

- Я к вашим услугам, - сказал он.

- Давай по-быстрому, папа. Нас Джагир прислал. Мы вместо Серого и Косого. Бабки готовы?

- А! - понял, наконец, Свиридов. - Ваше дело, очевидно, ведет другой юрист, он сейчас в следственное управление поехал. А старушек никаких еще не было, может попозже подойдут...

Рэкетеры при слове юрист каким-то невероятным образом сдвинули оголенные уши к затылкам, а на словах "следственное управление" начали сомневаться в своем будущем.

- У вас крыша, ваааше, от Джагира или от другой фирмы?

- От Главмосстроя, - ответил Свиридов, который участвовал в организации ремонта кровли на здании.

Парни склонили друг к другу бритые виски и о чем-то пошептались, не отрывая восхищенного взгляда от Свиридова. При этом один сказал:

- Пора делать ноги.

А другой сказал:

- Чо ж их тада к следователю таскают?

А первый сказал:

- Тебя это...очевидно, концептуально волнует?

А другой сказал:

- Пойдемте, друг мой, мы уже опаздываем в Зал Чуковского на концерт большого "синфонического" оркестра...

И они вежливо раскланялись.

Только спустя полчаса Свиридов вспомнил, что по соседству, как раз в зале для переговоров, размещена фирма по торговле воздухом "Нострадамус". Пришлось повесить на дверь табличку с надписью "Адвокат Свиридов. По вопросам спекуляций и рэкета обращаться в комнату 21".

Теперь в комнате 21 находится отдел по организации защиты по уголовным делам, поэтому Свиридов табличку со своей двери принципиально не снимает.

Но некоторые из наших бывших арендаторов стали вполне приличными предприятиями и считают Мосюрцентр своим коллективным адвокатом. Хотя с долгами по аренде никто расчитываться не спешит. Вот почему к моему возвращению из Америки финансы пели замечательные русские романсы.

Как я и ожидал, мало того что воспитание Мосюрцентра составляло желать лучшего, но и опекун его, - мой заместитель, - не очень-то широко распахивал объятия.

О том, что я приехал, я не сообщил сразу. Просто в одно прекрасное утро я остановил свою машину у подъезда старого кирпичного здания бывшей школы и вошел в него. Дом встрепенулся и ожил, как в сказке про принцессу, укуловшуюся отравленным веретеном. Я поднимался по лестнице, проходил по этажам, а мое родное царство оживало под моим взглядом, потягивалось и озидалось:

- Как долго мы спали.

- Что с нами было? - спрашивали проснувшиеся секретари.

- Сколько времени продолжался наш сон? - вторили им зевающие юристы.

Я остановился в приемной. Очевидно, было очень рано. А может быть, пока я ездил в страну точных людей, в России отменили КЗоТ и трудовую дисциплину. Секретарей на месте не было. Мне показалось, что дверь кабинета слегка дрогнула, ручка пошевелилась. Я еще раз внимательнее взглянул на нее. Дверь, словно под силой моего взгляда дрогнула и немножко приотворилась, из проема повеяло холодом пещеры. "Конечно, дело в сквозняке", - сказал я себе и вошел в свой кабинет. В нем было темно. В нем было очень холодно и темно. Сентябрьское утро еще не успело расцвести, только какие-то далекие огоньки мерцали слева, напоминая прохладные альковы Нотр-Дама. Мне стало жутковато. Мертвая тишина стояла вокруг. Дверь за мной захлопнулась, как только я сделал шаг вперед, в неизвестность. Скоро глаза мои привыкли к темноте, но тут-то ждало меня ужасное зрелище. В темноте, прямо напротив моего лица светились белки чьих-то глаз. Правее я заметил еще одну пару моргающих глаз, и холодный пот прошиб меня. Кожа пошла мурашками.

- Да зажгите же свет, Гасан Борисович, - вдруг произнес кто-то, а другой голос добавил:

- Выключатель на том же месте.

"Какие знакомые голоса", - несколько успокаиваясь, подумал я и нашарил рукой выключатель.

Каково же было мое удивление, когда неоновый свет плафонов обнаружил Анатолия Федоровича и Федора Никифоровича, с нетерпением ждущих меня в свои объятия.

Они усадили меня в кресло, сами, как умиленные родители Евгения Базарова, всплескивая руками и улыбаясь, словно они смотрели на младенца.

- Как вы тут? - радостно спрашивал я. - Что тут новенького? Вы что-то исхудали, Анатолий Федорович. Не болеете?

- Ох, Гасан Борисович, не спрашивайте.

- Теряем квалификацию. Никакой духовной пищи. А поскольку мы духи - вот и результат: худоба и бледность. Скоро будем светиться, как Кентервильское привидение, и по ночам распугивать запозднившихся торговцев...

- Это идея, - поддержал Федор Никифорович. - Вы спрашивали, дорогой Гасан Борисович, что новенького. Вся Россия теперь - один большой рынок, толкучка, вот что новенького. А народ весь в торговлю подался. Товарно-денежные отношения, понимаете ли.

- От чего уехал, к тому и приехал, - вздохнул я. - Тогда привет вам от американского супермаркета.

- К сожалению, у нас пока что только период первобытного товарооборота: ты мне - шкуру мамонта, я тебе по голове кувалдой, чтобы не платить, но шкура мамонта проедена молью, поэтому весь процесс - из любви к искусству.

- Сосредоточьтесь, друзья, - вдруг произнес Кони, - по лестнице поднимается Андрей Иванович.

Я хотел было встать, а потом что-то подкосило мои ноги - то ли Анатолий Федорович надавил на мои плечи, то ли Федор Никифорович подвинул кресло под меня - и я снова плюхнулся в него.

Признаться, я волновался. Неизвестно, как отнесется ко мне мое царство-государство демократическое, могут и не принять. Но честно говоря, я возвращался именно в это кресло и именно на свой пост.

Дверь распахнулась, и в проеме предстал румяный от утреннего воздуха и лестницы Иванов. Взгляд его мгновенно потух, брови опустились и лицо его осунулось, словно он не свой кабинет увидел с порога, а, открыв дверь, уперся в кирпичную стену.

Я во весь рот улыбнулся и издал восторженный звук "О!"

- Андрей Иванович! - воскликнул я дружелюбно, протягивая ему руку, но с кресла не вставая.

Да я и не мог. Эти двое моих "родителей-правоведов" изо всех сил вжимали меня в его мягкое кожаное сиденье.

- Здравствуй, Андрей Иванович! Здравствуй, дорогой! Здравствуй, проходи. Побеседуем.

Андрей Иванович сделал шаг, но неожиданно скукожился и показал пальцем на приемную.

- Извините, Гасан Борисович, я на секундочку, мне надо сказать там...

И он ретировался.

Потом мы пили чай с Кони, Плевако и моими единомышленниками: все они пришли к моему столу, все стали моими гостями в тот день. Фемида отложила свои весы, слегка запахла тогу и тоже посидела за нашим столиком. Я уже говорил, что люблю хороших женщин...

...Однажды, когда мне в моем кабинете докладывали дело, она была так возмущена, что сама сорвала повязку со своих глаз. Мне об этом рассказала моя добрая коллега, руководитель отдела систематизации Гильдии, Татьяна Яковлевна Свит.

Поэтому, сверяясь с Фемидой, я воспринимаю свою жизнь как приложение к справедливости.

Иванов, говорят, весь день уныло ходил по кабинетам, спрашивал: "Что же теперь будет?" Предлагал провести собрание и сказать Мирзоеву, что "его новый двубортный костюм, дорогой одеколон и гладко выбритые скулы вовсе даже чужды бедным российским избирателям и непатриотичны, наконец". Сотрудники как-то вежливо молчали, но на собрание пришли. При этом дамы садились поближе ко мне и, поднимая грудь, вдыхали запах одеколона, а мужчины прикидывали, где бы им срочно найти клиентов, чтобы заработать на такой же костюм. Словом, лед тронулся, господа присяжные заседатели... На собрании постановили, что хороший вкус и патриотизм - понятия даже вовсе и родственные. Потом началась работа по возрождению российской адвокатуры. Не зря я стремился в Россию.

- Очень нетипичное стремление - в Россию, ты что, стал патриотом? Ностальгия ведь лечится временем, - с каким-то ехидством заметил мой собеседник. - Могу понять твою жену.

Он ничего не рассказывал о себе, он ждал чего-то, тянул из меня душу, впивался в меня взглядом, так, наверное, черт у Достоевского издевался над Иваном Карамазовым... Но у Ивана душа была черна, а я тут совершенно в другой ипостаси.

- А кстати, о путях Господних, - озарило меня. - Как Рантик Газаров поживает?

Взгляд Арзумава вспыхнул и тут же погас, глаза его сощурились, и он выговорил на блатном наречии:

- Он меня на большие бабки кинул, падла. Было у нас одно дельце. За помощью я к тебе, помоги выбить.

Вот уж не ожидал я такого преображения. Передо мной сидел крутой деляга, недоставало ему только наколок на руках, золотой браслет уже отяжелял запястье.

- Выбивать - это не по нашей части. Приходи ко мне в офис, я поручу твое дело хорошему адвокату.

Арзумов слегка опешил, очевидно, он забыл, что адвокаты и вышибалы - это разные вещи.

Вообще-то чувство, овладевающее юристом, когда к нему за профессиональным советом обращается друг, родственник или коллега, ни с чем не сравнимо. Мысль о том, чтобы сначала назвать цену услуги, была бы кощунственной. Конечно же, осознание того, что те знания, которые у тебя есть, могут пригодиться кому-то в жизни, фактически помочь человеку - это и есть плата за работу. Ты готов в лепешку расшибиться, только бы обратившийся к тебе получил исчерпывающий ответ: как ему действовать. И какое же это счастье - соседке рассказать о ее правах на детское пособие или написать заявление в суд о взыскании алиментов на ребенка, растущего на твоих глазах, родственнику помочь составить правильные учредительные документы для его будущей производственной фирмы, другу посоветовать, какие пункты включить в договор кредита, чтобы банк не ободрал его, как липку, за предоставленную в долг сумму. Здесь ведь жизнь перемешивается с работой, это только юристы и писатели могут ощутить: как их умственный труд преображает этот мир на глазах!

Да, конечно, приятно осознавать, что твоя работа приносит добро и чужим людям, но когда близким...

Я уже говорил о своем друге Айдыне, враче, кардиохирурге. Однажды он делал операцию на сердце собственной дочери...

- Арзумов, а ты очень изменился. Чем же ты теперь занимаешься, все-таки?

- Я работаю в милиции, начальник участка. Рантика ты помнишь? Он ведь переехал в Москву вслед за мной. Я тут его от десяти лет недавно отмазал, так он, гад, мне двадцать штук зе-

ленных обещал, а сам слинял. У него фирма здесь - деревообрабатывающий заводик. Давай с нее снимем должок, тебе двадцать процентов...

Нет, не такую помощь я имел в виду. Да и от помощи Арзумову наотрез отказался. Попросил его уйти. Арзумов стоял в прихожей, близко стоял, нос к носу со мной и, брызгая слюной говорил, что я еще пожалею, что у него крутые связи в этом мире и что я, со своей принципиальностью, окажусь когда-нибудь в яме для отбросов. Его русые ресницы мелко, дробно подрагивали... Когда он схватил меня за грудки и притянул к себе, я ударил его по рукам и вытолкнул в распахнутую дверь.

С горечью захлопнув ее, я еще долго стоял в коридоре и видел перед собой шербатое лицо моего бывшего друга.

Глава 10.

Дитя плачем растет.

Я оглянулся. В помещениях было темно и отдавало сыростью. Казалось, что находишься в глубоком каменном подвале вроде того, что сохранился в Александровском монастыре, колыбели опричнины. Впрочем, бывает ли у зла колыбель? Розово-рыжий свет лился из темной комнаты. Похрустывал огонь, выхватывая из мрака крупные квадратные камни этого колодца, некогда побеленного, ныне же обшарпанного и влажного. Кто-то втолкнул меня в ту комнату, она оказалась на уровне ниже и не такой узкой, какой казалась издалека. И тут я увидел дыбу.

Два столба были вкопаны в землю, а третье бревно было положено на них сверху на уровне маленького оконца под потолком, в котором виднелась полоска травы и черное небо.

Палач уже стоял в углу, о чем-то разговаривая с судьями. Завитушки волос подрагивали на его затылке. Меня еще раз подтолкнули на середину застенка. Мне уже начали связывать руки длинной крученой веревкой, уже перекинули ее через поперечное бревно, когда я, наконец, почувствовал страх.

- Кто вы?

Стало жарко. Я пытался высвободить руки, одновременно всматриваясь в лица сидящих передо мной судей.

Вскоре я повис в воздухе, мне вывернуло руки, плечи оказались за головой, кто-то стянул ремнем щиколотки ног.

- Что вы делаете? - вырвалось у меня, но я не услышал собственного голоса. - Вы не имеете права. Я требую адвоката.

- Кого? - услышал я за спиной, и хлесткий звук раздался следом.

- Заступника, правозащитника, поверенного, - перечислял я, понимая, что защитников у адвокатов не бывает.

Мою спину обожгло лишь спустя мгновение, кнут словно разрезал мою кожу, как корку арбуза.

- Я - адвокат, вы не можете...

- Что речет?

Смех раздался со всех сторон, и я увидел в темноте тысячи глаз и открытых ртов, наполненных черным жемчугом.

- Пошто девку выгораживаешь? Называла она тебе имена, дома воровские, адреса, говори!

- А за ту казнокрадку пошто заступничаешь? Краденое где?

- Чинишь государевым людям препоны? Суд государев не признаешь?

- Веру свою в Единого Б-га проповедуешь?

И тут я увидел брошенную в угол на истлевшее уже почти сено девушку с распущенными космами, синим лицом, окровавленную и, почудилось мне, бездыханную. Не успел я ее разглядеть, как вокруг зашипели:

- В тиски его!

В каком веке это происходило, я не задумывался, потому что это происходило со мной.

И услышал я:

- Если же из подлежащих пытке такой случится, который изобличается во многих злодействах, а он запирается, и по делу обстоятельства доказывают его к подозрению, то для изыскания истины употребляются нарочно тиски, кляпы и растяжение на дыбе, дабы более истязания чувствовал.

Эхо отскакивало от невидимого в вышине потолка, позолотой мерцали одежды судей, я начал различать нестриженные бороды их и красные щеки. Кто-то пробасил:

- Если же переговаривать будет в трех пытках, то пытки употребляются до тех пор, пока с трех пыток одинаковое скажет, и огонь употребляется таким образом, что веником с огнем палач водит по спине.

И другой сказал:

- Когда пытки окончатся и пытанный подлежать будет по вине своей каторге, то при посылке от палача вырываются ноздри сделанными нарочно клещами.

Палач просунул еще одно бревно между моими ногами и положил его на ремень, стягивавший их. Он встал уже на бревно, от чего я ощутил резкую боль в мышцах, но палачу сделали знак, и он спрыгнул с бревна на пол.

Я оказался освобожденным, но встав на землю, почувствовал, что ноги не держат меня, и без сил упал на склизкий каменный пол. Очнулся я от душераздирающего крика. Я открыл глаза и увидел, что на моем месте теперь висит девушка и на ней горит рубашка. Я увидел испуганное лицо палача, который набирал ковшом воду из бочки. Потом он облил несчастную ледяной водой, и та потеряла сознание.

На мгновение ко мне пришла счастливая мысль, что все это сон. Но в эту же секунду наступила полная темнота, я почувствовал, что сижу на жестком стуле с высокой спинкой, и тут в глаза мне ударил безумно яркий свет. Первую минуту боль проходила по всему мозгу, царапала его, разрывала. Ослепленный, я заслонился руками, закрыл слезящиеся глаза, но кто-то сильной хваткой вцепился в мои запястья и отвел руки мне за спину, щелкнули металлические наручники.

Вдруг я понял, что уже различаю очертания предметов в темноте, и даже столп света от электрического прожектора не мешает мне видеть человека, сидящего с другой стороны стола. Силуэт кучерявой головы отбрасывал огромные тени на стену за его спиной.

В круг света просунули фотографию девушки. Она была коротко пострижена, но я узнал этот затравленный взгляд. Я попытался разомкнуть губы, но мне не удалось - кровь запеклась на них и губы ссохлись.

- Вы знаете ее?

Я кивнул.

- Что вам стало известно в ходе защиты, на свиданиях, ранее? - чеканил следователь-дьявол. - Вы были знакомы ранее? Расскажите о ее поездках за границу: с кем она встречалась в Москве, кто оплачивает ваши услуги, синагога?

Я помотал головой. Я не мог говорить, но я точно знал, что я знаком с этой несчастной. Наконец, я разомкнул губы, тут

же почувствовав соленые капельки на лопнувшей корке, и произнес:

- Тайна, адвокатская тайна. Тайна исповеди, врачебная тайна. Чего вы требуете от меня? Есть закон, он предоставляет мне защиту от произвола.

- Зачем диктатуре - закон, вы никогда не задумывались? - произнес черный человек. - Закон не защищает врагов социализма, врагов власти. Слово и дело!

Противников существующего порядка в России всегда лечили тюрьмой. А для сторонников жертв уготованы были правовые дискредитации, провокации. С точки зрения права - эти жертвы невинны. Но с точки зрения власти... А ведь это власть пишет законы. Теперь вы понимаете разницу между правом и законом?

- В чем я обвиняюсь? Где ваши доказательства? - выдавил я первое, что вспомнил из собственной практики.

Я почувствовал, что смог бы провести собственную защиту, если бы мне позволила эта тьма, эта прогорклая комната, находящаяся в непонятном измерении. Но все дело в том, что есть болезни, от которых врач может излечиться сам по себе, а бывают болезни, которые требуют общего карантина.

- Доказывать должен тот, кто является автором положения, требующего доказательства, - услышал я. - Мы ничего не говорим. Мы вас арестовали и сейчас вынесем приговор. Если вы имеете аргументы против этого - доказывайте свою невиновность.

- Невиновность по отношению к чему? Вам нужно кого-то опорочить, значит, все-таки вам нужны мои показания, как доказательства, как обоснования следующего ареста, для подтверждения правоты следующего расстрела? - спросил я темноту, обжигающую мне лицо.

- Открыть глаза! - крикнули мне в ответ. - Смотреть сюда, лицо не прятать!

Волосатые крепкие пальцы схватили мой подбородок.

- Она уже во всем призналась. И вот эти сопляки дали показания...

Передо мной шлепнулась и разъехалась по столу пачка новых фотографий. Маленькие лица пятнадцатилетних мальчиков казались какими-то несоразмерными с огромным форма-

том карточек. Казалось, что и впрямь знаю, о чем идет речь, знаю суть дела. Одновременно я осознал, что сути дела я не знал, и это мучило меня тупиковостью ситуации. И еще я краешком сознания помнил, что эти же ощущения бывают со мной наяву.

И тут я физически ощутил, что тщетно пытаюсь выговорить непослушными, ставшими двадцатипудовыми, губами:

- Фаль-си-фикация!

В ужасе я открыл глаза. В комнате было светло. Я еще пять минут соображал, что это не свет прожектора залил все вокруг, что это не я ослеп, и теперь только белый цвет в моих глазах, за пределами которых - ночь. Нет, это было действительно солнечное утро, белые обои, чистая постель возле окна, а там, выше - голубое небо и верхние ветки тополя, усыпанные еле различимыми зелеными точками.

Вдруг я почувствовал, что кто-то дотронулся до моего одеяла, кто-то шевелится в ногах и медленно приближается ко мне, то есть к моей голове.

Я поднял голову. Маленькая годовалая девочка, черноволосая, глазастая (во взоре ее я видел весь путь от неба на землю), с ласковыми младенческими перетяжками на пухлых ручонках, карабкалась по мне, вдоль меня и кокетливо мне улыбалась.

- Полина!

Глава 11.

Дружи с небом.

- Алина.

Я взял девушку за руку. Она стояла за довольно-таки симпатичной решеткой или, скорее, внутри клетки, так как это был металлический куб, установленный в зале Головинского суда. Путь решетки были покрыты серебряной краской.

- Алина, возьмите себя в руки. Мы выдержим. Посмотрите, сегодня здесь Булат Шалвович.

Последнее время, как только она меня видела, она начинала плакать. Три года мытарств. Она плакала так по-детски! Запрокидывала голову, на минуту целую, беззвучно раскрыв

рот, она застывала, потом, когда все лицо ее омывали слезы, она выдыхала первое рыдание, - вылитая "Незнакомка" Крамского.

Но как легки младенческие слезы моей поздней малышки, и как горьки они, слезы этой почти уже обезумевшей от душевной боли девушки, Алины.

В сентябре 1995 года я впервые познакомился с этим делом.

Произошло это случайно. Был какой-то вечер в клубе юристов. Полутемный зал ресторана приветствовал только что закончившийся съезд правоведов. После обсуждения результатов съезда в нашем узком кругу - а в Клуб юристов может войти не всякий, а лишь известный и принятый общим собранием Клуба коллега, - мы выбрались в зал, где играла тихая музыка и лишь небольшие ночники горели на столиках. Посторонние, особенно дамы, могли быть приглашены членом клуба лишь несколько раз в году, когда устраивались небольшие открытые вечера.

Строгие правила были оправданы: среди нас не было ни одного человека, который не был бы нашим единомышленником или, по крайней мере, общепризнанно - достойным своей профессии, юристом.

Павой проплывал между столиков интеллигентный Падва. Резким баритоном смеялся за колонной виртуозный Резник; Баренбойм, Клен, Зимоненко, Абушахмин, Тарасов, Гагарин и другие адвокаты, имена которых известны всему деловому миру столицы, присутствовали в тот вечер в Клубе.

Странное сообщество... Сообщество людей, назубок знающих закон. Подумать только, ведь никто еще не обращал на это внимание: есть когорта людей, целое сословие даже, которые владеют в совершенстве правилами жизни, нормами владеют, понимают, как действует механизм, понимают настолько, что без них, как без часовщика, обойтись трудно, почти невозможно.

- Приветствую вас, Генри Маркович.

- Блестяще провели защиту, Гасан Борисович.

Вот эти люди - обычные с виду, и все же есть в них что-то отличное от других: образ мышления, конечно. То, что они говорят - исходит от Закона. В их словах та же бесспорность, что и в заповедях. Не потому, что их слова - такая же истина, а пото-

му, что они оперируют не просто знаниями, а знаниями, обязательными к исполнению. От их слов нельзя отмахнуться - все равно государство, установившее закон, заставит его соблюдать. Дело этих людей вас осведомить о ваших правах и обязанностях. Осведомить суд, осведомить вашего обидчика, самую власть. Осведомить, доказать правоту, освободить от ответственности, отстоять имущество, словом, привести ситуацию к соответствию закону.

Один случай.

Обратился ко мне за помощью водитель одного крупного управленца из строительной фирмы. У строителей работа такая: каждую неделю объезды, то на одну стройку, то на другую, допоздна сидят в своих Главках, ждут очередного падения дома или крана...

А водителя этого, Диму, в обязательном порядке заставлял тот начальник к семи утра под окном дома уже стоять, сигналить, дочку в школу отвозить, потом его на работу и - до десяти, одиннадцати вечера. И так каждый день. Хитрый, видно, у него был начальник. За переработку человеку доплачивал следующим образом, да не станет мой рассказ пособием к эксплуатации рабского труда.

Каждый месяц Димке проставляли в табель рабочие дни, а также некоторое количество выходных, якобы он и в выходные работал. За это, естественно, повышенная оплата. А еще на жену Димки начальник составлял трудовое соглашение, якобы она, жена, целый месяц уборщицей то ли по срочному трудовому договору, то ли по договору подряда работала. И то, и то было бы неправомерно - ведь работа не носит срочного характера сама по себе. Да и фактическое присутствие на работе уборщицы легко проверить при желании.

- Да здесь целый букет правонарушений, - говорю, - ты же понимаешь, как тебя используют, как тебя шантажируют.

- Понимаю, - закатил глаза Димка. - Он так и поступает: чуть я что вякну про дочку, про прибавку - он мне не закрывает выходные или соглашение на жену не подписывает. Что, - спрашивает Дима, - здесь можно сделать?

Я говорю:

- Добиться правды здесь можно, только если до конца идти на принцип. Ты готов?

- Да, - отвечает, - я уже созрел.

Возрадовался я такому ответу. Не часто такую смелость встретишь, не часто работник идет на отстаивание своих прав перед руководством, а уж тем более в суд. К сожалению, это оправдано не только правовой безграмотностью и пассивностью людей, но еще отсутствием реальных гарантий при возникновении трудового спора: кому охота терять работу.

Вот я и нарисовал Димке картину его рабского положения.

- Во-первых, как бы не уворачивался твой начальник - он нарушает закон. Работа в выходные дни запрещена. Во-вторых, липовые табели, липовые соглашения... У тебя ненормированный рабочий день?

- Не знаю, - захихикал Димка, отчего его рыжие усы ошетились. - Наверное, ненормированный.

- Тебе установлена доплата за ненормированный рабочий день? Отпуск дополнительный дают?

Димка так удивился, как будто первый раз вообще слышал об отпусках.

- Эх, ты! Ненормированный рабочий день - не то же самое, что круглосуточный рабочий день. Ты же не на плантации у дона Карлоса какого-нибудь пашешь. Я поражаюсь! Неужели нравится, когда тебя обворовывают. Ведь превышение границ рабочего времени должно быть обоснованным и компенсированным.

Дима мне всегда нравился, он был скромным человеком, тихим и честным тружеником, сыном маминой московской подруги. Его начальник иногда заезжал ко мне в Гильдию по хозяйственным вопросам. Димка смущенно поднял плечи.

- А за что же тогда доплата и отпуск?

- За неудобства! А если у тебя нормированный рабочий день, то тебя можно привлекать к сверхурочным лишь в исключительных случаях не больше четырех часов за два дня подряд. Оплата...

Мы посидели еще полчаса и приблизительно подсчитали, сколько следовало бы получать Дмитрию за сверхурочные. Оказалось, что свыше десяти миллионов, помимо собственной зарплаты. А доплачивали ему всего лишь пятьсот тысяч рублей в месяц. Но в любом случае - незаконно. Когда водитель это услышал, лицо его стало серым и он поклялся выбить из начальника нормальную оплату за свой подневольный труд.

Каково же было мое разочарование, когда при нашей следующей встрече он сообщил, что начальник, изучив мое заключение, сначала чуть не уволил Диму, а потом, подумав, прибавил еще семьсот тысяч к зарплате, чем Дима был настолько доволен, что благодарно тряс мою руку минуты три.

Мало того, мне звонил и сам его начальник. Только не с благодарностью, а с гортанным прорабским матом на тему о том, что я лезу не в свое дело.

И им, и водителю, и начальнику - было наплевать на соблюдение закона. А ведь оба они не осознали, что положение водителя по-прежнему шатко, а начальника могут снять с должности при первой же проверке. И если бы это было исключение из правил! К сожалению, на госпредприятиях, которые существуют не первый десяток лет, которым не пришлось начинать все с нуля в годы перестройки, относятся даже к собственным юристам, как первым кандидатам на сокращение - за ненужностью.

К юристам относятся, как к врагам, вставляющим палки в колеса, слишком сложно формулирующим свои советы по соблюдению закона, договорной дисциплины или кодекса законов о труде.

Юристы всего лишь проповедники, они не только знают закон, не только живут по нему и кристально чисты, но они не умеют воспринимать этот мир иначе, чем через призму закона. Так должно быть. Такова должна быть конкретика в общении с миром, с человеческим обществом, установившем для себя определенные нормы поведения, нормы функционирования предприятий, нормы по организации власти - все эти нормы и есть их мировосприятие...

- Гасан Борисович, рад поздравить с успешным окончанием дела Бондаренко...

Это люди, которые, как спартанцы, знают, что человек делать обязан, а что не вправе. И поэтому они уязвимы. Я мечтаю об обществе, где вместе с азбукой дети будут учиться праву. Понимать право настолько, чтобы жить благодаря, а не вопреки законам.

Глава 12.

*Если ударишь камнем о кувшин - горе кувшину,
если ударишь кувшином о камень - опять горе кувшину.*

К моему столу подошел человек с резкими чертами лица, с жесткой щеточкой усов. Усы его и челка начинали седеть, и оттого внешность его казалась еще контрастнее. Он решительно остановился напротив моего стола и представился:

- Ткаченко Александр Петрович, Генеральный директор Русского Пен-центра.

Я встал и почувствовал ту простодушную робость за себя, которую испытывает всякий далекий от искусства человек при соприкосновении с человеком посвященным...

Мы обменялись рукопожатиями. Я пригласил его за свой стол, так как понял, что Александру Петровичу нужно со мной переговорить.

- Гасан Борисович, извините за беспокойство. Вот увидел вас, решил воспользоваться моментом. Одна из основных задач Русского Пен-центра - защита писателей, поэтов, журналистов. Чтобы больше не высылали ни солженицыных, ни бродских, чтобы за Слово - не гноили в тюрьмах. И вы знаете, у нас беда. Своими силами не обойтись!

Я встрепенулся. Всякий раз, когда вот так начинается моя беседа с новым человеком, это заставляет меня распахивать душу сразу, еще не ведая, о чем пойдет речь.

- Я вас внимательно слушаю.

- Вы сейчас как доктор это произнесли.

- Адвокатов часто сравнивают...

- Выходит, я неоригинален...

- Но надеюсь, и я не похож на терапевта районной поликлиники.

Он немного расслабился. Но оставался серьезным, между бровями легла глубокая складка. Он показался мне человеком решительным.

- Вы Президент отделения прав человека Международной академии информатизации, - на одном дыхании сказал он. - Нам вас рекомендовали. Мы очень хотим, чтобы именно Вы выступили в деле в качестве защитника. Арестована одна молодая девушка, журналистка, поэтесса. Уже третий месяц в тюрьме.

- В следственном изоляторе, - поправил я.
- Вы слышали про это дело? - удивился Александр Петрович.

Я никогда не упускаю подобных неточностей, потому что только для неискушенного собеседника понятия "тюрьма" и "СИЗО", "задержали" и "арестовали" - идентичны. На самом же деле это абсолютно разные понятия, обозначающие разные стадии уголовного процесса. Я пояснил:

- В тюрьму подследственный попадает после вынесения решения и определения вида наказания, а до окончания следствия по делу он находится в СИЗО. В чем ее обвиняют? - Это нужно было мне знать, для того чтобы сориентироваться, возьмется ли Мосюрцентр за это дело.

- Уверяю вас, она оговорена. Мы недавно обо всем узнали... А обвиняют ее в продаже и хранении наркотиков. Подсунули явно.

- Бывает, - я вспомнил подлог патронов в деле одного из преступных авторитетов Виталика "Зверя". - Эти методы мне известны.

Мы договорились встретиться у меня в Мосюрцентре следующим утром и подробнее поговорить об этом деле.

Глава 13.

Добротой часто можно причинить вред.

В конце девяносто четвертого я участвовал в защите Рантика, которого арестовал Арзумов, но об этом отдельный разговор.

Рантика сильно потрепала жизнь. Он несколько раз был осужден, сидел, но с восемьдесят пятого года, когда последний раз вышел на свободу, в воровстве замечен не был. На большее Рантик никогда не шел, а меньшее...

Для юриста важен не образ жизни человека, а состав преступления. Это ответ на вопрос, почему милиция, зная о членах преступных группировок, не берет их под стражу, пока нет состава преступления. Если человек общается с ворами в законе, устраивает банкеты для крестных отцов и авторитетов - это еще не основание, чтобы бросить его в тюрьму.

Можно говорить им в лицо о том, что их образ жизни противоречит нормам морали. Но, к сожалению, эти нормы забыты нами. Привыкли мы к расстрелам, арестам, тюрьмам. Считаем, что на любой проступок найдется статья в уголовном кодексе. А то и сами вершим суд.

После визита Арзумова ко мне домой в Москве я стал выяснять, каким отделением милиции он командует и где сейчас Рантик Газаров, человек немало насоливший мне в жизни, но, как мне показалось, теперь находящийся в опасности. В моей прошлой, бакинской жизни, - теперь уже далекой для меня он сыграл такую роль, которая круто изменила, повернула мою судьбу. Если бы не выбросили меня из милиции, не предали из-за того, что я ввязался в спор с системой, арестовал родственника высокого партийного функционера, может быть, и не подался бы я в адвокатуру.

А тут заметка в газете. В ней говорилось о том, что 15 декабря 1994 года в поселке Жостово, где проживал в последние годы Газаров, 12 машин с сотрудниками РУОПа окружили его дом. Операция по задержанию Газарова длилась два часа. Задерживали Рантика около пятидесяти сотрудников Московского регионального управления по борьбе с организованной преступностью.

В результате обыска в доме была обнаружена обойма с восемью патронами к пистолету "ТТ". Газарова доставили в РУОП, где у него в подкладке плаща нашли пистолет "ТТ". Девятнадцатого декабря Газарову было предъявлено обвинение по части первой статьи 218-й - "незаконное хранение оружия".

Меня, как искушенного читателя, эта заметка заставила ужаснуться. Все в ней просто-таки кричало о неправомерности действий правоохранительных органов. Да и интуиция мне подсказывала, что здесь дело не в пистолете. Запутался Рантик. Грозит ему опасность, а я знаю - откуда. Теперь было легче найти и Арзумова, и семью Рантика.

Я узнал номер домашнего телефона Газаровых. В трубке раздался женский голос, с налетом усталости... Не тихое, а обреченное "алло".

- Роза? Здравствуйте, - я представился и спросил. - Скажите, у вашего мужа есть адвокат.

- Почему вы позвонили? - помолчав, спросила она в ответ. - Я ведь помню вас, вы первый арестовали его в шестьдесят восьмом...

- Да, я работал тогда в милиции. Поэтому знаю, что полсотни народу на незаконный пистолет не посылают ... Кроме того, у меня был Арзумов.

- Я кладу трубку, - донеслось до меня, и послышались короткие гудки.

Пришлось перезвонить.

- Вы меня неправильно поняли. Арзумову я отказал, он говорил, что Рантик ему должен деньги...

- Он вымогатель, как и все они.

Досада звучала в ее голосе.

- Вы знаете, что когда они ворвались и начали стрелять по верх голов моих детей, Рантик лежал на втором этаже - под капельницей? Об этом они не пишут? У него на фоне этого вымогательства случился инфаркт, осложненный раком легкого, - она почти уже кричала. - Они прикладами выбили окна, ворвались страшные, здоровенные, в масках, в бронежилетах, разбили все, что могли, выпотрошили всю мебель, это же бандиты!

- Что-то здесь не так, вы же понимаете. Давайте встретимся, - предложил я. - Постараюсь вам помочь.

Через три часа мы сидели в моем кабинете. Я пригласил ведущего адвоката нашего Мосюрцентра, участника Великой Отечественной войны Эвальда Францевича Мюллера, так как я сам не мог принимать участие в этом деле.

Женщина нервно теребила носовой платок, настроена она была агрессивно. Я ожидал увидеть заплаканные глаза, затертый до красноты нос, но ничего этого не было. Только болезненная ненависть к тем, кто хотя бы минимально представлял государство и правоохранительную систему.

- Я понимаю, мой муж - бывший вор. Но он уже заплатил за все. Он понес наказание, он отсидел. У него нет здоровья. И я вместе с ним несу это наказание. Но теперь он ни в чем не виновен, Арзумов пришел к нам домой и требовал денег. Это страшный человек. Об этом никто не должен знать, а то пострадают дети.

Сколько таких страшных людей вершат правосудие, карают своим судом, изобретают собственные теории в интересах государства, определяют, от кого нужно очистить мир, чтобы народу лучше жилось.

По словам Розы Газаровой, она два часа лежала на полу в гостиной рядом с детьми и подругой, забежавшей к ней в этот вечер со своим сынишкой. Арзумов появился не сразу.

- Я узнала его по ногам, по походке. Подняла голову и узнала его. Он наступил мне ботинком на шею и сказал, чтобы я не трепыхалась, лежала тихо.

Только спустя два часа женщину подвели к комоду в спальне на первом этаже, из которого уже были выдвинуты ящики. Из-под белья, точно зная, куда лезть своей мохнатой пятерней, Арзумов вытянул обойму с патронами.

На встречу с Ранतिकом Газаровым я пошел вместе с Эвальдом Францевичем Мюллером. Мы приехали на Петровку, прошли знакомой дорогой в изолятор временного содержания. Я не мог себе вообразить, каким предстанет передо мной теперь тот некогда холеный, самодовольный парень в пенсне и модном костюме, которого я видел чуть ли не тридцать лет назад. И то, что я увидел, заставило мое сердце задрожать от негодования.

Я увидел изможденного, съезжавшего со стула пожилого человека с кровоподтеками на и без того черном лице. Кровь в ноздрях, опущенный взгляд. Лишь жесткий чуб лежал все той же неменяющейся волной, но только был совсем седой.

- Ну, здравствуй, Рантик.

Он поднял глаза и улыбнулся той улыбкой, какой обычно улыбаются люди, старающиеся вспомнить, откуда они вас знают: вроде. Думаю, что он не узнал меня тогда.

- Мы твои адвокаты.

Брови его поднялись, он неверяще дернул головой и вдруг проговорил, указывая на одного из присутствующих сотрудников РУОПа:

- Он меня бил...

- Попрошу вас занести в протокол допроса, - попросил Мюллер круглолицего следователя с блестящими розовыми щеками.

Тот улыбнулся во все лицо, соорудил глазки:

- Ну, товарищи. Давайте без лирики...

- Эвальд Францевич, - сказал я, - не настаивай, это не к следователю, это уже к прокурору...

- Пишите, кому хотите, а эту скотину я из-под стражи не выпущу. Он был и остался вором, у меня оперативные данные, которые я вам не обязан открывать. Он лишь на публике па-

инька, а на деле бандит! Вор в законе! У него же в доме собираются уголовники!

- Как точны ваши оперативные данные! Поэтому вы ворвались в дом, когда там собрались... женщины и дети?

- Я следовательно, вы должны отличать...

Фамилия следователя Жуков. Он с трудом сдерживал себя. А когда я спросил, какие у него есть доказательства того, что прикованный к постели смертельно больной человек убивает людей, он повторил, скрипнув челюстями:

- Помяните мое слово, товарищи адвокаты, я вам его не отдам.

Так оно и произошло. На Жукова не возымело действие ни письменное заключение прокурора, ни акт медицинской экспертизы.

А на следующий день Рантик отказался прийти на встречу с адвокатом. В талоне вызова начальника ИВС значилось, что у Рантика отказали ноги. Оставалось только догадываться, почему за одну ночь, после нашего первого визита, ухудшилось его здоровье.

Начались телефонные угрозы в мой адрес. Ладно бы, этот подонок говорил со мной, а то ведь с мамой, у нас в доме к телефону обычно подходила она.

Однажды вечером Мюллер сообщил, что получена справка из больницы, можно ехать к прокурору.

Дело в том, что Рантика, уже почти неживого, истерзанного недочеловеками в СИЗО, перевели в стражнй корпус горбольницы, где заведующая хирургическим отделением, делавшая ему операцию на позвоночнике после осколочного перелома позвонка, дала заключение о невозможности его содержания в условиях СИЗО.

Мы мчались от прокурора с постановлением об освобождении Рантика под подписку о невыезде до окончания предварительного следствия. А в то время Жуков и Арзумов, оповещенные прокурором о принятом решении, волокли Рантика по коридору больницы. Вытряхнув его в запорошенный снегом больничнй двор, они подкатали к нему личную "четверку" Арзумава, придавив его задним бампером. Врачи, в общем-то слабые женщины, не могли помешать этому. Онемев от ужаса, наблюдали они в окна дежурки, как полуголого Рантика запикивают в багажник и увозят два здоровяка. Лишь на две секунды разминулись мы с ними.

Глава 14.

Бесчестный доброту не поймет.

За год до моей встречи с представителями Пен-центра в Мосюрцентре, таким же октябрьским, еще не очень холодным вечером девяносто четвертого на молодую московскую журналистку, возвращавшуюся домой с концерта, в подъезде напала группа неизвестных.

Девушка находилась под впечатлением концерта и восприняла странное поведение грабителей, как своего рода "разбойничий авангард". Дело в том, что грабители повели ее наверх к квартире, где она жила, но перед первой же лампочкой, горевшей на одной из лестничных клеток, остановили ее, словно бы что-то припоминая из своего "кодекса чести" грабителя. Но к удивлению современной, а значит, готовой к различным эксцессам поведения, девушки, "авангардисты" показали удостоверения сотрудников Федеральной службы контрразведки.

Если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они опровергались бы. Этому я поверил, когда докопался до истинных целей людей, которые добивались от Алины самоговора или разглашения журналистской тайны. И то и другое было бы преступлением. Это понимала молодая неискушенная в делах политики девушка.

Группа писателей и литераторов поднялась в мой кабинет, последним вошел немолодой мужчина в сиреновом вязаном джемпере.

- Это отец, Александр Петрович, - сказали мне.

Он слегка трясся, опираясь на длинный зонт-трость, я какое-то мгновение не мог оторвать взгляда от его глаз. Наверное, у него было плохое зрение, медузообразная пленка покрывала его зрачки, глаза слезились, он поднес к ним платок, стал обтирать глубокие впадины и морщины, рельефно выделяющиеся на лице.

- Они не дают мне свидания, - выдохнул он.

- Вы по крайней мере знаете, где она содержится? Садитесь, - я усадил ее отца в кресло.

- Нет... Да... Ее сначала отвезли в наше отделение, мы две недели не могли дознаться, где она, а сейчас говорят, что она в "Бутырке".

- Извините, - произнес Александр Петрович и протянул мне какой-то журнал. - Вот после этой статьи все и началось.

Я взглянул на статью. И многое понял уже из названия и аннотации. Статья в "Новом времени" называлась "Кислота спасет мир?" В ней рассказывалось о наркотике-убийце ЛСД, распространяемом и в России. Ее написала Алина Витухновская.

- Оставляйте. Мы беремся за это дело.

- Сколько это будет стоить? - спросила единственная среди гостей женщина. - Пен-центр берет расходы на себя.

- Поэт не должен сидеть в тюрьме, - я посмотрел на нее. - Мне так кажется. Это дело я буду вести бесплатно.

Через неделю я впервые увидел ее. Пришел на встречу с ней в следственный изолятор. Ее ввели в кабинет. Девушка посмотрела на меня долгим то ли изучающим, то ли отсутствующим взглядом. В этом взгляде было недоверие и отрешенность. Шел уже девятый день объявленной ею голодовки и одиннадцатый месяц содержания под стражей.

- Я ваш новый адвокат. Буду вместе с Нерсисяном защищать вас.

Она кивнула:

- Мне сказали.

- Вы не против?

Она устало села на краешек стула, привинченного к полу. Молчала, отвернувшись к окну.

- В камере у нас темно. Окно запыленное, высоко над нами. И завешено все бельем.

- Алина, - позвал я, начиная догадываться, что девушка находится в подавленном, почти невменяемом состоянии.

Она поджала губы и опустила голову.

- Как вас зовут?

- Гасан Борисович Мирзоев. Алина, вы читали обвинительное заключение?

Она снова поджала губы и кивнула:

- Там много стилистических ошибок.

- Там и юридических ошибок хватает, - улыбнулся я.

Она все еще не растормаживалась. Мне показалось, что у нее не по возрасту опавшие щеки. Бледность и синева полосами лежали на ее лице, словно она была испачкана чем-то. Волосы ее были подобраны в пучок, пряди выбивались и свисали на грудь. Овал лица, тонкий плавно загнутый контур носа, очертание рта, напоминающее очертание рыбы. Все это делало ее похожей на библейскую героиню, затемненную тысячелетней историей мытарств и мучений.

- Вопросы? У вас есть вопросы? - Спросила она монотонно и загадочно добавила. - Мне мишку не дали.

- Кого?

- Мишку, я просила. В камере тридцать девять женщин, я научилась спать сидя, есть стоя, ходить по потолку и различаю мышей в лицо. Послезавтра нас поведут в баню.

- Как с вами обращаются?

- Я только что рассказала вам, как со мной обращаются. Осталось только представить, что все это проделывают с невиновным человеком. Меня не били, только пощечины, но разве это битье?

- Мы уже общались с вашим адвокатом, я хотел бы уточнить лишь несколько вещей.

- Вещи уточнять нельзя, вещи - это субстанции вечные. Выходит, я - вещь... Холодно... Да-да, я приму ваш пиджак, как будто мы на прогулке в Сокольниках... Мне ужасно хочется вам сейчас поведать, что в детстве бабушка меня часто водила в Сокольники... Мне хочется рассказать об этом всему миру... Холодно...

Она была не в себе. Ее взгляд заставлял содрогаться.

Мне нужно было понять, почувствовать этого человека. Ведь никто, кроме меня самого, не сможет вселить в мою душу убежденности в ее правоте. Желание узнать истину во мне настолько жгуче, настолько нетерпимо и непреодолимо, что я не смог бы спать, не смог бы выйти отсюда, пока не добился, не нащупал бы правды. Без уяснения диагноза лечение невозможно.

- Вы женаты? - вдруг спросила она.

- Да. Зачем вы об этом спросили?

- Откуда вы такой смуглый?

- Из Баку. Но вот уж скоро десять лет, как считаюсь москвичом...

Ей ведь тоже нужно было разобраться во мне. Она неглупый человек... и она поэт...

- Вы употребляли когда-нибудь наркотические средства?

- Да, - ответ дался ей легко. - Вам, наверное, трудно понять, вы выросли в другом режиме. Сейчас любой десятиклассник пробует травку или таблетки, если только это не паиньки из закрытых пансионатов при Патриархии. Я пробовала в десятом классе, потом однажды в институте, в компании. Но мне не понравилось. Это был опыт, эксперимент...

- Но ведь у вас при обыске, дома нашли... Будьте со мной откровенны. То, что вы мне сейчас ответите, я буду считать правдой, но вы должны знать: для того, чтобы помочь вам по-настоящему, мне нужна истина.

- Правда, истина... - она тяжело посмотрела на мои губы, подняла взгляд вверх моей головы. - Они хотят знать, принимает ли наркотики сын Руцкого, сын Барсукова, сын Жириновского, от меня хотят узнать: я в западне. Если покупают, то где. Они думали, что с дурочкой, вроде меня, можно будет обойтись простой провокацией. Все устроить. А я, - она заговорщически склонилась ко мне и прошептала, - я - человек. Я не вещь. Меня нельзя втоптать в грязь, меня можно убить, но мне почему-то не страшно... Почему же мне не страшно? Может, я уродка, душевнобольная? Они намекали, что если я стану косить под сумасшедшую, то есть шанс выкарабкаться. Ха-ха! На пять лет в дурдом - выкарабкаться! А знаете, зачем они мне на это намекали? Потому что - попали! Они по-па-ли! Им приходится теперь играть по моим правилам. Думали, получат нужную информацию, отпустят, закроют дело. Всех лжесвидетелей отпустят. А я взбрыкнула: "Не нарушу журналистскую тайну, не расскажу! Я вела свое расследование перед написанием статьи, люди мне доверяли..." А эти думают, нашли беззащитную дурочку: по внешнему виду-то сразу не поймешь - человека поймали или гниду. Вот они и вынуждены теперь тянуть эту лямку. Пойдемте в суд. Скажем обо всем этом.

- Не все так просто. Доказательства у нас какие? И доказательства чего.

- Того, что дело сфальсифицировано.

- У вас нашли наркотики.

- Подбросили, - она понимала, что должна произнести веские доводы. - Они часа два по квартире бродили, пока понятых

доставили, а мы с отцом и бабушкой сидели в комнате, молча, под дулами автоматчиков. На вас когда-нибудь направляли дуло автомата?

Зрачки ее расширились, она смотрела теперь в одну точку и не мигала.

- Только в армии, - ответил я.

- Это не то. Представьте, что перед вами анаконда, прямо перед носом. Она - волшебница. Она - гипнотизирует, глаз не оторвать: столбняк. И волосы седеют, потому что смерть... Эту дуру-железяку перед собой не всякому дано увидеть...

- Я понимаю вас, но давайте договоримся о двух вещах. Первое. Вы выходите из голодовки уже сегодня и набираетесь сил к началу судебного заседания. Я понимаю, мы поставлены в жесткие рамки: до начала судебного заседания осталось менее трех дней. Второе. Вы слышите и слушаете мои советы, а затем без меня принимаете решение следовать им или нет. О том либо другом решении вы мне объявляете до начала заседания. Третье. Вы обязаны - исключительно в своих интересах - рассказать мне все, как происходило на самом деле, а не так, как записывали с ваших слов следователи. Четвертое. После согласования общей позиции защиты мы выходим в суд и совместно работаем. Уверен, что по ходу судебного заседания все встанет на свои места.

Я оказался прав. Только во время судебного заседания в дело была внесена ясность.

Она была ровесницей моей старшей дочери. Да, я мог называть ее дочкой, девочкой, которую мне было жалко. У меня есть право на сострадание. Оно не застит мне глаза, не мешает моей профессиональной интуиции, ибо жалость к подзащитному - составная часть адвокатской убежденности, позиции самого защитника. К настоящему убийце, презиравшему человеческую жизнь, жалость едва ли проснется: уж такое это явление - жалость.

- Вы, Алина, не сердитесь на меня за мои вопросы. Я должен вам сказать, что ничего не обещаю. Ничего, кроме полной самоотдачи и ответственной работы. Был бы я безответственным адвокатом, если бы произнес: не бойтесь, вас оправдают, или вам дадут не семь, а пять лет... Адвокат не вправе давать обещаний за суд... Это непорядочно.

- Но мне стало бы немного легче, хотя бы до суда. Я бы в этот кошмар, - она кивнула на дверь, - вернулась самой сильной, самой непобедимой.

- Я не имею права. Только знаю и говорю, что есть основания, у меня уже есть факты для борьбы за вашу свободу. Понимаете? И еще: наверное, я повторюсь, но вы должны знать назубок свои процессуальные права. Девочка вы мудрая, вы сумеете ими воспользоваться. Вы имеете право вообще не давать никаких показаний, требовать моего присутствия при любых допросах, заявлять любые ходатайства. Стойте на том, что невиновны. И не только потому, что не признаете своей вины, но потому, что вашу виновность может признать только суд своим приговором. Все, что происходит сейчас, - это еще не суд. Это называется - стадией предварительного расследования. А с момента передачи дела в суд до судебного разбирательства будет стадия предания суду. Я так понимаю, мы отрицаем обвинение. Полностью.

Она часто и мелко закивала головой. Румянец показался на ее щеках.

- Вы увидите отца?

- Конечно, он ждет меня на улице, в машине.

Она не ожидала этого, губы ее задрожали, она сглотнула ком, но выдержала.

- Попросите его купить мне сигареты в здешнем магазине, и вот тут список, - пальчики ее дрожали. - Здесь общак. Это для тех, кому не от кого ждать передачи, вы опытный, вы научите его, как передачи передавать и встречи просить, - взволнованно зачастила она слабым голосом. - А полы холодные, одежда у многих изнасилась, не говоря уже про мыло, еду. Ведь многие по шесть месяцев, по году... Правда, у моих, наверное, нет денег... Пусть папа позвонит на работу, как она там? Как это переживет тетушка? Я называю ее бабулей - ей девяносто лет ! Меня еще не уволили?

- Не знаю, право, я проверю.

- И ребята помогут. Ребята хорошие, не бросили.

- Совсем скоро уже суд. Я приду к вам за день до него, обсудим нашу тактику. А пока - держитесь.

Если и есть в русском языке слово, которое заменяет поднятый в воздух кулак солидарности, то это слово "держись".

Сотни раз произносил я его в подобных ситуациях, и, что странно, слово это магическим образом побеждало беду, за-

ставляло человека поднять голову, до боли сжать, сморщить веки, и кивнуть мне в ответ.

Я протянул ей пачку сигарет.

- Возьмите, можно.

Глава 15.

У лисицы спросили: "Кто твой свидетель?"

Она ответила: "Мой хвост".

Стоит ли говорить о том, какое давление мне пришлось ощутить на себе за эти десять дней. Лубянка стала моим вторым домом, меня уже начали узнавать сотрудники бюро пропусков и охраны.

В этих кабинетах приходилось говорить на другом языке, на сухом языке аргументированных доводов и цитат из Уголовно-процессуального кодекса.

- Показания обвиняемого являются доказательством как в случае признания, так и при отрицании им своей вины.

Разумеется, я не мог открыто заявлять о том, что ампулу с порошком, найденную на книжной полке у Алины дома, подбросили сами же комитетчики. Я мог сослаться лишь на грубое нарушение порядка производства оперативно-следственных действий.

Следователь госбезопасности в то время - контрразведки, принимавший участие в деле, очевидно, был весьма расположен подискутировать на заданную тему. Он был немолод, но еще крепок телом, соломенные волосы его, брови, ресницы, словом все оперение, делали его похожим на альбиноса, только слегка замшелого.

- Пленум Верховного Суда указал, что нарушение закона, обеспечивающего право на защиту, а также процессуальный порядок по своему характеру принадлежат к тем существенным процессуальным нарушениям, которые не могут не влиять на вынесение правильного решения. Ваше дело бесперспективно, неужели вы этого не понимаете?

Вообще-то он хотел меня завербовать. За тем и звал. Официально: повесткой на адрес Мосюрцентра. Гильдии тогда было всего несколько месяцев, она только становилась на ноги.

Протокола не было, но вся наша беседа поначалу была похожа на допрос защитника по фактам, ставшим мне известными в ходе защиты.

- Вы кино смотрите? - я пытался говорить с ним на его языке. - Там иногда показывают католическую исповедь, видели?

- Ну.

- А иногда священника потом пытаются, заставляют тайну исповеди раскрыть. Вам нравятся эти эпизоды?

- Не знаю, не видел, - он побыстрее хотел закончить мою отповедь.

- Не видели. А по-моему, это самое омерзительное, что бывает на свете, вроде детоубийства, что ли. Человек вам доверяется, он только на вас надеется, он искренен, потому что верит в вашу силу духовную. Как можно этого не понимать! Ведь это так просто.

- Это не так просто, - покачал головой чекист. - А если нужно раскрыть преступление, предотвратить? Тут чаша весов - как у Фемиды.

- У Фемиды одна чаша ниже другой. Наша чаша, на которой справедливость перетягивает. Когда же мы поймем, что зло порождает зло? Нельзя с помощью преступления раскрывать другое преступление, это зачеркивает легитимность результата.

- А где вы видели, чтобы мы нарушили ваш УПК? Все по форме оформили, вежливости ... то есть грубости не допускали, а то, что долго обыск оперативники вели, так зато все по форме, протоколы, постановления, выемки там. Понятых щас днем с огнем не сыщешь, все боятся.

- Вам стоило только зайти в соседнюю квартиру.

- Хе, - рыкнул пузатый полковник, - а то вы не знаете, шо у их сосед - бывший Генпрокурор. Нам такие понятые, шо нож к горлу. Затаскают по служебным комиссиям.

Вот такая "выразительная" речь... Таким "профессиональным" языком, "предельно точно" и "по форме" изъяснялся этот полковник.

Он перехватил мой неосторожно-презрительный взгляд. Не потому я презирал его, что он служил в ФСК. В конце концов, и там бывает, люди, рискуя жизнью, борются со злом. И террористов тех же ловят, и наркоманию притормаживают. Да вот беда, такие, как этот, беззащитных врагов выдумывают. Идея такая - показать, что кампания идет, уstrasить тех, кто рас-

пространяет смерть, убивает, калечит, ворует... Вот и этот образчиком побежденного врага выбрал - девочку, пусть не такую как все, неординарную, необычную в своем таланте, но девочку. Вот отчего я перекачивал во рту слюну, мысленно представляя, как плюю ему в лицо. В эти секунды я ненавидел его.

- Вы думаете, я комиссии боюсь, да работать же некому будет, если с вашими прокурорами, да адвокатами сопли по стенке размазывать.

- Вы не забываете, что в доме было еще два свидетеля, которые покажут на суде, что первоначально обыск в квартире проводился без понятых.

- Так то ж родной отец, - он задумчиво осекся. - А потом, может и он соучастник?

- ...Это требует доказательств...

- Надо будет, докажем.

- Как в случае с подставными свидетелями, с липовыми понатыми. Вы думаете, от одного вашего вида все настолько теряются, что правда никогда не всплывет. Тогда объясните, как могло случиться... Хотя, извините, этот вопрос я оставляю для суда.

Он взъерошился, как испуганный кот:

- Зачем же осложнять процесс: если есть с нашей стороны какие-то замечания, скажите нам их, мы исправим.

- В этом я не сомневаюсь, - рассмеялся я.

Все эти дни я занимался только Алиной. Я каждый день встречался с адвокатами, защищавшими ее на протяжении всего девяносто четвертого - девяносто пятого года. Ведь в октябре исполнился ровно год с момента ее задержания. Журналистка хоть и не сдавалась, но урок молчания получила на всю жизнь. Этого-то я и боялся: поражения, обета безмолвия ее творческой души, к которому ее могло подвести отчаяние.

Нет, так не годится. Она должна помогать мне бороться.

- Помнишь сказку про лягушку, попавшую в крынку с молоком. Она стала так сильно бить ногами, то есть лапками, - говорил я ей на промежуточной встрече, - она стала барахтаться, крутиться и взбила густые сливки, по которым выбралась наружу. Вот и тебе надо крутиться и барахтаться, только тогда мы выберемся на свободу.

- Неужели я уже похожа на лягушку?

Я улыбнулся.

- Нет, только бледная очень. Вам дают книги?

- С этим все нормально. Знаете, я только сейчас поняла, как здорово, что я не мужчина. Девчонки даже примолкают, когда я что-нибудь пишу или читаю, хотя, конечно, ад, - и она добавила без паузы, - меня возили на Лубянку.

За этот год следствием была проделана огромная работа. Сначала были допросы с целью получить информацию, которая не вошла в статью Алины про ЛСД.

- Может быть, у вас остались магнитофонные записи или какие-нибудь блокноты?... - исподтишка спрашивал следователь, который точно знал, что такие записи были.

Алина даже перестала понимать: зачем им нужна эта информация - для того, чтобы искать и искоренять наркоманов, или чтобы искоренить самую эту информацию, уж больно настойчиво доискивались, не скрывает ли девушка чего либо "жареного".

- Меня учили пять лет в институте и семь лет на практике, что разглашать сведения... - и она в который раз повторяла азбучные истины журналистики. - А потом, я дала подписку о неразглашении...

- Как? - спохватывался следователь. - Какую еще подписку?

- А вон она у вас к делу подшита, моя статья под названием "Кислота спасет мир?"

Потом устраивали очные ставки с людьми, которым Алина "продавала" наркотики, может быть, и динамит, а может быть, и план ракетных установок всей Западной Сибири и Нечерноземья.

Судя не только по рассказу Алины, но и по протоколам, которые, как ни странно, велись, очные ставки проводил человек, который не обучался ни одной из многочисленных юридических наук. Даже гражданский кодекс не открывал. Между прочим, в этом кодексе говорится о правовой способности несовершеннолетних участвовать как раз в таких очных ставках. А ведь понятыми при этом процессуальном действе были на этот раз школьники, как потом оказалось, пойманные на улице милицейским УАЗиком, несовершеннолетние, ученики одиннадцатого класса, впервые в своей жизни имевшие дело с милицией. Здесь нужно говорить о несоблюдении элементарных правил проведения опознания.

Два молодых наркомана точно знали: Алина - это Алина, потому что в комнате была только одна девушка; два пузырька на столе следователя - это те наркотики, которые она им, якобы, продала, так как других пузырьков на столе следователя не было. Они изображали тех мальчиков, те неискушенные жертвы, которым эта Алина "продала" эти пузырьки. Потому что их попросили сказать так. Попросили с помощью двух внушительных качков. А еще их попросили не осложнять самим себе жизнь и здоровье лет на семь каждому.

Потом защита, стойко державшая весь этот год оборону, выливавшая на голову захватчиков кипящие ушаты ходатайств и жалоб, предложила Алине изменить тактику - признать себя невменяемой.

- Я не юрист, - ответила она адвокату, - но мне кажется, что этим способом уходят от ответственности только действительно виновные и уже использовавшие все остальные способы сицилийские мафиози.

Первый адвокат Алины, рассказывая мне об этом эпизоде, восхищенно заметила:

- Я тогда подумала, что человек, так строящий фразы, вряд ли будет признан невменяемым.

И действительно. Очевидно, это общее свойство человеческой речи: она, как хамелеон, приобретает качество, присущее окружающей среде. Со сколькими бы обвиняемыми я ни работал, спустя месяц их пребывания в заключении, они начинали говорить на блатном жаргоне, чаще использовали нецензурные или просторечные выражения, а уж о грамматике забывали напрочь. То ли это фокусы психики, то ли проигрыш более сильному речевому пласту.

Но Алина и спустя год передавала через отца на волю такие стихи, что создавалось впечатление, будто она пишет их где-нибудь на лазурном побережье. У нее было то, что спасало многих писателей и поэтов в тяжелую годину - творческая фантазия.

Алина категорически отказалась от предложенной адвокатом тактики.

- В психушку я не пойду. Там стены - заразные.

Но консилиум все-таки состоялся. Врачи осматривали ее тело, лезли в горло, в уши, водили перед ее глазами вилкой, тыкали булавкой в коленки и бока, смотрели, как Алина разводит

ладони в стороны, соединяет выпрямленные руки и быстро находит указательным пальцем собственный нос. Разговаривали. Задавали вопросы.

- Не бывает такого, что краем глаза вам видятся мухи, черные точки? Головокружений не бывает?

- Только от успеха.

- Половой жизнью живете?

- Обязательно. Вот уже год сплю, да что там! живу на полу. У меня, доктор, почки болят и цистит.

- Это нормально, - кивала усатая докторша.

Все что происходило было бесконечно длящимся ирреальным гипнозом, почище наркотического опьянения. Ее провоцировали в камере. Предлагали ширнуться, просили помочь достать травки, требовали денег на общак, спрашивали, с кем связаться на воле, чего просить, если кто-то выйдет первым. Совали адреса. Потом, после отказа Алины, этих женщин переводили куда-то, словом, уводили.

В камере у нее была охрана. В этой камере встретилась она с одноклассницей. Учились вместе в хорошей московской школе, что в переулке Остужева. Им было о чем поговорить. Ленке Гагариной Алина доверяла.

Наконец, начались допросы с участием ребят "оттуда". Удивляла их своей осведомленностью. А впрочем, это было только первое ощущение. И мне, и Алине нетрудно было догадаться, как собиралась информация.

- Вы брали интервью у сына председателя подкомитета Думы по борьбе с коррупцией Пронина. Где эти ваши записи.

И Алине становилось понятно, откуда у следствия информация о том, что была такая запись. Ведь она ознакомилась с отрывками из нее директора фирмы "Интербук", желая узнать его мнение о высказанных Васей Прониным идеях. И так далее.

Ее мучили еженедельными намеками на скорое возвращение домой. Заверяли в том, что ее персона никого не заинтересует, что следствию она не нужна.

Но мне были необходимы лишь фактические доказательства, которые допускает к рассмотрению на суде уголовно-процессуальный кодекс. Например, свидетельские показания тех двух мальчишек, которых поймали на улице и назначили понятыми при обыске, и которые все же оговорили Алину на очной ставке.

Глава 16.

Золото и в пыли светится.

Слушание по делу было назначено на 12 октября 1995 года. В Головинском межмуниципальном суде за все время своей практики я не бывал ни разу.

В камере Алина Витухновская провела к этому времени триста шестьдесят два дня. Триста шестьдесят первый день мы провели с ней за согласованием последних нюансов защиты. Она должна была знать, что ей может навредить, а что - помочь. Ведь судьи тоже люди и малейшая запинка может создать у них впечатление, что подсудимая лжет, малейшая неподготовленность к ответу может ввести их в заблуждение. Возможно это не так, но защитник должен предполагать и предусматривать даже маловероятное.

В камере для свиданий с моей подзащитной я понимал и другое: минуты, вырывающие девушку из пристанища мышей, вшей, тараканов и больных, осоловелых от замкнутого пространства женщин, - благодатные минуты. Пусть здесь тоже мрачновато, прохладно, пусть от меня, как ни старайся скрыть, веет довольством и обычностью нормальной человеческой жизни, но все же ей лучше побыть здесь, в чистилище, чем там, в аду.

- Вы как фея, Гасан Борисович, - улыбнулась она, - а мне и впрямь хочется на бал. Я им там покажу!

- Волнуешься, Золушка? Ты получишь новую одежду, будь опрятной и терпеливой, это очень важно.

- И хрустальные башмачки?

- Хрустальные башмачки в виде того понятого - Саши Крупнова. Я нашел его.

Она просияла. Никогда еще не видел я, чтобы в полумраке у человека так светлело лицо, так искрились глаза.

- Он скажет правду?

Я поднял плечи:

- Будем надеяться. Второй мальчик, который тоже был понятым, сейчас в армии. Если показаний Саши будет недостаточно, найдем и второго. Но так, по очереди, даже лучше. Будет время для продолжения поисков других свидетелей, в случае чего.

- Меня могут приговорить? - она откинулась на спинку стула.

В камере следственного изолятора безвинная девочка вопрошала меня - за что ей послана кара. И ответь я ей на этот вопрос что-нибудь сострадательно-согласительное, ее душа навек бы потеряла покой и мир.

Она прочитала, не отрывая взгляда от моих рук, вероятно, здесь же сложенные ею строки:

...Покатилось солнце по Кольцу Садовому,
Закатилось вправо, за дома.
Не перечь Ведущий своему ведомому,
а иначе он сойдет с ума.

И еще она спросила меня, словно сама испытывала мою веру:

- Для чего вести праведный образ жизни, если нет правил, если исполняй или не исполняй заветы, а вознаграждения никакого. Никто еще не возвращался, не рассказывал о том, что его душа теперь бессмертна.

- Вам нужно заняться составлением афоризмов и собственных мыслей в виде дневника, как у Паскаля. Еще этот мученик сказал, что вся людская нравственность зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет. Нравится?

Она потупилась. Бабочка подлетела к ее плечу и, дотронувшись до него, исчезла.

- А ведь вера - это всего лишь полученные свыше и отшлифованные тысячелетиями общечеловеческие понятия о добре и зле. Видишь, как просто. Человек, лишенный веры, то есть твердого нравственного закона, не способен различать добро и зло.

- Это вы объясните моим следователям и судьям! Объясните - жителям этого мира-призрака, убийцам, насильникам, прочей мерзости, которую ваш Б-г заставляет меня любить. Они ведь ближние. Это ваш Б-г втиснул меня в их плотные потные ряды.

- Б-г знает глубины человеческого сердца и промыслительно сочетает влияния всех существ друг на друга так, чтобы помочь преодолеть зло человеку, в котором не угасает любовь к нему!

- Если уж страдать, так знать за что. Я не хочу быть жертвой. Если бы я этого хотела, меня бы здесь давно сожрали, растоп-

тали бы и унизили следователи, надзиратели, народ здешний. Они, между прочим, тоже должны соблюдать заповеди, они тоже должны любить меня.

- Дьявол нашептывал Б-гу, что вера в него основана лишь на выгоде верующего. И ты, как Иов, кричишь: почему Б-г так испытывает тебя, ты безвинна. Доверься Его испытаниям. Минувя акт самопожертвования, не заслужишь вечной жизни. Но ты не права в одном. Стойко вынося то, что ты выносишь, сохраняя свою душу чистой, ты как раз и жертвуешь. Да, ты жертвуешь мирским благополучием и сытостью, но не идешь против нравственности. И очень может быть, девочка, ты это делаешь не для себя одной. Ты поймешь и поверишь в целительный смысл страдания, если будешь жить не одним сегодняшним днем, а соизмерять себя и свои поступки с вечностью. Ты осознаешь единство мира и человека. Вот о каком самопожертвовании идет речь. Можешь смеяться, можешь спросить, не хочу ли я на твое место. Ты вправе спрашивать меня обо всем. Но верь, сердце мое плачет от твоей боли. И поэтому завтра, когда тебя привезут в Головинский суд, мы выстоим!

- Туда же?

- Да. Ты прочитала обвинительное заключение, подумай над его содержанием. Потому что там времени на его осмысление уже не будет.

- А папа? Папа будет? - спросила она, как раз когда над ее затылком снова затрепетали длинные призрачные крылышки.

- Ты же все это уже проходила. Папа, твои друзья - процесс ведь открытый.

- Вы иногда не понимаете, Гасан Борисович. Не забывайте, я ведь арестована, и все, что касается передвижения: людей или планет, - мне кажется неправдоподобным.

Она была права. Ограничение свободы чревато тем, что человек мало-помалу забывает, что такое свобода. Это относится и к арестантам, и к государству в целом. Чем больше таких ограничений, хотя бы и завуалированных, тем меньше у большинства людей потребностей в этой свободе. Существует же на этом свете Северная Корея.

Она казалась мне уже Алисой в Зазеркалье, в том невероятном кольце событий, от которых кружится голова. Ее усталая душа, заточенная в утлые, плесневелые стены острога, все еще была крыльями по воздуху, карабкалась по пластам слоеного

пирога: то прелый запах половых тряпок, то свежий воздух из оконных щелей, то вздох Алины, то мой вздох, и мало-помалу выкарабкивалась на свет.

- Во что мне верить? - спросила она. - В плохое или хорошее, как лучше?

- Верь в хорошее, но сама не плошай, - ответил я ей. - И постарайся завтра формулировать ответы кратко, четко и, по возможности, конкретно. Ты сумеешь.

- У вас озабоченный вид. Много работы?

- Конференция, но не будем об этом. Если все будет хорошо у тебя, то и у меня все будет хорошо. Я загадал.

Она лукаво прыснула:

- Что загадали? У вас что - личная жизнь?

- Не то слово! - отчего-то рассмеялся я и вдруг подумал, что это очень сладко, иметь личную жизнь, ждать мирового события в этой самой своей жизни, даже если тебе без двух лет полтинник.

Это очень сладко, выйти из старого разрушающегося здания "Бутырок", не оглянувшись, выйти на трассу, сесть в свою уютную машину, мягко амортизирующую на кочках и колдобинах, приехать вовремя домой, туда, где уют и полная безопасность, где мама и жена, две любящих тебя женщины, ждут тебя - любого, усталого, раздраженного, победителя или побежденного, удачливого или неудачливого, любимого и нужного в любых ипостасях, ждут в доме, где сухо и тепло, где кухня пахнет жареным мясом и пирогами, а постель чистым глаженным бельем...

В келье стало светло, как будто после безысходной ночи наступил рассвет.

И слезы навернулись на мои глаза, потому что я снова увидел надежду в ее взгляде. Я встал и подошел к зарешеченному окну, чтобы она не видела.

- Как все будет? - деловито произнесла она. - Последнее слово и всякое такое?...

- Откроют заседание, проверят наличие участников, объявят состав суда... - с трудом произнес я.

- Это ясно, потом?

- Потом спросят, нет ли каких ходатайств, отводов или заявлений у сторон. Потом огласят обвинительное заключение и начнутся допросы: тебя, свидетелей, экспертов. Потом прения.

Вначале прокурор, затем мы, адвокаты. И только потом ты - с последним словом...

- Прокуроров у братьев Перро не было, - возразила Алина.

- Это авторы УПК? - я съерничал...

От улыбки ее лицо покрывали ранние тоненькие морщинки. Она на глазах выбиралась, как та лягушка из кринки с молоком. Я клянусь!

- И еще, Алина, - сказал я ей на прощание. - Твои собраты приняли тебя в Союз писателей, гордись дружбой этих людей.

Глава 17.

Открывай чужую дверь, чтобы и твою открыли.

- Здравствуй, Зинуля, - я поцеловал жену и отдал ей папку с материалами завтрашнего суда. - Как ты себя чувствуешь?

Зина тихо и светло улыбнулась. Ее белое утонченное лицо последнее время стало прозрачным, она все больше молчала, затаенно прислушивалась к чему-то.

Руки ее совсем стали тоненькими, как у подростка, длинные пальцы взволнованно подрагивали на моей груди.

- Завтра мне предстоит отстоять человека.

Я быстро поужинал и ушел в нашу спальню, сел за письменный стол.

- Тебе ничего не нужно? Я пойду к маме. Готовься.

Она все понимала, моя Зина. Мы уже год вместе, а я все еще не могу привыкнуть к такому единению душ, так не бывает. Она читает мои мысли, ее слова, движения и поступки полностью соответствуют молчаливым велениям моей души.

Это было в девяносто четвертом году. Я уже начал привыкать к холостяцкой жизни, мне уже не мешало одиночество, пустота и незаполненность времени, оставшегося после рабочего дня, да и, честно говоря, я полностью ушел в работу, писал по ночам докторскую диссертацию, готовил документы по созданию Гильдии, проводил конференции, ездил в командировки.

Но ведь от самого себя не спрячешься. И вот однажды, в воскресенье, когда мне не хотелось ни читать, ни писать, а на-

ступила какая-то болезненная маета, словно назревала гроза, раздался телефонный звонок.

- Что поделываешь, Григорий? - услышал я в трубке голос Виктора, земляка моего, бакинца, переехавшего в Москву следом за мной. - Марина пирог с капустой испекла, твой любимый.

Как же я обрадовался этому звонку. Меня поймут те, кто проводил такие дни в одиночестве, словно остановившись на лету. В такие минуты приходят странные мысли. Когда рядом нет нужного, необходимого тебе человека - никакая работа, никакие регалии и книги, написанные тобой, никакие кинофильмы или любимые книги не могут утешить. Они попросту неважны в такие минуты, потому что приходит откровение: нет ничего ценнее и прекраснее живого близкого человека, а человека-то рядом и нет. Мама уехала в гости, дети не звонили, только работы невпроворот.

И как же стремительно и беспрекословно опровергает эту убежденность звонок друга!

У Давыдовых были гости. Я заметил ее сразу, как только вошел в квартиру. В маленькой передней, еще не освещенной, в трельяже отразилась часть гостиной, стол и она, мелькнула, встрепенулась, вспорхнула, как птица, исчезла из зеркала.

- Кто у вас? - заинтересовался я.

Марина представила нас.

Ее звали Зина.

Она странно смотрела на меня, так еще никогда женщины не смотрели: прямо в глаза, подняв лицо к свету, словно была со мной знакома тысячу лет.

- Вы - москвичка?

- Зина - бабинка.

Вот тебе на! Тут пошли разговоры о Баку, кто где жил, кто кого знал.

- Вообще-то я уже пять лет в Ельце. Преподаю в старших классах. Странно, правда?

- Чего же тут странного? Вы прекрасно говорите по-русски, совсем без акцента.

- И это странно, - задумчиво произнесла она.

- Зиночка у нас романтик. Она в школе стихи писала. Очень хорошие, - вставила Мариша. - Зинуля, пойдем на кухню, нужно пирог вынуть из духовки.

Наши хозяйки ушли, а мы с Виктором остались. Я чувствовал в своем сердце такую благодарность за этот вечер, словно только что ощутил, какая тоска сосала мне сердце часом раньше, может быть, в самый пик одиночества.

- У Зины родители в Баку. Ты знаешь, там, на нашей родине, все эти безобразия еще не кончились. Издержки демократии и независимости. То затихают, то вспыхивают вновь. Ворвались в дом ее сестры. Соседей избили, разграбили и разорили мастерскую отца, сестру Зины с мужем тоже выгнали.

- Она замужем?

- Ты не понял, Зина не замужем, она в Ельце живет, сестра с мужем-армянином в Баку.

У меня почему-то отлегло от сердца. Когда она вошла в комнату с блюдом, полным яств, я смотрел на нее другими глазами. Она была свободна.

Я любовался ею.

Я присматривался.

Она была серьезна, даже грустна. Небольшого роста, с черной шевелюрой пышных волос, обрамляющих острые скулы и подбородок. Когда она села рядом со мной за стол, я спросил:

- Вы беспокоитесь за своих? Не грустите!

Зина посмотрела влажными огромными глазами, благодарно и внимательно.

Она еще не доверяла мне! Она не верила в счастье - вот что было написано на ее лице.

Взгляд ее говорил: я вовсе и не надеюсь, что заинтересую вас, что вы случайны в моей жизни, и уж, конечно же, понимаю, что вам не нужна ни семья, ни провинциальная учительница литературы из Ельца, на веки вечные.

- Елец - это в честь Ельцина? - шутил Витя.

- Вряд ли, тогда был бы Ельцинск, - смеялась его жена, - а жители - ельчинки, ельцинисты и ельчинята: ельчинчане?

Мы немного захмелели и вели, казалось бы, странный, если бы это было на свежую голову, но вполне обычный по своей откровенности для такого состояния разговор.

Витя Давыдов сидел в полоборота ко мне, подперев рукою голову.

- Скажи, Гриша, - спросил он, улыбаясь. - Если бы появилась возможность и тебе предложили съездить на экскурсию, что ты выбрал бы?

- Если бы мы дожили до того момента, когда человечество научится перемещаться во времени, то я хотел бы попасть в то время, когда жили первые потомки Адама...

- Гениально! - ахнул Витя. - Обычно люди говорят: в будущее, в юность, в младенчество, словом, в самые легкие и сладкие времена, а ты...

- Я всю жизнь, почти полвека, шел к разгадке истины жизни человека на земле, хотел знать, почему Б-г даровал ему вечную душу, а тело сделал смертным. И мне кажется, будь я ближе к истоку, к первым людям, я бы лучше это понял.

- С такой неиспорченной душой, Гришенька, можно нажать себе много врагов, - наклонилась ко мне, проходя мимо, жена Вити. - Много у тебя врагов, адвокат?

Я мысленно пролистал тяжелые страницы памяти, словно ища подходящие кандидатуры.

Витя, да и Зина ожидали ответа. Витя заметил:

- Это, кажется, Андрей Дементьев сказал:

Появляются недруги,

Значит, верно живу..

Зина встрепенулась и улыбнулась чему-то своему.

- Я недавно видела книжку, - сказала она, - сборник стихов одного банкира. Там что ни стихотворение, то посвящение. То мэру, то депутату, то налоговой инспекции, то полковнику следственного Управления ФСБ.

Все рассмеялись.

- Если по такому принципу друзей подбирать, то и врагов не надо. Такая дружба - ты - мне, я - тебе - похуже всякой вражды.

- Точно, Зиночка, - поддержал я. - Дружба по принципу материального состояния. У меня друзья - совершенно разные люди: и водитель, и адвокат, и знаменитый врач. Критерий нравственный! Академик медицины Виктор Маркович Шкловский дорог мне не потому, что его знает вся страна и весь мир, а потому, что он десять лет был лечащим врачом моей матери. А свою маму я бы плохому человеку не доверил! За эти десять лет наша дружба достигла апогея и мы стали просто родными, как будто он мой старший брат. Разве мне есть дело до его материального состояния. Богатство должно быть духовным!

- Именно, - кивнул Витя. - Друзей выбирают по принципу содуховности. А враги появляются, когда тебя возмущает в другом безнравственность, бездуховность, когда, опираясь на свои представления о правде, ты видишь, что человек нарушает нравственный принцип...

Мы еще пригубили вина. И продолжили беседу.

- Я тоже считаю, что у любого мало-мальски уважающего себя человека, имеющего собственное достоинство, должны быть враги, то есть не может их не быть. Нам часто приходится отстаивать свою позицию, даже свою честь. А тот, кто встречает сопротивление с другой стороны, к сожалению, попадает в разряд неприятелей. Ведь мы не обучены мирной состязательности. Даже в гражданском процессе стороны, пришедшие в суд, готовы в клочья разорвать одна другую, адвокаты или представители сторон зачастую ведут себя некорректно, да что там говорить, просто невоспитанно.

Иногда ты встаешь, приветствуешь суд, ответчика или истца, обращаешься к нему с вопросами, а на том берегу - полное невежество: отвечают сидя, перебивают, хамят, даже кричат. В моей жизни было достаточно врагов. Я же адвокат, и вся моя жизнь испещрена нападками. С молодых лет чего только ни было, и анонимки, и клеветнические измышления. А помните, как раньше обстояло дело с анонимками? Могли затаскать человека по комиссиям партийных комитетов и профсоюзов, разбить, уничтожить.

Этого мой отец боялся. В сущности, мы ведь - трагическое поколение. С одной стороны, не бывает так, чтобы пора юности нормальному хорошему человеку казалась нелюбимой, недорогой, немилой. И мне вот кажется, что лучше той поры не бывает! И быть уже не может! Но это было начало брежневских времен, полный застой, болото, когда еще не прошел страх сталинизма, и вместе с тем обнаружили рутину и бытовая беспробудность, безрадостность жизни многих и многих людей.

- Гришенька, я вот все время хочу и забываю тебя спросить, - встрепенулся Витя, - откуда у тебя такая фамилия, что она означает. Я помню, ты говорил, что фамилии твоих предков звучат иначе: прапрадед Ефром, или Ефрем. Прадед Евда бен Ефром, а дед Натан бен Евда, отец Борис бен Натан.

- Надо же, как мой муж знает твою родословную, - рассмеялась, входя, Марина. - Откуда?

Витя принял из ее рук блюдо.

- Сколько лет бок о бок пройдено! Да и потом, это очень интересно и, я бы сказал, экзотично. Само звучание этих имен, гармония восточных звуков!

- Когда установилась советская власть, - начал я, - один брат остался бен Ефромом, а другой, мой дед, взял фамилию по имени своего брата и стал Евдаевым. На самом деле мое имя можно было бы адаптировать к русскому языку и, если правильно все проследить, то по-русски оно звучало бы так: Ефремов Григорий Борисович.

Зина улыбнулась, и это была улыбка внимания ко мне. Клянусь, она говорила: пожалуйста, расскажите о себе еще.

Я посмотрел на нее, а она ответила спокойным взглядом, излучающим свет далеких звезд, и ждала продолжения моего рассказа. Теперь мне и самому хотелось побольше рассказать о себе и своем роде.

- Моя фамилия, звучащая на мусульманский лад, образовалась не случайно. Это история, подходящая для того, чтобы о ней писали в книгах, учебниках по добрососедству и миролюбию. Свою древнейшую татскую фамилию мы сменили на мусульманскую после того, как наш род подвергся опасности полного уничтожения по обету кровной мести. Мои предки жили в живописнейших местах Кавказа. Но как бы ни был красив и вечен Кавказ, это прежде всего горы. А у горцев представления о чести и достоинстве, как у высокогорных птиц. Горцы есть горцы. История эта уникальна, и по сей день ее рассказывают родители своим детям. От северного Азербайджана, в Кусарах, Худате, в Кубе, в Хачмасае.

Когда в 1888 году отец моего деда был убит, он был еще достаточно молодым человеком, если учитывать долголетие горцев. В солнечный день, когда воздух в горах становится хрустальным и светится в долинах голубоватой дымкой и, словно тонкой пеленой, покрывает виноградники и аулы в низинах, а к вечеру холмы, леса и сами горы начинают отливать янтарем, излучая теплый желтоватый свет по всем долинам и ущельям, в такой день лошадь на своей взмыленной спине, в седле, украшенном любящей верной женщиной, принесла мертвого хозяина к родному порогу.

Выбежала жена, выбежали сыновья во двор, да так и замерли от страшного зрелища. Тело отца склонилось к конской

гриве, ноги были плотно прижаты к бокам коня, а из груди моего прадеда торчал большой кинжал.

Женщина закричала и бросилась к мужу. Припала к его ногам, моля мужа жить ради нее и детей, целовать его ноги. Ник как не могли сыновья увести обезумевшую мать в дом. Они молча сняли отца с седла, вынули из его груди кинжал, и по кинжалу этому поняли все, что случилось. Сам узор на серебре рассказал им о том, кто убийца. По тому, что кинжал был в груди, сыновья установили, что не трус и не подлец убил их отца. Смерть пришла к гордому и сильному человеку, к настоящему мужчине, не опозорив его. Он умер, как настоящий представитель рода джугури: в седле от рук достойного врага.

Вот вам, кстати, и о врагах. Иметь достойного врага - великое дело.

Что же это был за кинжал? А кинжал этот был с таким узором, которого не могли не знать в семье Ефрома, вот уже полвека воюющей с семьей, чью фамилию я пока не назову.

Давно это было.

В начале девятнадцатого века.

Мой богатый пращур владел большими площадями земли на склонах Кавказа. Он был одним из первых фабрикантов, промышленников тогдашнего Кавказа. Но владел он землей не только в силу выкупа, но и по праву предков. Испокон веков она принадлежала моему роду, эта земля.

И вот пришли люди из Северного Ирана, большая семья, которая осела на нашей земле и со временем стала воспринимать место своего обитания - принадлежащим им по праву.

Началась война. Стоило только потерять в этой войне одного человека, как война начала косить всех мужчин обоих родов. Из поколения в поколение передавал враждебный род обет истреблять наших мужчин. Мой пращур стал последней жертвой в этой бессмысленной, потерявшей давно свои причины, войне.

Старший сын убийцы и старший сын моего убитого прадеда, мой мудрый дед, поклялись прекратить кровную месть. Как это сделать, чтобы какая-нибудь горячая голова не решила возобновить месть? Как не дать даже шанса вновь сотворить трагедию?

И тогда два рода решили смешать свои фамилии. Они поклялись, что каждый род именем убитого им в этом бою про-

тивника назовет своего родившегося сына. Тогда, зная о свершившемся, никто уже из обоих родов не захочет на человека с фамилией противника, так как всегда будет бояться, что убьет своего.

И вот они взяли имя Ефрем, а мы взяли имя Мирза, мусульманское имя, и поклялись, что имя это отныне будет их именем.

Лишь мой отец оживил это обещание, а я выполнил клятву предков. Теперь фамилию Мирзоев ношу я, мой брат и продолжатели нашего рода - мой сын Борис и Заур - сын Натана.

...И вдруг в глазах своей собеседницы я увидел будущее. Свое и своих потомков. Я только что говорил с ней о прошлом, совершенно забывая, что через сто лет кто-то вот так же будет сидеть у ног пока еще недосыгаемой женщины и рассказывать про меня, про то, каким я был...

...А каким оно будет, будущее?

Вероятно, тот мир будет намного чище, намного благороднее, намного ближе к тому, с чего начал человек, к истокам и чистоте, праведности. Человечество придет к своему спасению, может быть, ценой очередного потопа, но с помощью своих открытий божественных тайн природы человек сможет стать таким, каким он создан Творцом. Повышение ценности жизни человека - вот цель стремлений человека. Но даже и праправнуки мои не будут еще жить в таком мире. Еще двести - двести пятьдесят лет, и наступит всеобщее прозрение. Это произойдет в общественном сознании человечества. Но зачем ждать таких предупреждений человечеству, как Чернобыль или Степанакерт.

Мы не знаем, к сожалению, подлинной истории человечества. А если бы учили, читали больше, могли бы заметить, что Б-г находится в постоянном диалоге со своими грешными детьми.

Знаете вы, что на основе археологических открытий установлено, что каждые пятнадцать веков Каспий то отходит, то затопляет берега свои. И чем еще можно объяснить это уникальное явление, как не диалогом Б-га с неразумными своими детьми. Под водой остаются крепости, форты. Попыткой предупреждения человечества я рассматриваю новый прилив Каспия. Пусть задумаются приморские народы о том, как они живут, какую ошибку совершают в своей нынешней вражде.

...А ведь выходит, что я и моя фамилия есть олицетворение мира между двумя родами.

Все молчали какое-то время, обдумывая мой рассказ, потом Марина словно очнулась и сказала:

- А ты знаешь, Гришенька, в доме Мирзоевых в Салалаках жила семья великого русского поэта Гумилева и сам молодой поэт. Было это в 1903 году. Я недавно наткнулась на эти сведения в книге "Дело" Гумилева". Правда, трогательно?

Она наклоняла лицо и медленно исподлобья взглядывала на меня. Этот внимательный взгляд выдал ее. "Я вижу, что вы достойный человек, - словно бы говорил этот взгляд, - но я понимаю, что я гостья, случайная встреча и все". Она быстро переводила взгляд на Марину, на телевизор, но потом снова поднимала на меня ресницы. А я ждал этого.

- Вы не курите? Пойду на балкон, - сказал я. - Составьте мне компанию. Только позвольте, я помогу вам набросить пальто.

Мы пошли на балкон и Давыдовы не трогали нас. Витя был мировой парень, он был из тех мужчин, которые завораживают своей прочностью, надежностью.

Тогда на балконе мы с Зиной смотрели на звезды, а она рассказывала о себе так откровенно, что я был изумлен. Нет, не тем, что именно она рассказывала о своей непритязательной провинциальной жизни, о том, что нелегко женщине одной, о предрассудках российской глубинки и вообще о предвзятости, я изумился именно долгожданным, наконец наступившим вечером, духовной близостью женщины, голосом ее бархатным, с горчинкой.

Она рассказывала о себе, а мне казалось, что все это мне известно, ясно и очевидно, что я прожил уже с нею одну жизнь, и понятно поэтому, отчего она не говорит о своих далеких предках, о своих древних родах. В ее семье советская власть порезвилась всласть, оттого мать до сих пор не рассказывает историю ее семьи. Это - табу. Можно лишь гадать. Таты, единственные иудеи, могущие получить дворянство в России... Родом они из Иранского приграничья, села Привольное, там жили ссыльные аристократы еще с екатерининских времен.

И семь дочерей (ее сестер) выросли в пуританском воспитании. Но Зина, духовное существо, была, к тому же, по-толстовски "вполне хорошей".

Отец Зинаиды - Яков Юсупович - человек сурового нрава говорил: "Любая твоя сестра пусть выходит за кого хочет, а ты выйдешь только за принца".

Это заявление мне польстило немного.

...И ее мама - Полина Хайватовна, и моя мама, мечтавшая о моем счастье, и как потом оказалось, все сделавшая для того, чтобы мы с Зиной были вместе, и тем более - мы и впрямь не знали еще о том, что разыграется в наших душах такой огонь, что каждый из нас будет томиться долгой разлукой и щемящими встречами, что будут они - эти встречи, - ее приезды в Москву, мои к ней в Елец, и что за три месяца мы проживем все то, что пережили влюбленные герои всей мировой литературы, и заслужим право на счастье.

Спустя несколько дней после этой встречи, я понял, что не могу без этой женщины. Нет, конечно, жить-то я смог бы, но я постоянно чувствовал бы себя потерявшимся в этом мире человеком, который упустил шанс привести свою жизнь в гармонию.

Рождение дочери, быт и все, что сопутствует ему, не приземлило мою Зину, не сделало ее бездуховной. Она по-прежнему волшебна.

Часть третья СЛОВО АДВОКАТА

Глава 1.

Для глупца нет закона.

Ядолго не мог уснуть. Выходил на кухню, читал, курил на балконе (в то время я курил тонкие сигареты, их называли пахитосками - говорят, в них меньше никотина, - а взявшись за эту книгу, перестал курить вовсе), маялся, стоял под душем. Знал, что завтра тяжелый день и все-таки не мог заставить себя принять снотворное. Сон не может быть искусственным по своей сути.

Как-то эту ночь переживет Алина.

Я творил молитву:

"Б-г мой! Убереги язык мой от злословия и уста мои от лживых речей; и перед тем, кто проклинает меня, пусть душа моя хранит молчание. И пусть душа моя повергается в прах пред каждым. Раскрой мое сердце для Твоя Твоей, и да устремится моя душа к исполнению Твоих заповедей; и поскорее разрушь козни и расстрой замыслы всех, задумавших против меня недоброе..."

Список вопросов к свидетелям, в том числе к следователям, тезисы речи, копии материалов дела, выписки из протоколов, вопросы к Алине, предварительно оговоренные с ней - все было готово. И все-таки ощущение было такое, что что-то забыто мною и потеряна возможность это сделать.

С этим чувством я провалился в сон, а когда открыл глаза, не обращая внимание на яркое солнце, бившее в окно, прямиком с постели направился к книжной полке.

- Гасан, милый, ты в порядке?

- Спи, моя хорошая.

Я взял первый том "Братьев Карамазовых", и книга сама раскрылась на главе "Бунт":

"...Я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних..."

Я поглощал спасительные строчки одна за одной. Невозможно было представить, что без них я пойду на заседание. "Положим, я, например, глубоко могу страдать, но другой никогда ведь не может узнать, до какой степени я страдаю, потому что он другой, а не я, и, сверх того, редко человек согласится признать другого за страдальца"...

Она задала мне вчера вопрос, на который я не знал ответа: почему же следователи и судьи не любят ее так, как она должна их любить?

Я сказал ей вчера: "Должно быть, тебе не просто так дано это испытание". Может, Б-г проверяет в ней истинность ее веры, готовность к страданию ради очищения души. Не знаю. Только теперь я точно знаю, что именно мне нужно доказать этим людям, не чувствующим чужого страдания и не верящим, что можно еще в нашем веке страдать за идею.

Судья Аринкина сидела в центре зала, спиной к окну. Весь этот лазурный, золотой, ослепительный свет падал на людей, сидящих перед ней.

Да, мы уже сели.

Я и Карен Нерсисян по правую сторону от окна, спиной к клетке, так что судья и заседатели были от нас справа, а прокурор и секретарь суда напротив.

Когда секретарь доложила о явке сторон, свидетелей удалили из зала. Только тогда я увидел, как с заднего ряда поднялся худой, переросший меру, прыщавый парнишка, на длинных ногах запружинил к выходу.

- Ну, слава Б-гу, - услышал я тихий вздох Алины.

Секретарь, миловидная, но располневшая от сидячего образа жизни, девушка с распущенными волосами, всем своим видом показывала свою неотделимость от суда и суровым голосом произнесла: "Встать, суд идет".

Я молился и перед заседанием. Мне казалось, что я продолжал и сейчас творить молитву, не осознавая этого. Дело в том, что водитель - Коля, видевший утром мою маму и перекинувшийся с ней парой слов, как бы невзначай, сказал мне, когда ехали на процесс: "Гасан Борисович, а знаете, Дора Александровна сказала, что видела сон, - будто бы Алину выпускают из тюрьмы..."

Судья, немолодая женщина с обычной советской химией на голове, в цветастой блузке, в несколько приподнятом настроении рассмотрела вопрос о присутствии в зале заседания представителей телевидения. Ей явно хотелось попасть в историю.

- Возражений у защитника подсудимой нет?

- Нет.

Лаконичность фраз, напряженное внимание, легкость тона, стремительность мысли - вот что требуется от истинного юриста на процессе.

Судья хотела было начинать читать обвинительное заключение, но спохватилась и спросила:

- Нужно все обвинительное заключение читать или только заключительную часть? На прошлом заседании все его слышали...

Хорошо, что у адвоката есть то, чего нет у представителей государства.

Свобода духа.

Адвокат должен обладать и чувством юмора. Например, вовремя вспомнить, что Сталин и Швейк были тезки, тезками также были Маркс и Мюнхгаузен...

- Подсудимая, вам ясно обвинение?

- Да.

- Вы по-прежнему не признаете своей вины?

- Не признаю.

Молодец, Алина! Ни звука больше, не кричи, не рыдай на пышной груди правосудия, не остро слово, не пытайся ничего пояснить, говори только "да" и "нет".

На этом заседании суд должен был решить вопрос о возвращении дела на дополнительное расследование и в связи с этим об изменении меры пресечения для Алины на подписку о невыезде. Об этом просил я в своем ходатайстве.

- Защитником подсудимой, - громко провозгласила судья, - заявлено ходатайство о допросе в качестве свидетеля Крупнова Александра Анатольевича. Имеются ли возражения у обвинения? Для дачи свидетельских показаний в зал приглашается гражданин Крупнов Александр Анатольевич.

После ряда формальностей Саша взошел на кафедру для выступающих, опустил голову и исподлобья посмотрел на судью, потом на Алину.

Мне показалось, что время замедлило свой ход. Алину бил дрожь, я чувствовал это локтем, прикасавшимся к клетке: металл передавал поток электрических частиц, шедший от нее.

Когда я пожал ее руку сегодня утром, она была холодна.

- Я хочу домой, - протяжно попросила она.

-Алина, мы с вами идем на заседание, надо сосредоточиться и, главное, не падать духом...

- Очень обтекаемо, - усмехнулась Алина. - Я видела папу. Он замерз, поджидая мою каталажку. Вы сказали ему, что я ни в чем...

- Не виновна...

Мальчик долго ждал, когда к нему обратятся. Судья никак не могла уладить процедурные нюансы, перешептываясь то с одним заседателем, то с другим. Но вот она начала задавать вопросы, держа в пальцах ручку и управляя залом, как дирижер.

- Свидетель, расскажите о том, при каких обстоятельствах вы были привлечены к расследованию.

Саша, вероятно, долго не знал с чего начать.

И тут я понял - он вылитый Алеша Карамазов. Он не подведет. Я понял, что, несмотря на внешнюю смиренность, он не из робкого десятка и вполне принципиален. Узнав о том, что девушку держат в тюрьме до сих пор, он стал сам рассказывать об обстоятельствах, известных ему по делу.

- Я и мой друг Кирилл Белозерский, он сейчас в армии, год назад шли из кино. К нам подъехала милицмейская машина, двое людей в штатском преградили нам дорогу и сказали, чтобы мы ехали с ними. Мы попытались возразить, но тогда один из мужчин показал удостоверение, и ... мы поехали.

- Какое удостоверение? - перебила судья.

- Милицмейское, я сейчас не помню, там было написано... кажется... следователь или что-то другое...

- Применшили ли сотрудиники милиции к вам угрозы и насилие?

Саша испуганно посмотрел на меня, потом на судью.

- Нет, наверное. Просто открыли с этой стороны дверцу и подтолкнули нас в УАЗик. Они сзади стояли, мы уже не могли отказаться.

- Дальше.

- Было поздно, мы боялись, что родители будут беспокоиться. Вот. Ну, по дороге я стал думать, что нас арестовали за что-нибудь. Ведь они ничего не объяснили. Мы ехали, правда, недолго, чего там - два квартала. Оказалось, мы будем понятыми.

- Когда вам об этом сообщили?

- Когда мы вошли в комнату, там уже были двое парней, следователь другой, из ФСБ, конвоиры.

- Что же от вас потребовалось? - наседала судья.

- Мы сначала думали, как в кино, посидим, посмотрим, потом распишемся и уйдем. А следователь попросил нас написать свидетельские показания самим. Он парней тех приказал вывести, продиктовал нам кое-что и потом нажал на кнопку, чтоб их снова привели.

У меня радостно и возбужденно зачастило сердце. Я даже перестал чувствовать сердцебиение, ухавшее до этого момента в моей груди, теперь это был один сплошной ожог. Ну, неужели эти показания не смогут убедить суд в заказном характере расследования? Неужели это - не основание для освобождения оговоренного человека.

Нерсисян, выступая на прошлом заседании, уже говорил и о нарушении порядка задержания и обыска, и об отсутствии прямых доказательств участия Алины в торговле наркотиками. Но у следствия были два свидетеля, заявивших по полной форме о том, что они покупали у Алины наркотические вещества месяцем раньше. Пойманные с двумя граммами героина в метро, что квалифицируется уже как перевозка наркотиков в особо крупных размерах, они могли оговорить кого угодно ради смягчения наказания. Тем более, им было выгодно назвать продавцом не истинного барыгу, а того, кого прикажут.

Судья передала мне слово.

Я встал и, наклоном головы поблагодарив ее, сделал шаг навстречу мальчику.

- Александр, скажите, что это был за текст, который вы записали под диктовку следователя ФСБ? - я повернулся к суду и уточнил, - в деле документ фигурирует под номером двадцать один.

- Мы написали, что видели, как девушка, которую мы опознали только что, продавала этим двум молодым людям наркотики.

- Это соответствовало действительности?

Зал замер.

- Нет, - выдавил Саша и помотал опущенной головой. - Но мы думали, что так положено.

- Значит, - продолжил я, - вы написали показания, а что было потом? Когда в комнату вернули подсудимых Родионова и Грушецкого.

Саша поднял бровь.

- Еще и Алину Витухновскую привели. Следователь показал на них и только спросил нас: они? И что-то записал в протокол. Потом ручкой показал на два пузырька, лежавших на столе, и тоже спросил: эти? И снова записал что-то в протокол.

- Перед вами сидели только двое задержанных мужчин и одна женщина. Альтернативы не было?

- Конечно.

- Вы давали ему ответы на вопросы: видели ли вы когда-либо ранее эту девушку, этих молодых людей, видели ли вы, как они покупали у нее то, что лежало к вашему приходу на столе?

- Нет, - вздохнул юноша и положил кончики пальцев на висок.

Только теперь я увидел, насколько он напряжен, и понял, что мальчик слаб здоровьем, иначе бы и он сейчас пребывал в армии. Мне показалось, что сейчас он потеряет сознание.

Я повернулся к судьям и произнес:

- Прошу суд принять к сведению, что Александр Крупнов, как и второй понятой, Кирилл Белозерский, в момент дачи свидетельских показаний следователю и "приглашению" их в качестве понятых - не достигли своего совершеннолетия, то есть были не способны в полной мере осуществлять свои права и нести обязанности, предусмотренные законом. При этом они не были очевидцами при личном досмотре подсудимых Родионова и Грушецкого. Прошу принять к сведению показания свидетеля о множественных фактах нарушений действующего уголовного-процессуального кодекса РСФСР.

При этом, даже факт обыска подсудимых в присутствии свидетелей не мог бы служить доказательством того, что именно у Алины Витухновской они приобрели указанные в

деле наркотики. Есть еще один факт, требующий оценки со стороны суда: свидетельские показания Крупнова и Белозерского датированы разными числами, подписаны разными фамилиями следователей, и возраст свидетелей в следственных документах указан не соответствующий действительности. Что это, как ни нарушение множества статей уголовно-процессуального кодекса?! Я назвал их по номерам.

На этих словах судья стала перелистывать страницы кодекса, лежащего перед ней, и уткнулась в названные статьи. Я дал ей время на ознакомление с тем, как все-таки должны запрашиваться несовершеннолетние свидетели и вестись протокол. Затем продолжил:

- Следует повторно допросить свидетелей Родионова и Грушецкого с целью установления подлинных обстоятельств расследуемого уголовного дела по обвинению Витухновской в купле, продаже, перевозке и хранении наркотических средств.

- У вас будет время для произнесения речи, уважаемый защитник, - оборвала меня судья.

Я сел на место. Подумал: неужели скоро будут приватизировать зеркала?.. Ведь в этом мире все так очевидно. У них что, как у сказочного Кая из "Снежной королевы" в глазах осколки бесовского зеркала?

А впрочем: "мей прощать и не кажись, прощая - великодушней и мудрей других" - говаривал некогда Р. Киплинг.

Глава 2.

Соловей сказал: "Я не о том сожалею, что мне выкололи глаза, а о том, что суд вершила свинья".

Потом допрашивали следователя из ФСБ, следователей из РУВД, оперативников, которые чистосердечно рассказывали о том, как они любят и уважают закон, прилагаемые к нему инструкции и указания сильных мира сего.

Выступил прокурор - представитель Головинской межрайонной прокуратуры с краткой оценкой рассматриваемого вопроса. Он был категорически против освобождения Алины до конца слушания по делу, а также в случае направления де-

ла на доследование. Он не сомневался в соответствии следственных действий закону, даже после выступления Саши Крупнова.

Затем выступил я.

Я встал около стола вполоборота к залу. И тут же посмотрел на противоположную стену.

Ее не было.

Зал продлился в глубину, в конце его сияли белым солнечным светом окна. Там, в том конце, тоже сидели судьи. Пространство вытянутого зала суда заполнила голубоватая дымка. Издалека лица судей были неразличимы. Я понял, что это зеркало. Зеркало во всю противоположную стену. Как в репетиционном зале балета.

Но вот я увидел себя.

Тот человек, который стоял в глубине отражения, также держал в руках листы бумаги, белые фосфорицирующие листы. Он был в черном костюме, рубашка его тоже была белого люминесцентного цвета. Это подчеркивало смуглость круглого лица; отливающий бронзой лоб и черноту короткой стрижки. Он встал вполоборота к нам и произнес первую фразу.

"Уважаемые судьи! Позвольте мне привести здесь ряд доводов во всей их совокупности, наглядно демонстрирующих, что общество, которое вы здесь представляете, с болезненным любопытством готово осудить всякого, кто согнется под прессом системы, обречь изгоя на страшные мучения, о коих вы и не задумываетесь в своей слепоте и глухоте".

Так говорил мой двойник, и слова долетали до меня с того конца зала.

- Прошу вас, - голос судьи вывел меня из оцепенения.

Я поглядел на нее и решил вступить своей арией. Наверное, у меня от бессонной ночи - галлюцинации. Я старался не смотреть больше в зал и на противоположную стену.

- Уважаемые судьи, - начал я. - По общим правилам уголовного процесса задержание производится в целях выявления причастности подозреваемого лица к преступлению и решения вопроса об его аресте. Но эта мера не всегда необходима. Она применяется, должна применяться, лишь в том случае, когда есть достаточные основания полагать, что лицо совершило преступное деяние, чтобы пресечь

преступную деятельность. Мера пресечения в виде заключения под стражу также не является наказанием или способом исправления.

При этом необходимо учитывать особенности личности.

Чем опасна для нашего общества Алина Витухновская? Были ли у следствия достаточные доказательства ее причастности к торговле наркотиками, когда производилось задержание, когда выбиралась мера пресечения, ведь очная ставка с гражданами Родионовым и Грушецким была спустя неделю после задержания?

Выходит, мера пресечения превращена в средство доказывания. Допустимо ли это? Не является ли это прямым и неременным путем к следственной ошибке?...

Только бы не отойти от темы. Адвокат не должен огульно обвинять следствие в тенденциозности, в превышении служебных полномочий, в незаконном лишении свободы, в привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности, а также в воспрепятствовании журналистской деятельности.

В том-то и сложность адвокатской работы: адвокат не обвиняет, адвокат защищает своего доверителя, подзащитного, он может собирать и представлять любые материалы и документы, смягчающие вину или свидетельствующие о его невиновности, но он не может представлять доказательства, которые суд рассматривал бы наряду с доказательствами, добытыми следствием.

Во-первых, действующее уголовное законодательство не дает такого права адвокату, а во-вторых, не обеспечивает гарантии адвокатской деятельности, что как раз и усматривается из неравенства прав обвинения и защиты.

Известно, что еще в Вавилонском Талмуде, да и в других древних источниках права под состязательностью понималось не только право обвиняемого на защиту от предъявленного обвинения, но и обеспечение минимального равенства, то бишь, хотя бы приблизительного баланса прав, скажем, защитника и обвинителя.

Но мы живем не по Писанию.

И где те совершенствователи древних источников, которые придумали, что российский прокурор вправе: и возбудить

уголовное дело, и принять решение об избрании меры пресечения к подозреваемому, и расследовать само дело, и предъявить обвинение, и утвердить потом обвинительное заключение, и еще потом выступить в суде в качестве обвинителя, и наконец, осуществить надзор за точным и единообразным применением закона тем же судом.

Для чего тогда все остальные в этом мире?

Даже в не очень развитых странах у адвоката есть права на свое адвокатское расследование, он может предоставлять следствию и суду добытые в собственном расследовании доказательства, имеет право договариваться с прокурором до оглашения приговора о мере наказания своему подзащитному.

Об этом пока не может наш адвокат даже мечтать.

... Я почувствовал, что корабль защиты близок к рифу. Не выдержал, обернулся и посмотрел в зал. То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Зал, отраженный в огромном водянистом зеркале, тлел, как может тлеть под утро костер. Прогоревшие доски столов, стульев, половиц и упавших балок чернели, и внутренний огонь все еще вырывался из-под них. Как ни странно, там все еще сидели слушатели. Такие же опрятные и неподвижные, как и прежде. И, о ужас! они сидели лицом ко мне. Что это должно было означать?!

Я увидел адвоката. Я различил его за дымовой черной завесой. Теперь он был в длинной и рваной холщовой рубашке, весь перемазанный гарью и кровью, словно один он принял пожара. Он был теперь еще более черен ликом, походил на юрдивого. Взгляд его был безумен.

- Что вы знаете об этом человеке? - вопрошал он тех, кто сидел к нему спиной. - Нянчили вы эту девочку, выкармливали, выхаживали? Вкладывали вы в ее душу доброту, а в умную головку - талант? Проводили ли вы с ней бессонные ночи, когда она болела? Успокаивали ее, когда она теряла близких? Вы хотя бы ощущаете ту боль, которую испытывает ее сердце, когда на ее руках защелкивают наручники? Когда ее унижают, когда сокамерницы лезут на нее, чтобы изнасиловать или избить, а то и просто поиздеваться? Это ваше страдание порождают ее вши и ее камень в почке, который то и дело поворачивается и может, наконец, закрыть выводной канал, привести к смерти? Чем вы объясните своим детям то, что пытаетесь

отнять жизнь у невинного человека? Ведь ваш грех ляжет на плечи ваших детей?

Он приближался ко мне, и я озирался на присутствующих, на прокурора, внимательно слушавшего меня. Нет, никто не видел моего двойника. Внезапно все вокруг вспыхнуло и оплыло, как шоколадные фигурки. Мой двойник, в сюртуке или камзоле, застегнутом на все пуговицы, с выбивающимся кружевным жабо, возвращался на свое место. Я оторвал от него свой взгляд.

- Известны случаи, - произнес я, - известны случаи, когда задержания свидетелей производились для получения желаемых показаний. Такое воздействие приводит к фальсификации доказательств и вынесению неправосудных приговоров. Если проследить от начала до сегодняшнего момента ход расследования и судебного рассмотрения дела, мы увидим массу нарушений. У следствия не было никаких оснований полагать, что Витухновская скроется и что она опасна для общества. Обыск в ее доме был проведен в отсутствие понятых, и уже повторно проводился с привлечением таковых.

Моя подзащитная была вызвана на допрос лишь спустя неделю после задержания. Очная ставка с так называемыми покупателями и того позже. В протоколе задержания, в графе "мотивы задержания" записана недопустимая формулировка "для установления истины по делу".

Это, иными словами, называется произвол. А давление на обвиняемую в виде склонения ее к раскрытию профессиональной тайны - это уже названия не имеет. Ведь в деле существуют упоминания о подобных допросах в виде письма начальнику следственного изолятора из Федеральной службы контрразведки и справки о транспортировке обвиняемой к месту допроса. Естественно, протокола на Лубянской площади никто не вел, но ведь не на прогулку возили туда Витухновскую. Хотя, на крыше этого "величественного" здания и существовал некогда прогулочный дворик...

Вот что я сделал затем. Стал прохаживаться по залу, как учитель. На передних рядах сидели представители Пен-центра, Битов, Кучкина, отец Алины.

Алина выглядела в своей клетке потерянной и смирившейся. Унылый вид ее не обещал ничего хорошего. Я дошел до двери, до той самой стены, на которой не оказалось никакого

зеркала, никакого намека на эксперимент неземных сил, развернулся, чтобы идти на свое место, и вдруг дверь за моей спиной скрипнула, я отчетливо слышал это, и в зал кто-то вошел. Я не оглянулся, потому что знал, кто это.

Мама.

Вокруг себя я увидел огонь: огненная плацента окутывала мое тело, я чувствовал жар этого огня, я дотрагивался до него рукой.

- Послушайте, госпожа **судья**, **судари**, **сударыни** - **суд**, взявший на себя ответственность за **судьбу** человека!

Русский Пен-центр в лице видных деятелей российской культуры, журнал, где работает Алина Витухновская, готовы дать поручительство, сама подсудимая и ее защитники несколько раз ходатайствовали перед судом об изменении меры пресечения на подписку о невыезде.

Суду представлены характеристики подсудимой для выяснения судом личности и обстоятельств жизни Витухновской.

Она талантливый человек, заботливая дочь, внучка, член Союза писателей, который также ручается за нее, она поэт. Вся ее вина в том, что она имела смелость поднять тему наркомании в прессе, провести свое журналистское расследование.

Есть Закон "О средствах массовой информации", который запрещает вмешательство в журналистскую деятельность такого рода, есть, в конце концов, статья 144 Уголовного кодекса. Почему же мы не уважаем собственные законы и продолжаем действовать методами тридцатых годов, начиная преследовать инакомыслящих, не заботясь о доказательственной стороне дела?!

"Блуждает человек, пока в нем есть стремленья", - сказал Гете.

Алина Витухновская еще очень молода, но она пытается противостоять порочной системе, коверкающей человеческие судьбы. Она выстоит, хотя здоровье ее уже серьезно подорвано длительным пребыванием в камере.

Восстановите же справедливость, господа судьи, примените принцип необходимости в избрании меры пресечения и направьте следствие в русло законного и нравственного установления истины!

Через полчаса судья прочитала определение...

...Мы стояли на склоне оврага, внизу шла асфальтированная дорожка, а еще ниже расположились частные дома деревянной части городка.

- Голова кружится, - произнесла она, вороша ногой сухие бесцветные листья, устлавшие склон. - Как хорошо! Я поеду домой.

Она так устала, что, кажется, даже не могла радоваться. Мы все были истерзаны трехчасовым заседанием. Так истерзаны, что ноги не держали.

- Я придумала новый знак препинания, - сказала Алина, - три запятых, вроде троеточия. Они могут забрать меня снова?

- Только по определению суда. Дело продолжается, твой знак очень сюда подходит.

Она села на корточки и стала трогать землю, листья, корни росшей рядом березы. Она вдыхала запахи далекого костра: где-то жгли листву.

Мой водитель Коля, упоенный прозорливостью моей мамы, поздравил меня с победой, а Алине подарил букет красных цветов...

Я смотрел на Алину и думал о том, что повлияло сегодня на решение. В нашем государстве так непредсказуемы настроения судей.

Это, видимо, потому, что правосудие наше общественно опасное, а преступление, наоборот, общественно полезное.

...И немедленно придумал афоризм: "Мир поскорее должен превратиться из театра в адвокатуру".

Потому что пока он - театр, в кабинетах адвокатов вполне могут быть установлены подслушивающие устройства...

Глава 3.

С ослами будь ослом, не обнажай свой лик...

О. Хайям

- Девочка, дочка.

Кто-то шепнул надо мной эти нежные, как женская улыбка, слова.

- У вас дочь, Гасан Борисович.

Мой помощник прокрался в зал, где выступал в это время представитель Президента, вымучивал послание конференции. Я встал в полный рост, простоял так, как зависший над городом праздничный салют, переливающийся всеми цветами радуги, потом отер пот с лица и побежал из зала.

Помощник, пригнувшись, ринулся меня ловить.

- Гасан Борисович, куда вы, не дергайте, это же щитовая. Вот дверь!

Я выбежал в фойе Кремлевского дворца, прокатился на скользком мраморном полу до стеклянного подъезда и, сунув билетершам свой номерок от гардероба, выбежал на улицу. Помощнику пришлось возвращаться за моим пальто. Я бегом спустился к Кутафьей башне, перебежал дорогу к зданию Манежа, нашел свою машину.

- Гони, Саша, милый, в роддом, на Чистые пруды. Остановись только где-нибудь у метро, цветов купим.

Мы неслись по Манежной, потом поднимались к "Лубянской площади Дзержинского", взяли курс на Богдана Хмельницкого.

- Слушай, давай, гони, Модест, я опаздываю! - повторил я, путая от волнения имя шофера, вернувшись в машину с охапкой гладиолусов. - У меня дочь родилась.

- Будет сделано, Гасан Борисович, - радостно крикнул водитель. - Домчим, раз такое дело. За такое и ГАИшники не оштрафуют.

Спустя несколько минут он улыбнулся и добавил:

- А куда вы опаздываете-то? Там что, последний день детей выдают?

- Не знаю, только ощущение такое, если не увижу, если не буду там, умру!

- Эко вас как!

Мы мчались по пустой площади, разбрызгивая серую жижицу, рассекая водянистый октябрьский воздух. Мимо пролетали мрачные сталинские здания, церквушки, на нас надвигался Политехнический.

Справа раздался прохаркивающийся кашель мегафона: "Черная Волга 53-52 ММА, остановитесь у тротуара."

- Ой, - по-детски ойкнул Саша, - это же нас! Да как же это!

- Остановись, поговорим.

К моему приятному удивлению, инспектор ГАИ сам подошел к нашей машине и склонился к открытому окошку водителя.

- Превышаете. Попрошу предъявить... - потом он сбавил тон, расслабился и усмехнулся, - что ж ты, Вася, жизнь хорошим людям осложняешь?.. Багажникек откроем!

В тот сезон, как никогда, охотились на незаконно перевозимое оружие, останавливали каждую вторую машину для досмотра. Я выскочил следом за Сашей.

- Инспектор, прошу вас не наказывать водителя, это я потребовал превышения скорости.

Инспектор медленно посмотрел на меня, и когда взгляд его дополз до моего лица, он застыл и сам изменился в лице.

- Я что очень похож на злодея? - пошутил я.

- Вы очень похожи на лицо кавказской национальности, - сплунув, проговорил он. - Паспорт!

- Быть родом с Кавказа - это основание, чтобы у тебя потребовали удостоверение личности?

- Да, - основательно и убежденно ответил инспектор, средних лет мужчина, худой, лысеющий, сероглазый, бесцветный.

- Гасан Борисович, да покажите ему ваш паспорт! - махнул рукой Саша и обратился к инспектору: - Товарищ майор, мы в роддом спешим, у человека дочь родилась.

Инспектор поджал губы. Он не обрадовался новому человеку. Он поднял брови. Он сунул мой паспорт и права Саши в карман и пошел к своему мигающему белому монстру. Он буркнул на ходу:

- За мной следуем.

Я раскипятился не на шутку.

- Я ему устрою, - шипел я в машине, не слушая уговоры водителя. - Я его по миру пушу за оскорбление, он у меня...

- Гасан Борисович, да его собратья потом нас на каждом углу останавливать, подлавливать и шмонать будут, Гасан Борисович! - умолял Саша. Я не слушал его!

Мы приехали в местное Управление ГАИ и молча проследовали в здание. Я распахнул пиджак и растянул галстук, расстегнул воротник. Все во мне дрожало от негодования: такие мгновения мне испортил, щенок!

Неожиданно откуда-то издалека раздался возглас:

- Гасан Борисович, вы ли это?

По широкой белой лестнице, раскинув руки для объятия, спускался Ринас, я и забыл, что у меня давняя дружба с ГАИ. Когда-то защищал его в гражданском процессе.

- Что случилось? Вы с цветами?

- Рождение человека случилось. - крикнул я, хотя тот уже приблизился ко мне и обнимал меня, притягивая и похлопывая по спине. - А меня приволокли сюда, чтобы с грязью смешать! Но только, если вмешаешься, дружбе нашей конец! Я сам с этим инспектором разберусь!

- Да что ты, что ты, Гасан? - Ринас, посевший за последнее время, что мы не виделись, замахал ладошками. - Тебя обидел кто? Ничего не пойму. Кто родился-то? Ты не пьян!

Тут майор, задержавший нас, отдал Ринасу честь и отпортовал:

- Превысили скорость, товарищ полковник. Доставлены в Управление для выяснения личности и составления протокола.

Ринас спустил улыбку, монгольские скулы его заходили ходуном. Он тихо спросил:

- Физиономия тебе его не понравилась, а, Толмачев? Не твоя, не соломенная, а другая, с черными волосами и глазами?

- Вы же знаете, товарищ полковник, нас инструктировали... проверять...

Саша открыл мне дверь.

Почему я должен чувствовать неловкость от того, что я - тат, что я родился в Азербайджане, что я люблю свой народ, в конце концов, из-за того, что я смугл, что у меня не голубые глаза?

Меня вполне устраивают и мои черные глаза, и моя кровь, и моя национальность. Чем я заслужил уничижительные облавы и досмотры?

Установил ты мою личность, Пинкертон?

Легче тебе стало от того, что "лицо кавказской национальности" оказалось зарегистрированным в Москве, заслуженным юристом России, доктором юридических наук, академиком, Президентом Гильдии российских, паршивец, российских адвокатов?

Представляю, что было бы в такой ситуации с моим простым земляком, не имеющим регалий.

Кто же тот нечестивец, который опорочил весь кавказский народ настолько, что мы все теперь не заслуживаем любви и уважения?

Неужели лучшие из нас не искупили вину тех отщепенцев, которых у любой народности хватает.

И почему из-за горстки чеченских террористов гонимыми и презируемыми становятся представители других кавказских народов?

И тут я почувствовал, что ужасно хочу понять это. Я, как порой женской ласки, захотел в тот момент расстаться с тем майором по-дружески, ведь он-то в общем выполнял профессиональные обязанности.

Вот почему я вернулся.

От машины побежал обратно, стремглав, так что дежурные встали в недоумении. Саша перепугался до смерти, могу себе представить, думал, может я со своим необузданным темпераментом еще прирежу его.

Прямо с букетом я подлетел к ним. Майор с полковником еще стояли внизу, полковник, раскрасневшись, что-то выговаривал подчиненному.

- Ринас Александрович, и вы, майор, извините меня. Я ... - я не смог договорить, потому что вдруг увидел, что в глазах у них, у обоих, стояли слезы.

- Дурацкий мир, - сморщился майор и стал вытирать глаза рукавом. - Простите, Гасан Борисович.

- Гасан, пойдем ко мне, на секундочку поднимись. И водителя своего бери.

Я молча, с распахнутым легким сердцем, поднялся на второй этаж административного корпуса. Ринас пропустил меня и Сашу в свой кабинет, а сам выглянул в коридор и что-то приказал майору и дежурному. Потом молча налил в три больших бокала коньяку и спросил:

- А кто родился, я не понял?

- Лицо кавказской национальности, чистокровная таточка!

- Татарочка, что ли?

- Нет, Ринас. Есть такой народ в России - таты. Маленький народ, исчезающий. Чистый, наивный, трудолюбивый и

очень древний народ. Народ-странник, народ-воин, народ-философ. Мало нас осталось, уходят светлые души на небо и Б-г не отпускает их обратно, потому что любит мой народ. Ан нет, родилась еще одна татка - моя дочь!

- Так чего ж ты тут стоишь? Пейте быстро и вперед.

- А ваши орлы потом не... - засомневался Саша.

- Обижаешь.

Спустя полчаса к родильному отделению городской больницы подъехал кортеж в количестве четырех ГАИшных иномарок с включенными немыми (чтобы не перепугать роженниц) мигалками и наша "Волга", украшенная лентами и воздушными шариками стараниями этих сложных, испорченных, обидчивых разбойников больших дорог, у которых все-таки есть совесть.

Выйдя из машины, подойдя ко мне с виноватым, но в то же время просветленным лицом, Ринас кивнул на здание, возле которого остановились наши машины. Здание было старинное, роддом располагался где-то внутри, в другом корпусе, не выходящем на улицу. Но все оно - целый квартал - было выкрашено в ярко-бирюзовый цвет, а старинная лепнина - в белый.

- Посмотри-ка, Гасан Борисович! А ведь дочурка твоя родилась в знаменитом, отмеченном Б-гом здании.

Он кивнул на стену. И тут я обратил внимание на табличку, прикрепленную к стене. На ней значилась надпись. Сердце мое зашло от восторга: "В этом здании в усадьбе Апраксиных в 1805-1811 и в 1820 году бывал А.С. Пушкин."

Пушкин! Гений!

Гений, избавивший всех людей от необходимости разгадывать, какому народу он принадлежит, потому что он принадлежит всему миру, - бывал здесь, ходил по этой мостовой, осенил своим присутствием дом, где родилась моя дочь!

Такой же кортеж встречал мою принцессу с ее мамой в день выписки. Маленькую продолжательницу рода татов везли по столице мира, как самый ценный и благословенный дар нашего народа этой суровой и милосердной земле.

Глава 4.

Люби чадо свое, и да наполнится душа твоя радостью.

Тысяча девятьсот девяносто седьмой год - это тот период в жизни моей, когда человеку дается побывать в нескольких пространственно-временных измерениях, прожить несколько жизней сразу. Бывает такое.

И радостное, и горестное ждало меня впереди, когда в мире моем сердцу семейном кругу встречали мы этот год: мама, Зина, я и Полина - наша годовалая дочь.

Когда я впервые увидел ее глаза - огромные круглые черные глаза с узкими полосками голубых белков - я понял, что она все знает про этот мир. Зина держала ее на руках, а та откидывала головку, поворачивала ее, совершенно разумно всматривалась в меня, словно говоря мне:

- Я тебя знаю. И я знаю свой путь, и я знаю этот прекрасный добрый мир, принявший меня, давший мне новое тело.

О, это был уже самостоятельный, отдельный от нас с женой человек, со своей судьбой, уже начавшейся, уже начертанной Г-дом.

Мы называли ее Полина, Павлина, Павла. Это древнее имя. В конце концов именно Павел Исповедник принимал грехи и прощал их.

Душа ее многоопытна и мудра.

Все взаимосвязано в этом мире, поэтому когда не стало мамы, Полина вдруг начала улыбаться и смотреть своими детскими глазенками точно так же, как смотрела моя Мама. В ней я узнаю свою кровь, свою мать, свою судьбу и убаженное сердце мое, познавшее за полвека и радости и печали, омываемое счастьем и молодеет.

Это уникальное создание. Когда еще пятидневное существо, крохотное тельце я держал на своих руках и смотрел в ее глаза, я увидел, что и в этом возрасте она помнит уже очень многое из своей прошлой жизни.

Я вижу в ней своих предков, свою бабушку Нэнэ; ее нравение передалось моим дочерям, ее живость, стремительность, мудрость.

- Наш характер! - говорю я, глядя на трехлетнюю девочку, открыто глядящую на мир.

- Как она любит тебя! - улыбается Зина, провожая меня на службу, а ребенок выходит из-за материнской юбки и вдруг тихо произносит:

- Папуля, а ты - волшебник?

Я удивленно смотрю на нее и не знаю, что ответить, ведь в каком-то смысле я действительно волшебник. Вот хотя бы взять эту кроху, это невероятное создание: мое и Зины.

- Почему волшебник? - уточняю я.

- Старик Хоттабыч тоже был Гасан!

Вот это логика. Тут уж никуда не денешься. Но, увы, я не могу летать на ковре-самолете, я не умею создавать и дарить всем тысячи "Эскимо", я даже не уверен, могу ли я быть услышан Б-гом, которого прошу дать всем людям одновременно прозрение и дар понимания вечных истин. И лишь в такие минуты, когда я смотрю на это чистое создание, мне кажется, что я всесильный добрый волшебник, потому что в такие минуты я знаю, в чем смысл жизни. И кажется мне, что в такие минуты Б-г, пролистывая книгу моей жизни, добавляет в нее новые страницы. И если Земля - это полигон для исправления человеческих душ, то самое дивное лекарство для души, самый точный путь очищения - дети. Вот стоишь, смотришь в ее лучащиеся большие глаза и не хочешь отрываться.

Она, кажется, думает о своем.

- Папуля, Гасаня, счастливого пути!

- Ах, ты моя хорошая! Дала мне новое имя.

Я не удерживаюсь и поднимаю ее высоко к потолку. Сердце человеческое молодеет, когда ребенок радуется.

Теперь я с радостью тороплюсь домой: меня ждут, я нужен, я соскучился по двум моим самым дорогим людям, жене и дочери. Я прихожу с работы поздно. Но Полина ждет, она играет со своей любимой куклой в своей комнате, но чутко прислушивается к каждому шороху на лестнице и в прихожей. Зина с ней, она читает, у нее уже готов ужин и прибран дом.

Она встречает меня в прихожей, оставляя девочку на полу, в детской.

Я вхожу в комнату дочери и она смешно задирает свое личико, завиток на макушке спадает на ее спину.

- Чем ты занимаешься, любовь моя? - я заглядываю первым делом к Полине.

- Вот, - по-детски серьезно вздыхает она, - думаю, что мой Ленька зимой замерзнет, посмотри, на нем только летняя одежда. Ты посмотри, - качает она головой так, как моя мама качала, - зима наступила, а у моего Леньки нет теплой одежды, кукла в летних штанишках.

И тут я вспоминаю, как мама говорила почти такую же фразу нашему отцу:

- В чем Гасанчик будет ходить зиму? Ты опять отдал получку в Фонд мира...

Отец был строг. Он все время повторял, что человек должен всегда отвечать за свои поступки. О, он не простой смысл вкладывал в эти слова. Я знал это. Вернее, теперь понимаю. Он пережил тяжелые годы советской власти. Вокруг него рвались снаряды и мины: это его товарищей забирали в НКВД. То дело железнодорожников, то врачей... Отец не мог до конца поверить в то, что государство, построенное большевиками, было преступным. Он не понимал, как и многие тогда, что определение государства, как "аппарата для подавления..." - это определение насильственного государства, что за этим определением стоят сотни и тысячи человеческих жизней. Одновременно, он был верующим человеком. Именно это делало его одним из тех коммунистов, которых никто не осудит во веки вечные. Он действительно олицетворял коммунистическую мораль с библейскими истинами.

При жизни отца, в силу устоев нашего народа, нашей семьи, было заведено: отец - верховный судья, мудрый глава семьи. Уважение к нему было беспрекословное. Мы часто беседовали с ним. Это были философские вечера. Мы говорили на равных. Отец позволял мне высказывать свою точку зрения о смысле жизни, о роли партии, о человеческом обществе. Он говорил, что нужно уметь вписываться в коллектив, находить точки соприкосновения с людьми, избегать острых углов.

Но мама... Это светоч любви и ласки. Перед ней я раскаивался, как перед Б-гом. Именно она воспитывала нас жертвенно. С одной стороны, сама приносила себя в жертву детям, мужу, всем людям до конца, с другой стороны, своим примером создавала и в нас способность полного самоотречения.

Однажды она продала свое последнее пальто, чтобы купить мне костюм. Я должен был идти на выпускные экзамены восьмого класса. Мне не только в голову не пришло заботиться о своей одежде, я ведь был уверен в своих знаниях, но я даже не придал значения покупке, пока тетя Рая, сестра мамы, не рассказала мне ее тайну.

Я и сам заметил как-то, когда наступили осенние холода, что мама ходит в своем тонком демисезонном пальтишке. Как-то застав тетушку у нас в гостях, я разговорился с ней, пока мама была на кухне.

- А знаешь, ведь мама продала свое зимнее пальто, Гасан, - тихо сказала она. - Хороший костюм тебе купили?

Именно тогда я забрал документы из средней школы и отдал их в вечернюю школу. А днем работал на заводе, чтобы заработать на пальто маме.

Ее нельзя было огорчать. Огорчить ее было все равно, что обидеть. И когда из-за мальчишечьей шалости мне приходилось краснеть перед мамой, мне прежде всего было стыдно, что я огорчил ее.

Мы увлеченно обсуждаем с Полиной, как помочь Ленке выстоять в зимнюю стужу, пока Зинуля разогревает ужин.

- У южного ребенка и кукла мерзлячка? - улыбается она, заглядывая к нам.

Детская комната натоплена, здесь всегда пахнет молоком и детскими вещами. Мы сидим на полу, и лишь свет ночника освещает нас.

Когда мы остаемся одни, девочка, которой идет четвертый год, смотрит на меня, потом откладывает куклу, бережно так откладывает, совсем по-взрослому накрывает одеялом, поворачивает ко мне голову и говорит:

- Если мама умрет, то папа, ты мне, пожалуйста, новую маму не приводи, я сама буду тебе, как мама.

Несмотря на путаницу понятий, эта фраза поражает меня! "Я сама буду тебе как мама"...

Спазм сжимает мое горло. Словно мне было видение Б-га. Словно что-то сверхъестественное произошло сейчас. Этот ее голос и потусторонний взгляд Вечности.

Что это? Может быть, мама разговаривает ее устами со мной, может быть, моя дочь - взрослее и мудрее меня. Откуда она знает редкие татские поговорки на нашем родном языке? Кто научил ее этому серьезному, проникающему в мою душу, взгляду?

Не знаю, правда ли, что все поздние дети - особенно умны, развиты и талантливы... Конечно, от родителей зависит. Но каждый родитель, каждый отец захочет погордиться тем, что трехлетний ребенок - вдумайтесь: ведь только три года на свете живет в новом обличье - а уже знает все буквы, читает по слогам, называет огромное количество цифр, рассуждает...

Однажды я спросил трехлетнюю дочь:

- А как отчество твоего Леньки?

Она думала мгновение, потом сказала:

- Сергеевич.

- Значит твой будущий муж, Ленькин отец - Сергей?

Она кивнула...

Я укладываю ее в кроватку и обещаю прийти после ужина, рассказать сказку.

- Ты знаешь, - говорю я Зине, - мне кажется, что она будет выдающимся человеком, вот помани мои слова.

Я иногда думаю о том, что Зина и мои дети, мои племянники, мои внуки будут жить после того, как Г-дь заберет мою душу к себе. Я буду смотреть на них с Неба, но уже не смогу помочь, подсказать, поддержать в трудную минуту. Наверное, человек должен думать о таких вещах и стараться сделать так, чтобы уйдя, видеть с того света своих близких счастливыми и здоровыми, сильными и стойкими.

Эта девочка будет счастлива. Эта девочка отмечена Б-гом.

Она не спит. Только я приоткрываю дверь в ее комнату, она отрывает голову от подушки:

- Сказку!

Меня до слез трогает ее настойчивость и упорство.

- Так, детка! Молодец! Ну, что же, расскажу я тебе сказку. Слушай.

Жили-были отец и мать. И было у них десятеро детей. Не очень богато жили, но хлеб свой своим трудом добывали. Мать хранила в доме огонь, родной очаг поддерживала, дети и муж трудились: кто на виноградниках, кто в поле, кто в го-

рах пас стада. Красивое место было. Вокруг их небольшого дома росли сады, дальше шли виноградники, то спускаясь в долины, то поднимаясь в голубые горы. Целый день, пока мужчин не было дома, мать работала по хозяйству. Она и одежду шила, и ткань изготавливала, и за скотиной ходила, и дом приводила в порядок, и, конечно, готовила вкусную кашу мужу и детям на ужин.

Но все равно малый был доход в семье. Когда собирались все ее любимые под родной крышей, когда садились они за широкий деревянный стол, мать только и успевала накрывать да следить, чтобы всем еды хватило. Первая, самая большая порция полагалась главе семейства. Ведь он был самым сильным в семье, и вся работа, все тяготы труда лежали на нем. Он и сыновей в труде воспитывал, он и за семью отвечал. Он представлял семью в ауле, он защищал своих детей и жену, он же и созывал гостей и решал все самые основные вопросы.

Потом мать раздавала порции детям. Все выкладывала на тарелки, что удалось ей приготовить. Ничего не жалела для своих родных детей и мужа, а когда приходили гости, то в первую очередь их кормила и поила. И часто случалось так, что тарелка матери оставалась пустой и чистой, потому что настоящая мать забывает о себе и никогда не забывает о своих детях, о своей семье.

И вот тогда самый мудрый и опытный из всей семьи - отец - брал свою большую ложку, зачерпывал побольше каши из своей тарелки и отдавал жене. А за ним и все десять сыновей повторяли: брали по ложке каши со своих тарелок и отдавали матери.

Если открыть Вавилонский Талмуд, можно прочитать ту же истину, что и в наших древних сказках и притчах: между людьми должны быть такие законы, какие существуют в народной мудрости, каждый должен дать со своих доходов часть тем, кто живет хуже его. И прежде всего человек должен заботиться о матери.

Потому что, доченька, нет ничего дороже на свете для детей, чем Мать, а для Матери нет ничего дороже на свете, чем дитя, семья и мир, благостный и цветущий, который еще откроется тебе во всем своем великолепии. Но знай, что главное на этой земле, чтобы мама всегда была согрета теплом твоей любви. Чтобы она была сыта и здорова! Ничего святей нет у человека, чем мать, давшая жизнь и воспитавшая его.

Земля, на которой ты родилась и выросла, а также земля твоих предков, это тоже мать. Мать, которая дала тебе жизнь, силы, характер и традиции. Вот почему человек бережет свою родину, как мать, и заботится о благополучии той земли, на которой он взращен.

Глава 5.

Путь в одиночестве кажется длинным.

...В августе умерла моя Мама.

Прихожу домой. Еще не встретил Зину. Нет еще Полинки. Только Мама суетится на кухне, подогревает ужин. Остановись, Мама. Сядь рядом. Поставь тарелку. Дай мне твою легкую, твою сильную руку... Какая тонкая шелковая кожа, видны прожилки, они пульсируют, вздымаются на косточках, сопротивляются времени. Дай посмотреть на тебя и запомнить тебя и этот обычный будний вечер.

Ты похожа на горлицу, на гордую красивую птицу, которая умеет видеть то, что нам видеть не дано. Твой черный высокий пучок на затылке, черные улыбающиеся глаза. Только не болей, Мама. Никогда не болей.

Маму увезли в больницу...

Я навестил ее почти сразу, но меня опередила дочь.

- Гуля была, - сказала Мама, - она хочет придти к тебе со своим молодым человеком. Будь с ними добр. Кстати, забыла тебе сказать, я ходила недавно в собес. Вряд ли получится оформить пенсию здесь. А из Баку ее получать нереально. Туда дозвониться-то нельзя.

- Я разужнаю. У нас есть специалисты по пенсиям.

- Ради Б-га, не надо. Я как-нибудь сама..., вот когда выйду из больницы, - смущенно улыбнулась Мама.

...

Мама, Мамочка. Повернись ко мне, дай я прижмусь к тебе, как в детстве, уткнувшись в твой живот, сотру с лица пыль дорог и невидимые слезы мои. Иногда я просыпаюсь в холодном поту, вскакиваю с раскрытыми глазами: и мне продолжает сниться, что тебя больше нет. Не просто нет в квартире, в городе, на

Земле. Тебя нет вообще. И я рычу в безудержной горечи, и скорби моей нет конца. Я боюсь этой ночной пустоты.

Я прошу: прости меня за все, за все. За нервную жизнь, за неудачи и боль, причиненные тебе.

Подойди к моей кровати, присядь на краешек и Расскажи мне сказку о молодом джигите, историю о мудром Насретдине, легенду о Девичьей башне. Положи свою руку на мою, поправь одеяло на моей постели, когда я уйду в мир ночных сновидений, где нет фальши и насилия, где наши души парят в своем естественном состоянии.

А утром мы встанем и поедем на рынок, в магазин, я куплю тебе самые модные сапоги, лучшее пальто и самое красивое платье. Я поведу тебя в ресторан, и мы будем любоваться друг другом, как только влюбленные люди могут любоваться. Я буду говорить тебе самые нежные, самые отчаянные в своей нежности слова, целуя руки твои и даря тебе все цветы, какие принесет цветочница.

Только останься со мной сейчас, дай забыть, что тебя нет и никогда не будет на этой Земле.

... Почему я так много говорю о Маме. Почему, даже когда и нет ее в этом мире, я говорю о ней, думаю о ней, отчитываюсь перед ней.

Я вспоминаю татскую сказку, и слезы наворачиваются мне на глаза.

Было это в стародавние времена: из одного аула в другой послали гонца, нужен был доктор. Заболел мальчишка, сын бедняка. Пока за врачом ходили, поднялся ветер. Хворостяной мост через бурную речку снесло.

Что такое мост на Кавказе? Положат два ствола через реку, настелят хворост - вот и мост. Увидел эту беду молодой джигит, набрал хворосту и встал с ним в воду по пояс. Стоит как свая моста, пока доктор проедет, поддерживает хворост. Вода ледяная, держать хворост тяжело. Попросил он помощи. Мимо друзья шли, никто не помог. Невеста шла, дернула плечиками, ушла. Только мать спустилась к сыну в ледяную реку и помогла держать хворост...

Еще надо что-то рассказывать про Маму?..

...Мама...

Я иногда счастлив от того, что живу в двадцатом веке и могу слышать мамин голос, когда вздумается. Мы много фотографировали маму, записывали на пленку. Записали и незадолго до ее ухода из жизни. Она говорила о нас - ее детях. Для книги. Записи передали мне. И теперь, конечно, все что она говорит про всех нас - истина в последней инстанции.

Я могу слушать ее голос бесконечно.

...В двадцать первом веке техника будет совершенней, маму можно будет возвращать в осязаемом изображении, или ... приезжать к ней в машине времени. Доживу ли?

Глава 6.

*О чем скорбеть? Клянусь дыханьем -
Есть в жизни два ничтожных дня:
День, ставший мне воспоминаньем,
И не наставший для меня.*

А. Фирдоуси

Я вышел из подземного перехода и направился вдоль Маршалковской к парку Червоной Армии. Справа проплывали длинные светящиеся универмаги, слева и немного сзади остался островерхий айсберг здания Министерства культуры Польши. Странно, но по-польски культура звучит как "штука". Здание - копия высотки на Яузских воротах в Москве.

К польскому быстро привыкаешь. Уже на третий день кажется, что понимаешь все эти "пш, проше, пан", "дзинкую бардзо"...

Маргарита легко разговаривает по-польски. Она идет рядом, в лакированных стареньких туфельках, как раз для такой погоды. Уже пасмурно, вечереет. В воздухе сыро и свежо. Начинается осень. Мы идем с ней молча, заходим в универмаг, поднимаемся на второй этаж. Через два часа выходим, нагруженные покупками. Купили ей пальто, сиреневое, так идущее к ее большим черным глазам, сапоги, платья и еще кучу всяких мелочей для нее, для ее мужа...

Она виновато глядит на меня, не в силах скрыть неловкости и все еще твердит с легким польским акцентом:

- Не надо было...

Мы стоим на тротуаре, ждем мою машину. Маргарита живет в старинном польском городе Белостоке. Белосток - приятный город. Здесь есть работающий завод, а "большой рынок" - центральный рынок, как бы оккупирован русскими и украинскими "челноками", есть и другие черты современной действительности. И несмотря на это в нем сохранился дух старины. Тишина мощенных булыжником улиц, молчаливость костелов, степенность старых пани...

На крышах домов черепица, а в таких небольших старых особняках, за годы социализма превращенных в бедняцкие коммуналки, до сих пор топят углем. В одном из них живет Маргарита, о существовании которой я не подозревал почти тридцать лет...

- Здравствуйте, - в трубке раздался голос девушки, - меня зовут Маргарита. Мы с мамой недавно видели вас по телевизору, и она сказала: Смотри, это твой отец.

Я почувствовал, как немеют мои ладони. Секретарь вошла в кабинет с папкой "На подпись". "Это срочно", - прошептала она. Но я смотрел на нее непонимающим взглядом и не слышал ее. Она подождала немного и тихо вышла из комнаты.

- Алло, - снова раздался голос девушки.

- Как вас зовут?

- Маргарита... Моя мама приезжала в Баку, жила в Наримановском районе в заводском общежитии. Вы тогда были оперуполномоченным и встречались с ней. Ее зовут... И она назвала имя.

Я вспомнил. Мне было девятнадцать, а той милой девушке двадцать пять. Однажды она была то ли понятой, то ли свидетельницей по делу, так мы и познакомились. Мне было интересно с ней. Что-то влекло меня в ее уютную комнатку, словно только там я мог отдохнуть душой и телом. Мне очень хотелось понять ее, изучить, раскрыть все до одной ее тайны, все черточки характера ее. Мне хотелось узнать этого человека до мелочей. К сожалению, когда один человек узнает другого настолько, что исчезает новизна и свежесть отношений, все начинает губить обыденность. Кто-то из нас не был создан для существования в паре...

Все это пронеслось в моем сознании.

Только теперь я отчетливо вспомнил тот случай в армии, где я оказался по воле чинов милиции... Однажды, во время подготовки смотра комсомольских организаций воинских частей округа, в клуб зашел наш замполит.

Я был тогда уже исполняющим обязанности секретаря комитета комсомола части и совмещал это с обязанностями старшины учебной роты авиационного подразделения, обеспечивающего связью полеты стратегических бомбардировщиков.

Замполит майор Гайворонский подошел ко мне со странным выражением лица, словно я обманул его в чем-то, и теперь от меня требуются объяснения.

- Слушай, Мирзоев.

- Слушаю, товарищ майор!

- Там на проходной женщина с ребенком.

Я поднял бровь и ждал дальнейших указаний.

- К тебе.

Я несколько минут колебался, потом с сомнением предположил:

- Сестра?.. Да зачем она сына-то привезла...

- Ты погоди, погоди, Гриша. Тут разобраться надо.

И он придержал меня, уже устремившегося к выходу, за рукав.

- Во-первых, не сестра. А во-вторых, не с сыном, а с дочерью. В-третьих - жена. А ты разве женат? Ты говорил...

Я рассмеялся.

- Все понял, товарищ замполит. Скоро первое апреля. Тренируетесь.

- Старшина Мирзоев!

Я встал по стойке "Смирно" и продолжал улыбаться.

- Не сестра это. Но баба там с девочкой. И говорит, что жена. К тебе.

- А у нас других Мирзоевых в части нет?

- Что ты мне Ваньку-то валяешь!

- Клянусь, товарищ замполит. Нет у меня жены, и еще никогда не было!

- А может, ты обманул кого, девочка-то маленькая!

- Да клянусь, нет у меня никакой девочки, никого не обманывал. А потом, кто с маленьким ребенком из Баку сюда в Калининскую область-то приедет! Неправдоподобно. Нет. Нет.

Тогда выходит ошибка.

Так и решено было: ошиблась, видимо, несчастная женщина, обозналась, узнавая координаты своего суженого. Не в ту часть приехала.

Ошибся тогда я. Не мог и предположить, что молодая женщина, которая мне и близка-то была только однажды, решится в то время одна, без мужа, родить ребенка. Нет, не мог я в это поверить. Но я никого не обманывал.

Через несколько дней после телефонного разговора мы с Маргаритой назначили встречу.

Я увидел ее издалека, подъезжая к Пушкинской площади. Она стояла около памятника, по-детски кусая губы и с беспокойством и надеждой всматриваясь в окружающих ее людей. Я тогда еще подумал, какую боль причинил бы этой девочке, если бы не пришел.

...Ее улыбка оказалась похожей на мою улыбку, ее мимика похожа на мою мимику, голос, манера речи, характер...

Да это же сюжет для романа, это же как в кино!

- Здравствуй, - я посмотрел в ее полные слез глаза.

Это был мой любимый ресторан, я повел туда Маргариту после длинной прогулки по Тверскому бульвару.

- Мама мне всегда говорила, что папа умер. Сама замуж не вышла, переехала в Гродно, сначала к родственникам, потом получила от работы квартиру. Мы давно в Гродно. А я здесь в отпуске.

- Ты замужем?

- Да, живу у мужа, вот приехала к маме погостить.

- Она не была против нашей встречи?

- Не знаю, но раз показала мне... по телевизору, значит, поняла свою ошибку, захотела, чтобы мы узнали друг о друге.

- Так ты замужем...

- Я живу в Польше, мой муж поляк, из Белостока.

- Какое совпадение: у Гули муж тоже поляк! Это странно, правда? Он правнук знаменитого Вацлава Нижинского!

- Это музыкант?

- Почти. Танцор блистательный, звезда балета!

И вдруг она спросила:

- А ты не сомневаешься?..

Через год и два месяца я приехал в Польшу, что называется по казенной надобности. Не скрою, с интересом зашел к ней.

В маленькой комнате, где умещается лишь небольшой диванчик, шкаф и тумбочка с телевизором, мы сидим с Маргаритой и ее мужем.

Я был немного шокирован условиями жизни этих людей. Ее муж работает в две смены, чтобы хватило денег на оплату жилья и продукты.

- Вот, вы...ты... видишь, пока ребенок нам недоступен, - пожимает плечами Маргарита.

Кухня в квартирке такая, что двум людям на ней не развернуться. Я начинаю приходить в себя, понимаю, что сначала этот дом разделили на маленькие наделы для отдельных семей, потом эти наделы люди превратили в отдельные квартиры, естественно, пришлось единственную комнату делить на кухню и ванную.

Маргарита вертит в руках коробку с подарками и снова сонно повторяет:

- Пожалуйста, не тратьте так много, мы не привыкли, это ни к чему.

Она открывает шкаф, там - пара юбок и одно платье. В ее движениях скованность. Но не от моего присутствия, а от хронической нужды.

Маргарита не показывает вида. Она не замечает чрезмерной скромности бытия. А мне хочется избавиться от всех своих командировочных, потому что они начинают мешать мне. Я понимаю, что эту пропасть не засыпать ни песком, ни подарками, ни добрыми словами.

И все-таки необычное создание - человек. Ведь вот сколько лет жила девочка без отца, неважно: дочь ли - не дочь.

Вдруг, приняв какое-то решение, она порывисто встает со стула и стремительно подходит к шкафу. Достает фотографию своей мамы. Протягивает мне. Пока я смотрю, она достает еще что-то и кладет мне на плечи.

- Это шарф, я вязала для тебя. Извини.

- Спасибо.

Это дорогой подарок, ее забота будет греть меня в холодной далекой Москве.

Она подбрасывает угли в печь. Печь слегка подвывает, исходит искрами.

- Ложись, я скоро пойду к себе, в гостиницу.

Она встает в пять утра, чтобы приготовить мужу завтрак. Она - настоящая жена. На ней весь дом, а она не проронит ни малейшей жалобы, не покажет усталости, не сорвет зла на мужа. Откуда в ней эта покорность в сочетании с силой характера?

- Папа, эти деньги... - снова начинает она, накрываясь пледом, засовывая руку под подушку.

- Считай, что это приданое. Пусть оно будет греть тебя, как меня твой шарф. Потому что мужчина не может заботиться иначе, как своим заработком и своим участием.

Спи. Представь, что ты маленькая девочка. Рядом - твой папа, он поздно вернулся с работы, поужинал и пришел к твоей детской кроватке. Ты ждала меня, как ждет теперь меня моя Полинка. Ты растешь умницей и красавицей. Все тяготы жизни еще так далеко.

Я расскажу тебе сказку, и ты заснешь сладким сном, и ни одна беда никогда впредь не коснется тебя.

Как-то проходили по полю двое странников и видят: за плугом идет пахарь, а в плуг запряжены огромный бык и худощавый немощный человек. Он, согнувшись от тяжести ярма, с трудом плетется рядом с быком. Странники подошли к пахарю и сказали:

- Зачем ты мучаешь этого человека? Грешно взваливать на него такую работу. Вот тебе деньги, освободи его.

Но пахарь отказался.

Тогда странники подошли к несчастному и сказали:

- Мы хотели освободить тебя от тяжелой работы, но твой хозяин отказался.

- Ничего, - ответил человек, - всему на свете приходит конец.

Странники с грустью покачали головой и пошли своей дорогой.

Через пять лет они проходили в тех местах. И вот видят: кругом вдоль поля стоят высокие дома, разбиты сады и фонтаны, а дальше растут виноградники. Решили странники заночевать в этом чудесном месте и попросились в один из домов на ночлег. Каково же было их удивление, когда они узнали в хозяине дома того несчастного, на котором, как на быке, вспахивали поле.

- Я же вам говорил, что все проходит, - сказал человек. - У пахаря - моего хозяина - не было детей. Он умер, а все его хозяйство досталось мне.

Распрощались восхищенные странники наутро и пошли своей дорогой.

Еще раз случилось им бывать в тех местах. Тогда уже был тот добрый человек - правителем города. Народ любил его. Но человек повторил странникам, гостившим в его дворце:

- Всему на свете приходит конец.

Когда спустя долгие годы странники проходили в тех местах в очередной раз, им сказали, что старый правитель города умер, и отвели на могилу. На могиле, украшенной цветами и чинарами, лежал камень. На нем было написано: "Все на свете проходит".

И в последний раз пришли странники в то место. Решили пойти на могилу того умного человека и поклониться его памяти. Пришли и видят: нет ни надгробного камня, ни могилы, ни кладбища. На том месте, где была могила, лежит дорога, такая широкая, как Млечный Путь. По ней едут арбы, идут караваны. Вздохнули странники и сказали:

- Тот человек был настоящим мудрецом: всему на свете приходит конец. Нет ничего вечного - ни славы, ни богатства, ни даже имени. Все приходит, чтобы уйти бесследно. Вечна только память о человеке и этот мир, созданный Б-гом.

Глава 7.

*Да не убудет из рода твоего
ни один человек.*

Этой ночью мне снились беспокойные сны. Ощущение щемящей жалости к кому-то расплывалось по всему спящему телу. Безысходность и сострадание сжимали мое сердце. И только мельком, а скорее даже, подсознательно я понял, что мое беспокойство может относиться к старой тете Циве. Я мгновенно очнулся и в темноте комнаты все еще чувствовал ее присутствие. Комок подступал к горлу. Мне казалось, что какой-то вакуумный вихрь уносит ее из моего сознания навсегда.

Мы с племянником Валерой возвращались из Белостока в Варшаву.

Я вспомнил свой сон и непроизвольно позвонил в Израиль из машины, когда мы подъезжали к окраинам польской столицы.

Фрида взяла трубку, обрадовалась, конечно, но в голосе ее я почувствовал нерешительность.

- Я видел сегодня трудный, тяжелый сон, у вас все в порядке?

Фрида подбирала слова:

- Да, ты знаешь...

- Что-то случилось с тетей Цивой? - уже осознавая, что беда неминуема, спросил я.

- Плохо. Плохо с ней.

- Говори точнее. Я прошу тебя. Что ты меня жалеешь, сестричка?

- Ой, Гасанчик. Тетя Цива умерла. Мы ее вчера похоронили.

Ее звали Цива. Она была сестрой моей мамы. Я любил ее той нежной трепетной любовью, какую мальчишка влюбляется в героиню литературного романа. Да, я действительно переносил на нее все лучшие качества, какие я только мог представить в женщине, и не обманывался.

Я познакомился с ней еще до своего рождения, когда она ухаживала за своей беременной сестрой, давая ей советы и превращая старые ткани и белье в детские распашонки и пеленки. Она тогда уже понимала, что сама никогда не будет матерью и никогда не будет женой.

Это было олицетворение трагической любви, о которой нужно слагать песни и легенды. Будучи мальчиком, я насколько не чурался ее вида, ее искалеченного тела, она была для меня родной и необходимой частью меня самого.

Я должен рассказать эту историю.

В сороковых годах перед самой войной встретились два человека. Молодой мужчина был настолько красив и статен, настолько умен и воспитан, что все невесты в городе мечтали, чтобы к их родителям пришли посланцы от него с предложением сыграть свадьбу. Семья парня была одной из интеллигентнейших и богатых семей, а сам он был достойным наследником своего высокородного отца.

Парня звали Руст. Он учился в Грозненском нефтяном институте и присматривал себе хорошую жену.

Однажды его отец был приглашен в дом Алхазовых. Когда глава дома Шавад угощал гостя молодым вином, сидя у себя на веранде, по двору, замкнутому квадратному пространству, украшенному узором теней и солнечных бликов, пробежала девушка. Она на бегу оглянулась на веранду, улыбнувшись своими белыми зубами и смущенно закрылась ладонью, скрылась в нижнем этаже.

Словно молния пронзила сознание гостя, отца Руста. Великолепие лица молодой серны так поразило его, что гость подумал, что если бы не годы и не порядки, установленные при советской власти, он взял бы девушку в жены немедленно. Приятное жжение разливалось по всему его телу. Он степенно огладил усы, положил руку на колено и спросил Шавада:

- Что это за дева пушинкой пролетела по двору?

- Кто? - переспросил Шавад. - Та девушка? Это одна из моих дочерей. Юная Цива.

- А позволь тебя спросить, дорогой друг и хозяин этого дома, нельзя ли позвать ее сюда, чтобы я мог задать ей несколько вопросов и увидеть не только ее очарование, но и скромность.

- В этом ты можешь не сомневаться, Леон, - ответил отец Цивы, мой дед.

Он позвал свою дочь. Та немедленно пришла и встала перед отцом, опустив длинные завивающиеся кверху ресницы.

- Вы меня звали, дорогой папа? - спросила она.

Отец посмотрел на гостя и сказал:

- Вот, Леон, моя дочь Цива. Можешь поговорить с ней.

- Цива, - спросил Леон, - сколько тебе лет?

- Шестнадцать, - ответила та, не поднимая лица.

И тут Леона озарила счастливая мысль. Он, уже было позабывший о том, что сын его ищет хорошую жену, теперь вспомнил об этом и сказал:

- Моему сыну восемнадцать лет, и он очень красив и умен.

Девушка покраснела, как озаренный восходом персик, и еще ниже опустила голову. Косы ее тяжелыми тугими канатами спустились к земле. Она сцепила свои тонкие пальцы, браслеты на запястьях ее зазвенели.

"Неужели и мой час настал", - сказала она себе.

Ее отец, гордый и смелый Шавад, встал со стула, подошел и погладил дочь по голове. Он взял ее за подбородок и поднял светлое девичье лицо к свету. О! Это было прекрасное лицо чистой девы, по одному взгляду на которое душа человека очищалась. Оно было персикового цвета, щеки ее с девичьим пушком излучали здоровье и жизнелюбие, губы, словно темно-красные крылья бабочки, трепетали и были невинны и свежи. Она смотрела на отца и на гостя с таким невинным вселюбящим восторгом, что даже темное сердце Леона сжалось от стыда за его грешные мысли.

Он во что бы то ни стало решил сосватать Циву своему сыну.

Когда отец отпустил дочку, Леон начал рассказывать о своем богатстве, о своем образованном сыне и предлагать соединить сердца молодых людей.

Впервые дети увидели друг друга на свадьбе. Цива трепетала от ожидания неведомого события и торжественности обстановки.

Но Руст вел себя дома очень странно, он был озадачен тем, что отец сам выбрал ему невесту по старым обычаям, без его участия и подумывал, как можно отказаться от свадьбы или хотя бы заранее посмотреть на невесту. Кроме того, была у него и другая причина не желать этой свадьбы...

И вот, с помощью своих друзей, он пробрался накануне торжественного дня к дому Алхазовых. Под прикрытием темноты он крадучись подошел к указанному ему дому и попытался перелезть через забор. Около толстой глиняной ограды росло дерево, старое корявое дерево. Оно раскинуло свои ветви, как молнии, во все стороны и по ним Руст, поддерживаемый друзьями, перелез во двор.

Он прошел вдоль стены, и только свет Луны освещал его кудрявую шевелюру, выдавая присутствие постороннего. Горел свет в одном из окон нижнего этажа. Руст подобрался к нему и осторожно заглянул в окно. Он увидел девушку, которая стояла к нему спиной и снимала с себя дневное платье, чтобы одеться ко сну. Сердце его забилося от грациозности и гармонии девичьего тела, но он ждал, когда девушка обернется.

И вот он увидел ее лицо. Оно показалось ему волшебным. Девушка была небольшого роста, с гордым римским профи-

лем, правильным овалом лица и грустным встревоженным взглядом. Она раскинула по плечам волосы и свет, источник которого был где-то за ее спиной, сделал ее золотовласой, величественной.

С трудом переводя дух, Руст вернулся на улицу к друзьям прежним путем. Он спрыгнул на землю и посмотрел на дерево. Вот оно, корявое, старое, некрасивое. Так и человек: в молодости он прям и строен, а к старости становится лишь изуродованной лестницей для того, чтобы молодые джигиты взбирались по нему к окнам своих невест.

"Что ж, надо и мне торопиться, - сказал себе Руст. - Пока я красив и молод нужно создавать семью и вообще получать все радости от этой жизни."

Всю ночь он думал о своей невесте, о том, какое счастье обладания ждет его впереди, и к утру он проснулся страстно влюбленным в увиденную им накануне девушку.

Надо же было такому случиться, чтобы вместо дома Алхазовых, друзья помогли ему в тот вечер найти дом совсем другой семьи. Город, откуда следовало забрать невесту, все они знали плохо, вот и пришли на соседнюю улицу.

Но узнал об этом Руст только тогда, когда невеста открыла перед ним полог фаты, и лицо ее оказалось еще прекраснее и еще моложе, чем у той, кого он уже не мог выбросить из своей души.

Ничего уже поделать было нельзя. Счастливые растроганные родители невесты и его, Руста, сидели за праздничными столами и желали молодоженам любви и счастья.

Пришла и мать Цивы, моя другая бабушка Зоя. Она принесла на совке красные пылающие в вечерних сумерках угли и так сказала:

- Вот вам эта зола. Она от нашего очага, который вот уже тридцать лет не гаснет в нашем доме. Этот неугасимый огонь пусть согреет и ваш очаг, и пусть никогда не угаснет и перейдет к вашим детям и внукам.

Десять дней гуляли свадьбу в Грозном. Тихим и задумчивым был в эти дни Руст. Все видели, что не спокойно на сердце у Леона, потому что Руст то улыбался молодой своей жене, то отводил взгляд в сторону и застывал, пока его не окликали особенно громкие тосты тамады.

А Цива за эти дни так полюбила своего мужа, что каждый его вздох, каждый взмах его ресниц отражались в ее душе, как

в зеркале. Она не видела ничего, никого вокруг себя, она всеми своими планами и всей своею жизнью принадлежала теперь этому достойному и доброму человеку.

Наконец, молодых оставили в новой квартире, которую Леон подарил сыну и невестке. Долго не шел Руст в супружеское ложе. Все сидел в темноте в гостиной один за прибранным столом. На следующее утро Цива встала рано, да она почти и не спала от переполнявшего ее душу. Она вышла из спальни и не обратила сперва внимания на листок бумаги, лежащий на стуле. Очевидно, он был сметен со стола случайным порывом ветра, и теперь дожидался того момента, когда ему придется сыграть в ее жизни самую трагическую и фатальную роль.

Цива обошла дом, открыла окно, радуясь новой жизни, новому своему назначению на этой Земле. Песню жизни и любви пели птицы в токовом полете. А она смотрела на небо и молила Б-га, чтобы следующей ночью муж ее, наконец, прикоснулся к ней и дал начало новой жизни.

Вдруг она посмотрела на стул и увидела листок. Она сразу поняла, что это Руст писал кому-то письмо, его перо лежало здесь же на столе. Письмо было недописано, в глаза Цивы бросились первые фразы: "Любимая моя, Деля. Вот уже месяц, как я мучаюсь и сгораю от жажды увидеть тебя. Но злой рок заставил мою жизнь сложиться иначе"...

Цива не могла опустить свои руки, держащие письмо, чтобы взгляд наполненных слезами глаз оторвался от кошмарных, жестоких слов. Руки ее окаменели.

Она встала, не помня себя, в халате, в тапочках пошла в коридор и вышла на лестничную клетку. Она спустилась во двор и пошла на улицу, так и не выпуская письма из рук.

Она смотрела невидящим взглядом впереди себя. Люди расступались перед ней, настолько было страшно сведенное горем ее лицо. Она шла, не разбирая дороги, и даже не заметила, как стала переходить перекресток двух небольших улиц, мощенных булыжником. Неожиданно что-то заставило ее очнуться, но резко обернувшись, она увидела только огромный желто-красный трамвай, вплотную подступивший и надвинувшийся на нее всей своей железной пятой.

...Она осталась без обеих ног. Ей было всего семнадцать... И всю свою жизнь, долгую и тяжелую, она была обречена

просидеть в инвалидном кресле. Руст вымаливал у нее прощение, но его отец, Леон, сказал ему:

- Когда я выбирал тебе невесту, я смотрел не только на ее красоту, но и на ее душу. Она не простит тебя, потому что у нее есть гордость.

И потекли годы, один за другим. Цива научилась радоваться праздникам, радоваться людям, окружавшим ее. Она научилась быть полезной и нужной всем - и своим близким, и даже чужим. Днем она возилась с шестью детьми своего брата Исая, она жила у него, присматривала за малышами, следила за старшенькими, а по ночам шила.

Однажды дядя Исая купил ей ручную швейную машину. Когда ее внесли в комнату, у Цивы вспыхнули глаза и наполнились слезами: брат понял, что нужно сделать, чтобы сестра обрела свое место в жизни. Так Цива стала привыкать к своему положению.

Оказалось, что она талантливейшая портниха. Весь Грозный почитал за честь шить свои наряды у тети Цивы.

Я помню годы, когда мы жили с отцом и матерью в Грозном. Отец работал инженером Путевой машинной станции (ПМС) Северо-Кавказской железной дороги. Мама продолжала службу на телефонной станции. Мы часто ходили в гости к Алхазовым. Мне было пять лет. Я спускался на первый этаж и находил комнату моей тети Цивы. В доме пахло сладостями, дети шумели где-то за стеной, с улицы доносились мальчишечьи вскрики, а я пробирался по темноватому коридору и приоткрывал дверь Цивы. Она притягивала меня. Мне необходимо было увидеть ее, поговорить с ней.

Я входил в комнату, пол которой был несколько ниже уровня коридора, я проходил по домотканым половицам, а она уже протягивала ко мне свои красивые, все еще молодые, ласковые руки. Как своего ребенка она прижимала меня к груди, потом отстраняла и вглядывалась в мои глаза.

- Как ты поживаешь, тетя Цива? - заботливо спрашивал я, осознавая, впрочем, что не в моих силах помочь этой раненой орлице.

- Ты слушался маму и папу, мой дорогой Котик? - спрашивала она меня, почему-то ласково называя Котиком...

Я кивал в сладостном предвкушении новой истории, новой сказки или притчи, которые она мне любила рассказывать.

Она откладывала штопку или шитье, подъезжала на своей коляске, которую ей купили родственники, к тахте. Я одним прыжком вспрыгивал на жесткое тканое покрывало, комочком сворачивался на подушке в уголке тахты, а Цива разворачивала кресло свое так, чтобы быть лицом к окну, а правую руку клала на мою голову.

- Родители знают, где тебя искать? - настороженно спрашивала она и начинала свой рассказ.

Сегодня я расскажу тебе сказку про одну мудрую женщину.

Дело было так. В один из теплых летних дней прошли по городу глашатаи, во все закоулки заглянули.

- По Грозному? - вставил я.

- Да. Не перебивай.

Тетя Цива поправила косынку, которая сзади обхватывала ее большой пучок, и продолжала.

Созвали глашатаи всех на площадь по велению падишаха. Приказ его гласил, чтобы народ пришел на дворцовую площадь и присутствовал при казни трех отпетых преступников.

Ровно в полдень народ стал стекаться к центру города. Шум и гам стоял. Толпа обступила эшафот. А за ним, немного правее, чтобы всем он был виден, сидел на специальном возвышении падишах. Преступники уже стояли перед виселицами и жалостливо смотрели на падишаха и на народ.

Падишах в красных нарядах сидел на своем золотом троне, ему подносили яства: то фрукты, то вино, то дичь - и обмахивали его опахалом. Везиры и векили нашептывали ему что-то, стоя за спиной.

И вот он, наконец, поднял свой шелковый платок и готов был взмахнуть им, но тут из толпы выбежала вперед какая-то женщина и воздела руки к падишаху.

- О, мудрый падишах, - взмолилась она. - Помилуй их!

Она бросилась на колени и сорвала в отчаянии свою темную шаль с головы. Слезы текли по ее лицу.

Видя такую горемычную особу, падишах наклонился вперед и спросил ее:

- Почему ты просишь за них? Кем они тебе доводятся?

- О, почтеннейший падишах! - ответила женщина. - Это мой брат, а это мой муж, а этот молодой цветущий парень - мой сын. Помилуй их, не убивай. Прости их, и Б-г простит тебя на том свете.

- Они же преступники! - заметил я.

- Так и сказал падишах. Но потом он подумал и сказал:

- У нас начинается великий праздник. Пусть один из дорогих тебе людей будет подарком. Подойди к ним и выбери того, кто тебе больше всего дорог на этом свете.

Женщина сначала растерялась. Она встала на ноги, накинула на голову запыленную шаль, оглядываясь на примолкнувшую толпу. Она подошла к эшафоту и долго всматривалась в лица своих близких. А они не осмеливались просить ее ни о чем.

Вот она снова вернулась к падишаху и дала свой ответ.

- Отпусти моего брата, о, великий падишах.

Падишах так изумился, что виноград выскользнул у него из пальцев.

- О, женщина! - воскликнул падишах. - Объясни же свой выбор, чтобы и мы знали, почему твой брат тебе дороже даже сына.

- Да, нелегкий выбор. Но, падишах, рассуди сам. Ведь у меня еще может быть муж. И я могу нарожать еще много славных сыновей - подданных твоего величества. Но никто, никто больше не даст мне родного брата, потому что родители наши умерли и завещали нам заботиться и любить друг друга.

Горожане одобрительно зашумели. Падишах, пораженный мудростью женщины, погрузился в раздумье. Потом он поднял взгляд, полный радости и милосердия, и сказал:

- О, милая женщина! Ради твоей молодости и разума я отпускаю всех твоих близких, но научи их жить по совести и больше не огорчать тебя. Живите и здравствуйте!

Народ стал восторженно махать в воздухе шапками и котомками. А женщина обняла своего мужа, сына и любимого брата. Все они были рады, что мудрые слова женщины отвели от них смерть.

Тетя Цива закончила свой рассказ.

Я смотрел на ее ровное спокойное лицо, она смиренно наблюдала за тем, как на веранде ее брат и моя мама, ее сестра, беседуют о чем-то и улыбаются друг другу.

- Тетя Цива, а почему у тебя нет детей? - спросил я.
- У меня же нет мужа, - улыбнулась она.
- А почему у тебя нет мужа? - настаивал я.
- А почему у тебя нет жены? - шутя, отнекивалась она.
- У меня есть невеста, в детском саду..

Она поворачивала голову и грустно смотрела на меня, пока я не начинал засыпать под ее скорбным всемилосердным взглядом.

Мы уехали из Грозного, поселились в Ставропольском крае. Я писал ей письма оттуда, и из Баку, и позже из Москвы, уже в Израиль, куда тетю Циву увез брат. Они были неразлучны.

Получив первую в своей жизни зарплату, я зашел по дороге домой на почту и отправил ей перевод. Мне долгие годы хотелось сделать это.

Они, моя добрая тетя Цива и мой дядя, жили в Грозном и во время войны. Той самой - немыслимой войны, когда бомбили город свои же, российские самолеты; вчерашние братья отбивали у войска Дудаева улицу за улицей. Мой дядя пережил три войны. Он пришел с Великой Отечественной с орденами и медалями, они, словно кольчуга, покрывали его грудь.

И вот теперь в дымящемся городе, ставшем мишенью для сокрытия политических ошибок и предлогом для перекачки крупных сумм в западные банки, мой ни в чем не повинный старик нес в подвал своего дома свою сестру Циву, безногую старушку, умолявшую его оставить ее в доме. Она, пережившая страшную трагедию в своей жизни, снова не хотела жить.

Они прятались в подвале несколько дней. Потом в подвал постучался неизвестно как пробравшийся к дому Алхазовых старинный друг семьи, чеченский врач. Он был учеником и продолжателем дела старого Шавада, главы семейства. И в горькие минуты краха сотен родовых гнезд, под бомбами и обстрелом, он не забыл о семье своего учителя.

Цива проснулась первая. Она была уже слаба и седа, сухая худенькая ее фигурка зашевелилась. Снова постучали. Страх прожег ее душу. Но она узнала голос.

- Эй, здесь есть кто-нибудь живой?

В минуты ночного затишья, в паузе между боями, по Грозному пронеслась на всех парах машина, в которой мою тетю Циву и ее брата увозили в Махачкалу, навсегда от родных, полуразрушенных, сожженных стен.

Темнело. Закат стал медным из золотого. Мы мчались на полной скорости к Варшаве. Я отключил связь и медленно положил трубку на колени.

Глава 8.

Правдивое слово - горько.

Когда-то давно, так давно, что, кажется, в прошлой жизни это было, я вел дело банкиров. Началось оно в девяносто третьем году. Мне позвонил мужчина. Секретарь, напуганная его плачем в трубке, сразу соединила меня с ним.

- Восьмого июня этого года моя жена Турова Раиса Федоровна, она работает первым заместителем начальника управления Центробанка, была арестована. Статья... не помню, получение взятки. Следовательша сказала, что ей грозит от восьми до пятнадцати. Она ни в чем не виновна, никогда...

Он взволнованно выдохнул в трубку. Но тогда я еще не знал, что женщине было шестьдесят четыре года. Она, его жена, была ровесницей моей мамы. Я не понимал, как женщину, по возрасту годившуюся мне в матери, могут посадить в тюрьму? Всем известно, сколько месяцев может тянуться такое следствие.

Он приехал в здание Мосюрцентра; это был пожилой человек в простеньком коричневом костюме с красной звездой на груди. Я увидел эту звезду и вспомнил Григорьича. Я вспомнил человека, с которым меня свела судьба в Георгиевске, в далеком пятьдесят четвертом, в счастливую пору детства.

У Турова были так же зачесаны назад длинные седые волосы, нос его было мясист, лицо поедено оспой. Он очень волновался.

- Седьмой месяц, - говорил он мне, - не могу добиться правды. Жил человек, работал на это государство, пахал, ни

копейки не заработал, ну, разве что дачу от профкома дали, показать стыдно. Так что же это?

- Сколько, вы говорите, вам следователь напророчил?

- Восемь лет, - говорит, - не меньше...

- Это грубейшее нарушение не только уголовно-процессуального закона, но и элементарных норм следственной этики, мы напишем жалобу в прокуратуру. Запугивание обвиняемых не должно сходить с рук.

Он дрожащими руками написал фамилию следователя.

- А ей хуже не сделают?

- Вы фронтовик? А сколько лет вашей жене? - спросил я, придя к заключению, что женщина наверняка моложе Ивана Петровича лет на двадцать.

- Шестьдесят четыре, - сказал он.

Я не ожидал. Моей маме в девяносто третьем было шестьдесят четыре. У меня не укладывалось в голове, но я охлаждал себя мыслью о том, что у нас, слава Б-гу, нечасто сажают невиновных. Да, по первой встрече с родственником обвиняемого адвокат не может судить о вине человека, а это главное условие организации правильной защиты. Нужно знать, что в этой защите будет главным. Если человек виновен в убийстве - нужно проверить мотивы, психику, соблюдение прав обвиняемого, множество других факторов. Если человек невиновен в инкриминируемом взяточничестве, главная задача - обосновать незаконность обвинения.

Он показал мне историю болезни.

- Она предусмотрительно стащила ее из поликлиники. Только поверьте, это единственное, что она... присвоила в своей жизни, а впрочем и единственное, что нажила за сорок пять лет на этой своей работе, будь она неладна...

- Ну, если будет неладно в Центробанке, нам с вами лучше не станет. Нет. Давайте поможем следствию, суду наказать действительно виновных и освободить невиновных. Только хочу вас предостеречь от надежд на скорое решение вопроса. Адвокат - не волшебник и не маньяк-взятокодатель, нас так же игнорируют, как и закон. Если игнорируют закон, то почему бы не игнорировать адвокатов?

Я был не в лучшем настроении. Сидел и зажигал спички одну за другой. Спички вспыхивали, чадая едким приятным запахом, догорали, обжигая пальцы, и падали в пепельницу. Я чув-

ствовал необходимость очистить этими маленькими горячими ласковыми фитильками, столь нежными на пробу, пространство, заполненное новой бедой. Особенно после того, как пролился тяжелой мохнатой книжку амбулаторной больной: стенокардия, атеросклероз сердца и головы, диабет...

- Я обращался и в Следственный комитет и к Генпрокурору... Даже Комитет по защите прав человека не ответил, - погрузил голову Иван Петрович.

Я попросил соединить меня со следователем, ведущим дело. Когда секретарь доложила, что следователь на связи, я включил кнопку на аппарате, чтобы Иван Петрович мог слышать этот разговор.

- Это адвокат подследственной Туровой Раисы Федоровны. Гасан Борисович Мирзоев.

- Адвокат? - в трубке что-то зашипело, очевидно, амбиции следователя.

- Я бы хотел встретиться с вами и, естественно, со своей подзащитной.

- Дайте ваши координаты, что-то фамилия ваша мне знакома.

- Председатель Президиума коллегии адвокатов "Московский юридический центр" Гасан Борисович Мирзоев, - тщательно выговорил я и продиктовал свой телефон.

Тут возникла еще одна пауза, более тоскливая, и, наконец, следователь произнес:

- Гасан Борисович, сразу не узнал, извините. Пожалуйста, подъезжайте на этой неделе.

Я, разумеется, не стал обольщаться первой щедрой уступкой следователя, так как знал, что к авторитетному имени адвоката следователи имеют привычку очень быстро привыкать. Они забывают даже о том, что их участь, как авторов пьес, оставаться за кадром, в то время, когда под прожекторами телевизионных камер ходят адвокаты и их подзащитные. Следователи и судьи зачастую воспринимают известного адвоката как возможность сделать карьеру благодаря вниманию общественности к персоне известного защитника. Простим им эту маленькую слабость.

- Иван Петрович, Раису Федоровну будем отбивать, отстаивать. Посмотрим, что можно сделать, - сказал я, закончив разговор со следователем.

Когда он ушел, я вышел в коридор Коллегии. Было уже настолько поздно, что даже мельтешащие весь день вокруг мои неумолимые помощники, видимо, разошлись по домам. Зная меня, они могли решить, что я давно уехал куда-нибудь на встречу, забыв предупредить их. Вот и разошлись. Не помню, как и зачем я оказался около зала Президиума, где на стенде висели вдоль стены фотографии адвокатов - участников Великой Отечественной войны.

Мужественные лица. Вот Кобец Николай Григорьевич. Он воевал на Воронежском и Степном фронтах, в боях за Белгород тяжело ранен, имеет ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени. Гаев Владимир Григорьевич - воевал на крейсере "Максим Горький", линкоре Октябрьской революции. Пустовит Николай Павлович, боец истребительного батальона. С ноября 1944 года краснофлотец морской пехоты. Начальник разведки артиллерийского дивизиона гвардии старший лейтенант Кравцов Борис Васильевич, Герой Советского Союза. Матрос тихоокеанского флота Шефтер Эммануил Маркович. Лейтенант Евреинов Николай Владимирович, сапер, воевал в болотах Сиваша, в горах Болгарии, брал Вену, Прагу и Софию. Награжден орденом Отечественной войны. Сержант Любимов Иосиф Павлович, командир орудия, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Сержант Пантелеев Михаил Федорович, рядовой. Мюллер Эвальд Францевич, командир взвода разведки 114-го гвардейского полка 37-й гвардейской дивизии, четырежды ранен.

Глядя на эти фотографии, я вдруг ощутил невероятный прилив сил. Называйте это как хотите, Б-гом, чудом...

...На прокурора России Кравцова было совершено покушение. Это было в семидесятые. Стрелявший целился в сердце. И знаете, что его спасло? Звезда Героя, полученная за тридцать лет до этого. Пуля попала точно в нее...

Сегодня пришло письмо. Оно лежало у меня во внутреннем кармане, и я, как почетный историограф собственной семьи, да и Гильдии, наметил подшить его к золотым страницам добрых дел Гильдии.

В письме говорилось: "Хочется выразить Вам и Вашему коллеге из межкрупной юридической консультации горо-

да Москвы Дигину В.А. огромную благодарность за квалифицированную защиту моих прав и интересов в Московском городском суде в кассационной инстанции по моей жалобе на отказ в предоставлении льгот по Закону "О ветеранах".

Я даже не помнил этого адвоката. Тот, очевидно, помог своему коллеге составить кассационную жалобу, а может, и сам ходил в суд. Дело в другом. В том, что Гильдии выпала особая честь - оказать посильную, и, конечно, бесплатную помощь Ветерану. Участнику войны, защищавшему нашу Родину. Да, хранит Б-г всех ее защитников, всех ее стариков. Мы в таком неоплатном долгу перед ними, что даже организовали в Москве специальную Межокружную юридическую консультацию для защиты неимущих, престарелых и просто участников Войны. К сожалению, наши старики, наши старые солдаты не всегда имеют средства для защиты своих прав и интересов. А между тем, защищать их приходится довольно часто. Те, кто защитил нас от рабства, от фашизма, от истребления, теперь нуждаются в нашей защите. Все мы, адвокаты, отчисляем часть денег на ведение таких дел, на содержание этой консультации.

Вот и пишут наши доверители, да, да, люди, доверившие нам подчас самые принципиальные, самые важные вопросы своей жизни, наши ветераны.

А мы, адвокаты, как наши старшие товарищи, портреты которых висят предо мной, учимся у них: у боевых разведчиков - разведке боем, у подводников и моряков - подводному маневрированию, законам навигации, умению обходить подводные рифы и мины, у саперов - разоружать, обезвреживать минные поля наших противников, у простых рядовых солдат - их мужеству и чести.

Адвокатская честь для нас превыше всего, как честь российского солдата, как честь военного мундира.

Дело о коррупции в Центробанке длилось почти три года. Так же как и дело Алины Витухновской. В суд было представлено около семидесяти томов дела. На скамье подсудимых оказались руководители Главного операционного управления, обвинявшиеся в том, что за взятки они открывали расчетные счета коммерческим организациям и выдавали креди-

ты под гарантии, не обеспеченные ничем, кроме самих взяток. Судебный процесс начался в январе 1996 года, но следствие уже длилось три года.

Взятки холодильниками, коврами и бытовой техникой. Сколько холодильников должен был утащить человек, чтобы его держали в тюрьме три года, не установив виновности!

Главным свидетелем обвинения был Андрей Пилюлин, позже исчезнувший и объявленный в розыск. Он сам был арестован во время операций с фальшивыми авизо. Отсидев более года в тюрьме, Пилюлин дал нужные показания и был отпущен на свободу под подписку о невыезде.

И скрылся.

Но все его показания, тем не менее, были приняты во внимание, в результате чего пятеро руководителей Центробанка оказались на скамье подсудимых. Они провели в тюрьме - до суда и во время судебного рассмотрения дела - свыше трех лет. Добиться изменения меры пресечения удалось лишь для Раисы Туровой.

- В этом деле масса несуразиц и ляпов, - убеждал я прокурора. - Местами даже арифметические расчеты следователей содержат такие ошибки, за которые - не установи их защита - подсудимых можно было бы упечь в тюрьму пожизненно.

В суде было допрошено за это время более ста тридцати свидетелей. Никто из них не подтвердил ни показаний Пилюлина, ни саму формулу обвинения. Но у следствия был социальный заказ. Это слово для адвокатов страшнее любого беспредела. Потому что если некоторым людям представляется шанс выслужиться, то в качестве самооправдания следователь пускает в ход и долгое пребывание в чине младшего офицера, и жену, которой хочется отдохнуть на Канарах, а не в каком-нибудь там Сочи, и ребенка, которого пора отдавать в частную школу, - все, кроме общечеловеческих канонов совести.

Надо было показательно покарать коррупцию на этот раз в одном отдельно взятом Центробанке.

- Господа судьи, - увещевал я на заседании. - Центробанк у нас один, специалистов, знающих его систему и работу, как собственного ребенка, у нас, кроме этих людей, совсем не много. А мы их решили извести цементным полом и болезнетворными нарами.

Я и мои коллеги, в том числе блистательный адвокат, увы, ныне покойная - Ирина Карпинская (которая защищала другую женщину, обвиняемую по тем статьям, что и Турова), представляли ходатайства о медицинском освидетельствовании, потом заключения специалистов, свидетельствующие о том, что Турова не может находиться под стражей по состоянию здоровья.

- Не изменив меры пресечения, вы возьмете на себя тем самым ответственность за ее жизнь, ведь никто еще не санкционировал медленное убийство человека, для которого тюремные условия смерти подобны. Государство призвано наказывать виновных, соразмерно наказывать, но не издеваться от его имени над подсудимыми, которым и приговор-то еще не вынесен.

И опять эта глухая стена холодной жестокости несострадания и беззакония. Почему наши судьи порою избирают самое мягкое наказание для закоренелых злодеев и самое тяжелое - для личностей, не опасных для общества, чтобы уравнивать социальный слой прошедших через лагеря и тюрьмы, чтобы превратить в хладнокровных уголовников пусть даже небольшую часть своих же граждан?

И да не будет надежды клеветникам; и все злодейство пусть немедленно сгинет; и злоумышленников искорени, и сокруши, и низвергни - в скором времени, в наши дни. Благословен Ты, Господь, сокрушающий недругов и побеждающий злодеев!

Судья Иванова приговорила последних из могикан Центробанка к различным срокам лишения свободы. Но во время одного из судебных заседаний была получена информация о том, что сотрудники следственного управления допросили в тюрьме скандально известного руководителя концерна "Серджо" Гуара Джалавяна.

Пилюлин, в начале девяносто четвертого свидетельствовал о том, что и Джалавян давал взятки работникам ЦОУ ЦБ, чтобы ему помогли открыть расчетный счет, оказался лжецом. Джалавян дал свидетельские показания о том, что он открывал счет на законных основаниях. Это ставило под сомнение правдивость остальных показаний Пилюлина.

- Для меня, как для адвоката, важно, чтобы соблюдался святой принцип: ни один невиновный не должен быть осужден, ни один виновный не должен уйти от справедливого наказания. Вот момент истины. Я должен иметь по крайней мере возможность подготовить подзащитную к ответам на ваши вопросы.

Следователь Следственного комитета МВД сидел напротив нас: меня и Раисы Федоровны. Она была сегодня в спортивном костюме, невеселая, все время закусывающая губу.

- Хорошо, хорошо, только вы будете это все делать после того, как я первым задам свои вопросы обвиняемой. Начинаем работать, уважаемый адвокат.

Мы смотрим в глаза друг другу. Он знает, что намеренно вводит допрос в дикарское варварское русло, что весь мировой опыт подсказывает, что состязательность и реально равные права адвоката и представителя следствия - требования гуманности и справедливости. Но он знает, что должно просвистеть еще множество очистительных ураганов и минимум два-три ошеломительных мировых потопа должны сойти на эту Землю, чтобы расстановка сил в этой стране способствовала установлению гуманистических принципов и методов правосудия.

- Я не признаю своей вины, я никогда не брала взятку, - говорит худощавая пожилая женщина, которой только час назад сделали очередную инъекцию инсулина.

- Прошу меня освободить из-под стражи.

Она чеканит слова, но они не долетают до его погон. Следователь пожимает ими, словно желая сбросить осевшую пыль, и произносит сакраментальную фразу, похожую на нюрнбергское:

"...Я человек маленький, я выполняю указания".

И снова судебные слушания, полная отдача энергии, убеждение словом, доказывание вещей очевидных. Иногда кажется, что задача нашего правосудия - не видеть таковых.

- Какую социальную опасность может представлять женщина пенсионного возраста, ранее не судимая, тяжело больная? Защита понимает, что теоретически - пока приговор не вынесен, обвиняемая может быть как потенциальной, то есть объявленной позднее, преступницей, так и признанной неви-

новой. Если принять это во внимание, я подчеркиваю, теоретически, то Турова может оказаться признанной виновной в совершении тяжелого развращающего человеческую душу преступления - взяточничества. Но важнейший принцип правосудия - презумпция невиновности предполагает, что только на основании приговора суда и никак не иначе - человек может быть признан виновным в совершении преступления и осужден. Что же не позволяет суду изменить меру пресечения до вынесения окончательного приговора на менее строгую?

А если Турову в конечном итоге признают невиновной, как быть с теми долгими горькими десятками недель, которые она уже отсидела? Или есть надежда, что за полгода сидения в камере человек подпишет все, что угодно следствию, признает, что он агент пяти разведок? Такая практика уже была. Мы развиваем наше законодательство, принимаем конституцию, суд присяжных вводим в качестве эксперимента, когда весь мир уже отработал механизмы судопроизводства и исправительной системы, и результаты нам известны.

Все это замечательно.

Но какой прок от декларативной демократии, если и сегодня тебя могут взять по подозрению под стражу, посадить на годик, так сказать, в интересах следствия.

Я был глубоко убежден в невиновности моей подзащитной, она действительно была привлечена к уголовной ответственности в силу случайно сложившихся обстоятельств и без достаточных оснований...

Раису Федоровну отпустили на свободу. Но произошло это позже.

Глава 9.

*Украшение дома - ребенок,
украшение стола - гость.*

Когда я в театре - я забываю все на свете.

Так было и в этот раз. Да, да. Не удивляйтесь, но я не помнил, что на сцене - моя дочь, моя маленькая, замечательная девочка, еще вчера учившая к уроку литературы монолог Катины и "И сердце бьется в упоенье".

Откуда в нас что берется?

Ведь некогда мне в жизни было увлекаться чем-нибудь еще кроме работы - ради похода в театр или книжки пусть даже Пушкина не бросишь живых людей, которым нужна твоя помощь. Ужасно говорю, но говорю...

Но в Гуле уже с шестого класса появилась такая жажда творчества, такая жажда самовыражения, создания своим существом, своим талантом, своими возможностями - чего-то нового, до нее не бывалого на этом свете.

Вот она трепетно разучила стихотворение Кирсанова "Под чужим небом" и выступила на конкурсе чтецов, вот она, волнуясь и дрожа так, что ей стали предлагать успокоительное, готовилась к выходу с сольным номером на концерте в честь окончания школы, вот она, моя красавица, моя гордость, пошла поступать во ВГИК. Если бы мне не сказал тогда ее педагог, руководитель ее курса, что талант ее очевиден, я бы так и продолжал, наверное, относиться к ее увлечению, как к всепоглощающей жажде самовыражения и самосовершенствования.

Но после того, как я понял, наконец, что моя дочь - актриса, я осознал и другое: таково ее назначение на этой Земле. Бог дал ей талант, чтобы с помощью его она вселяла в людские души понимание высших истин, чтобы через сценическое искусство, искусство театра, она несла к людям свет духовности и очищения.

Конечно, если зритель будет благодарный и способный отрезанно от всего на свете участвовать в действе - она достигнет признания.

В этот раз шел спектакль в небольшом, но уютном зале, красные кресла в котором каскадом спадали вниз, к самой сцене. Здесь теперь работает моя дочь. Работает, приносит пользу обществу. Да еще какую - эстетическую, нравственную, духовную пользу! Красиво говорю, но так надо...

Весь потолок над сценой увешан симпатичными прожекторами и световой электроникой. Сцена неглубокая, но высокая. И вот гаснет свет и начинает звучать музыка.

Белый луч света возникает в темноте и натывается на гладко причесанную голову героини.

Это - она, Гуля.

Как она хороша! Неужели это мое создание? Плоть от плоти моей! Ей Б-гу, чуть было, не полез на сцену, раскланиваться.

Ведь я уже создал свой образ. Вот он - дочь. А все что вы видите - производное от нее. Это уже она творит. А я сотворил ее!

На сцене появляются герои, завязывается драматический конфликт, кто-то врывается в налаженный скучный уклад молодой пары, происходит странная метаморфоза смысла, потому что сам нарушитель спокойствия - человек, который не нашел еще себя, уязвимый и не определивший свое место между Добром и Злом. Гуля играет с надрывом. Кто-то сзади даже прошептал:

- Видно, что настроение у актрисы кем-то испорчено...

А я неотрывно смотрю на сцену, где меняется цвет прожектора, то он желтый, то голубой, то сцену заливают красный, то белый цвет, и я понимаю, что я смотрю какую-то другую пьесу, не ту, что поставил режиссер.

Это пьеса из жизни наших потомков, может быть, моих детей, да и напарником моей дочери по спектаклю является ее муж, грациозный в своей угловатости, в своей хрупкости, в вечном полете своих тонких рук-крыльев, тонкий и румяный, вечно юный Нижинский, одно танцевальное "па" которого выдает в нем прямого потомка того Нижинского, которому посвящены стихи Беллы Ахмадулиной:

...Виденье он, которое не в силах
все время знать, как мучится душа...

Эта пьеса о них, моих милых детях, так трудно, так по-своему идущих к своей правде, к Б-жественной истине...

Ах, если бы возможно было воплотить многовековой опыт и традиции нашего древнего народа в драматургии...

А ведь Гуля создана для того, чтобы хотя бы раз в жизни сыграть представительницу горского народа джугури. Ее крепкое, красиво сложенное тело, четкие стремительные движения, очень точные, как у кошки, и такие женственные, она могла бы не произносить реплик, за нее говорит ее лицо, ее глаза, большие, лучезарные... Мала ей, что ли, эта сцена?

Но об этом нельзя говорить и думать, все в руках Б-жиих.

Совсем еще недавно Гуля пришла ко мне в домашний кабинет, подошла к моему креслу и обняла меня, прижалась ще-

кой. Редко теперь дочь так ласкается ко мне. Она хотела что-то сказать мне, но не решалась.

- Говори, говори, - помог я ей улыбкой. - У тебя такой таинственный вид. Вы что, готовите новый спектакль?

- Спектакль мы готовим, но я по другому поводу.

- Ах, все-таки спектакль готовите, - обернулся я, все еще настраиваясь шутить. - И, конечно, готовы оказать честь Гильдии российских адвокатов и пригласить ее, матушку, в спонсоры.

- Ну, папа, - Гуля надула губки и выстрелила в меня умоляюще-укоряющим взглядом больших влажных глаз.

- Нет?

- Я... Он... Мы...

- Это личные местоимения, доченька, теперь повторим притягательные...

Гуля поняла, что тянуть больше нельзя и выпалила:

- К тебе хочет прийти один молодой человек, Саша. Он хочет просить тебя, чтобы ты отдал ему мою руку и сердце. Ой, как-то не так...

Она скорчила рожицу и задумалась, ждала, что я скажу.

- Судя по твоим словам, он собирается тебя забирать по частям.

- Ну, па!

- Знаешь, дочка, - вполне серьезно произнес я, видя, как дочь волнуется, - вообще-то у нас положено, по нашим законам и обычаям, чтобы сначала его родители пришли ко мне. Ты меня понимаешь?

Она растерянно посмотрела на меня и проговорила так, как будто на пути появилась неустраняемая преграда:

- Ой, а у него папа умер, только мама... и отчим.

- Значит, мама пусть придет, с отчимом.

Я вспомнил недавний свой разговор с мамой в больнице, куда она попала после сердечного приступа.

- Хватит деточку мучить, - сварливо упрекнула она. - Я хочу на него первая посмотреть. Пусть придут ко мне сюда, - Виктор Маркович, мой врач и твой друг, возражать не будет.

Гуля, узнав о решении бабушки, просияла. Она почувствовала, что мы очень серьезно отнеслись к ее сообщению.

- А кто он, твой избранник, чем занимается? - спросил я вспорхнувшую и летевшую к выходу дочку.

- Он, Саша Нижинский, правнук того самого танцора, он актер и очень даже талантливый.

- Ох-охо-хо, - покачал я головой, - а кто же вашу семью содержать-то будет?

На следующий день мама встречалась с Сашей и Гулей в больнице. Они сидели за маленьким столиком.

Мама прихорошилась.

Разговаривая с будущим родственником, она, казалось, волновалась не меньше Гули. О Саше и говорить было нечего. Его и без того бледные щеки от волнения покрыли белые пятна, он не мог найти место рукам.

- Дора Шавадьева, а как вы думаете, Гасан Борисович даст свое согласие?

В конце разговора мама сказала:

- Мы поговорили обо всем, и о балете, и о театре, и о вашей семье. Теперь скажите мне, Сашенька, дорогой, за что вы любите мою любимицу Гуленьку.

- Уважаемая Дора Шавадьева, - ответил Саша, - Лев Толстой сказал как-то: если на вопрос "за что вы любите женщину?" кто-то начнет перечислять ее достоинства, значит, он не любит эту женщину. Это чувство не может быть принижено объяснениями.

- Ай, мой славный! - воскликнула мама. - Дай я тебя поцелую. Где ты такого мудреца взяла, Гуля?

А потом тихо добавила: "Если со мной что-то случится - свадьбе все равно быть".

После маминого благословения состоялась помолвка. Это было в ресторанчике парка "Сокольники", куда я пригласил родителей Саши, мою сестру Фриду с сыном Валерием и его детьми, своего брата Натана с детьми, Галину Петровну - маму Саши Нижинского...

Ставший впоследствии моим зятем Саша так рассказывает о первой встрече с дочерью. Что работал он в театральной школе заведующим учебной частью, и в 1996 году, когда учебный год уже начался и он набрал уже всех студентов, приходит вдруг юная дама, элегантно одетая, вся в черном, в солнцезащитных очках, и говорит, что хочет учиться.

Он ей ответил, что время уже прошло, и предложил прийти на следующий год. Она настаивала, и так красиво и экстравагантно, что он... влюбился.

День свадьбы, наконец-то, назначили. До этого весь наш тайп думал, где ее справлять. Молодые вообще не хотели шумных застолий, но я протестовал, говорил, что сыну свадьбу сделал и дочери тоже хочу.

Шестнадцатого августа молодых ждали в загсе.

...И вдруг двенадцатого - умерла мама.

А свадьба должна была быть через три дня, все к ней уже было готово, разосланы пригласительные билеты. Я позвонил молодым и сказал: "Бабушка говорила: что бы с ней ни случилось, бракосочетанию - быть".

Мамина Душа отлетела почти зримо. Всколыхнулись тюлевые занавески на окне, в комнату вошло солнце, выглянувшее из-за тучи. Она лежала величественная и родная, но уже спящая глубоким блаженным сном.

Гуля и Саша вошли в загс. Сотрудница этого странного учреждения, коллективного поверенного Б-га в делах семьи и брака, прочитала вдохновенную речь в своем рабочем кабинете, и дети вышли на улицу.

Это были уже не маленькие дети, это была близкая мне по крови, но... чужая семья.

Я часто вспоминаю своего отца и сравниваю его методы воспитания с моими. Ведь я тоже отец. Да, да, я словно учусь у него на этом сравнении, как нужно воспитывать собственных детей. Но раньше, когда в них, в Борю, в Гулю нужно было закладывать и характер, и жизненные принципы и позиции, я во всем хотел быть непохожим на собственного отца.

Отец был очень строг с нами, мог и выпороть. Отец мало нас баловал - мои же дети не знали ограничений в карманных расходах и послаблениях. Мы боялись просить у отца деньги на завтраки. Те же двадцать копеек мы приходили брать у мамы. Отец отдавал ей зарплату и больше не спрашивал, на что она ее потратила. Вместе с уважением к отцу в душе нашей жил страх. Мама нас приучила к тому, чтобы мы боялись совершить неблаговидный поступок под страхом того, что узнает отец. Мальчишечьи шалости, хохмы, редкие тройки - все это, и впрямь, выходило мне боком, ес-

ли узнавал отец. Я не хотел этого слепого страха и ложного чинопочитания от своих детей. Теперь же, когда они выросли и стали взрослыми, начинаешь анализировать, так ли ты их растил, и кажется, что строгости было маловато. Не обманулся ли я в своих надеждах на демократические законы внутри семьи? А вдруг еще юные неокрепшие характеры детей сломаются под какими-то внешними тяготами. Страшно за них.

Но вот сын, похожий на меня в детстве, с круглым подбородком и черными бровями, пришел ко мне накануне своего школьного выпускного бала и сказал:

- Папа, я хотел бы начать свою трудовую жизнь, как ты. Во-первых, потому что вернее дороги, уже пройденной отцом, нет. Во-вторых, потому что мне самому хочется работать в милиции, начать все с азов, узнать всю подноготную, все нюансы профессии и учиться, конечно, на юриста.

Вот только когда немного отлегло от сердца. Да, не было и не будет в нашем роду оболтусов.

Недавно Боря закончил следственный факультет в юридическом институте МВД России. Он работает следователем, работа закалила и немного огрубила этого ясноглазого наивного вчерашнего школьника. Сегодня он глава семейства, отец моей внучке, кормилец и защитник своей семьи. Трудно соединить семейные устои двух различных национальностей, но любовь делает свое. Сколь крепка будет их любовь, сколь крепка будет их семья - одному Б-гу известно.

Сын только входит в море человеческих судеб, и я мечтаю подсказать ему, как нужно жить, чтобы это море не поглотило его, а вынесло к берегам истинного служения людям.

Я надеюсь, что он придет ко мне за советом. Я вижу его мягкость, доброту, великодушие. И поразительную порядочность. Впрочем, порядочность не имеет степеней. Она либо есть, либо ее нет.

Вот и мой сын несет в себе все качества, которые нужны современному адвокату. Да простят меня следственные органы, мой сын идет по моей дороге. Не дай Б-г ему столкнуться с той жестокостью, которую увидел я, но мой путь привел в адвокатуру. Но не будем загадывать. Я не хочу давить на своих детей. Так их можно потерять.

И все-таки я мечтаю о том времени, когда бы я был полностью уверен, что мои дети и внуки повзрослели и могут стоять на ногах самостоятельно. Хотелось бы это увидеть при жизни.

Дорогие дети мои, для вас пишу я эту книгу. Пусть ее прочитают мои знакомые, коллеги, друзья, пусть прочтет ее моя любимая жена, мои родные брат и сестра. Но вам продолжать меня, мою кровь, мой род в веках. Вы, внуки и правнуки мои, знайте и любите то, что я любил в своей жизни. Помните и поминайте добрыми словами тех людей, которые своим Добром осветили мою, а значит, и вашу жизнь. Боритесь с тем, с чем я боролся, продолжайте мое дело и помните: больше жизни я люблю вас, мои милые добрые дети. Все, что я делал на этом свете, делалось ради вас, ради того, чтобы вы жили в радостном цветущем мире, без войн, беззакония и страданий.

Вы возьмете эту книгу и узнаете, чем жил ваш отец и дед. Не будет меня, наступят другие времена, уйдут поколения людей, которые строили новое государство, которые открывали новое тысячелетие. Когда-нибудь о нас будут говорить, как о людях, с которых начался новый отсчет.

Дай Б-г вам счастья.

Вот вам книга о нашем роде, о наших традициях, о нашей вере и том врожденном чувстве справедливости, которое делало из нас правоведов и проповедников Добра.

Глава 10.

Ушедшие дни, что пролитые воды.

Мама.

Родная моя Мама.

Сегодня девяносто девятый год. Именно сегодня. Мой полувековой юбилей отгрохотал семьсот дней назад, как оркестр ударных инструментов, банкет, поздравления, старые друзья и родственники, однокурсники, коллеги, официальные лица, представляющие государственную власть.

Они все уважают меня, многие любят, и я знаю, некоторые даже понимают меня, как человека.

А те, с кем я говорю на одном языке, к кому можно обратиться в любое мгновение дня и ночи, кто переживает за меня, как за брата - это мои друзья.

Но когда они произносят фразу: "...А помнишь, в тысяча девятьсот семьдесят... каком-то году", я понимаю, что многие события моей жизни отошли на задний план и стали фоном, убегающей перспективой, как эти подмосковные холмы, заснеженные поля и русла рек. Послевоенные годы, смены политических лидеров, смены политических эпох...

Из событий общемирового масштаба они превратились в памятку для того, чтобы было легче вспомнить, а что же происходило с тобой в эти годы. Не доказывает ли это, что человеческая жизнь куда как важнее всех этих чиновничьих игр, борьбы за власть, богатства и чинов? И может быть отдельная человеческая жизнь гораздо богаче всей человеческой истории.

Этапы твоей жизни помнятся отчетливей, но и они спрятаны за волнообразным стеклом времени. Еще недавно вроде стоял первоклашкой на холме в Георгиевске, смотрел с этого холма - высматривал собственную судьбу.

Не так давно родились дети, а вот уже и Гуля, и Борис имеют свои семьи, профессию. Подрастает на глазах твоя любимая внучка Полина. Живет на свете и Маргарита, моя неведомая потеря и мое замечательное приобретение, нечаянный подарок судьбы. Вон они какие красивые, веселые стоят с бокалами шампанского, смеются, танцуют.

Вот твоя дочь Фрида со своими малышками-дочерьми и старшим сыном - помощником Валерой. Валера рос в окружении заботы и достатка. Его отец был инженером, мама - творческая и незаурядная личность, жертвенная для всех родственников, помогавшая сестрам мужа поднимать детей, они смогли вырастить достойного сына. А у сына-то уже своих двое детей; он непрерывно учится, закончил курс в институте народного хозяйства, собирается поступать в юридический. Он помогает мне в Гильдии российских адвокатов, и я возлагаю на него большие надежды. Он живет сейчас в твоём доме, вспоминает тебя.

А Фрида скоро вернется к нам из далекой страны, потому что решила, все мы, твои дети, должны быть вместе на нашей родной земле, в России.

Вот жены и мужья наших повзрослевших детей. Все собрались под этой сенью, имя которой Ты, мама. Твоя небесная чистая Душа.

Вот твой сын Натан со своей женой и тремя детьми. Он вынужден был уехать из Баку после трагических событий девяностого года, вставать здесь на ноги, заботиться о семье, о детях. Его дочери и сын выросли хорошими людьми, как и все наши дети. Одна его дочь учится на юриста, другая - в медицинском. Сын учится в школе.

Ты знаешь, мама, Натан еще не окончательно пришел с войны. Афганистан и Карабах мучают его ночами, он отражен в его глазах, в его памяти. Но Натан такой же сильный, как наш отец. Встретились ли вы там, в неведомой выси? Конечно, встретились и любуетесь своим огромным семейством и этим праздником.

Помнишь, мама, как отец говорил:

- Главное, что делает человека человеком - это труд.

Странное явление, но больше половины всех, кто есть наша семья - пошли по юридической специальности. Даже Гуля и ее муж решили получить кроме театрального, и юридическое образование.

Во всех нас живет великое ощущение справедливости, неутолимое стремление сделать жизнь всех людей прекрасней.

Да, мама. Твоему сыну уже за пятьдесят. А ты все еще молода и красива. И мне снова хочется отчитаться перед тобой. Как рано ты ушла, мой истинный друг.

Похожи ли они на нас, молодых, полных энергии, чистоты, еще не умеющих отличать ложную идеологию от истинных идеалов? И да, и нет. Они так же порывисты и принципиальны, но они рано начали видеть мир в его реальном свете.

Посмотришь еще: казалось бы, только одну четвертую жизни и карьеры провел в Москве, а все идет к тому, что эти тринадцать лет перевесили, превратились в вечность.

Август девяносто первого, октябрь девяносто третьего, зима девяносто пятого, август девяносто восьмого.

Мама, видишь ли ты с небес своих детей, внуков и правнуков? Посреди этой огромной земли, усеянной огнями и цвета-

ми. Кажемся ли и мы тебе такими же далекими, недостижимыми, как ветхозаветные люди? Или тебе видно оттуда, что последняя страница Библии еще нескоро будет написана?

Видишь ли ты свою юную душу, которую ты успела подарить моей маленькой дочурке Полине в бархатном платье и белых носочках, которая смотрит на этот мир твоими любопытными добрыми глазами? Я знаю, ты видишь нас. Ты видишь мои дела на этой земле и благословляешь меня.

Глава 11.

Радуйся счастьем собрата.

Мы стояли небольшой группой в аллее МГУ имени М. В. Ломоносова. Подойдя к памятнику Кони, работы замечательного скульптора Александра Петровича Семынина, все мы остановились перед решеткой ограды. От сырой осенней земли исходил густой пар, запах вялой листвы, земля словно дышала, бугрилась на могиле сочными влажными комьями. На старых аллеях обычно высокие деревья. Они куполом сходятся далеко вверх, образуя здесь, внизу, голое гулкое пространство.

- У меня такое ощущение, что этот памятник одушевлен, - сказал я Семынину и улыбнулся. - Вот вроде холодный камень, а как душу согревает.

- А ведь это, пожалуй, первый памятник юристу в России, - заметил кто-то.

Наверное, памятники и создают для того, чтобы человек захотел жить так же, чтобы вот такую память о себе заслужить. Посмотрит поэт на памятник Пушкину, Есенину на Тверском бульваре, Блоку во двореке на Спиридоновке и задумается, что нужно нести в своей душе, чтобы быть таким же светочем.

Юристы же, рассматривая Анатолия Федоровича со всех сторон, впервые, может быть, за всю свою жизнь задумались о своем значении и поняли, что и у них есть шанс на благодарную память потомков.

Анатолий Федорович Кони скромно стоял в задних рядах и о чем-то перешептывался с Федором Никифоровичем Плевако.

До меня донеслось:

- Не скромно... Неужели... заслужил не менее... Все-таки я...

- Вы так говорите, Федор Никифорович, будто я сам памятник себе воздвиг!.. Президент Гильдии несколько месяцев на меня, то есть на памятник, деньги со своих клиентов-должников собирал. Время-то тяжелое, а он на памятник денег не пожалел, выходит ценят, помнят...

- Ну, если ради средств на памятник адвокаты будут дела выигрывать, то не грех и другим, не менее талантливым юристам памятники поставить, - перебил его Плевако. - Я готов предложить свою кандидатуру.

Я подошел еще ближе. Меня окликнула инициатор создания скульптуры, заслуженный юрист Цориева:

- Благороднейший Гасан Борисович, - услышал я и не сразу понял, что обращаются ко мне, - мне так досадно, что на памятнике не указана ваша фамилия.

- Да рановато еще, я еще поживу, поработаю, - отшутился я.

- Как это его фамилия? - удивился Кони. - Я понимаю - продолжатель традиций русской адвокатуры достойный, но...

- Нет, вот здесь, сбоку, видите? - поправила себя пожилая дама. - Здесь указана лишь моя фамилия, а вы внесли такой большой вклад!

Кони саркастически улыбнулся:

- Гасан Борисович, собственно, внес самый основной вклад - профинансировал.

Плевако напряг слух и даже закурил сигару. Все выжидательно посмотрели на даму. Я помог ей:

- Да, да, господа. Вы не огорчайтесь, Аза Тазеевна. Мне совсем недавно в голову пришла одна идея: поставить памятник другому сыну русского народа, выдающемуся адвокату России - Федору Никифоровичу Плевако. Перед зданием Российской Академии адвокатуры. Вот и будет шанс запечатлеть мою фамилию.

Восторженные возгласы посыпались из уст моих собратьев, а Плевако отвернулся и провел рукой по глазам, пыхнув сигарой.

Глава 12.

Труд - улада человеческого тела.

Не прошло и пятнадцати лет с начала перестройки, как Министр юстиции России начал готовить предложения по ограничению мер пресечения по принципу - необходимости.

Не исполнилось и пятнадцати лет демократии в стране, как общество начало выступать против проявлений экстремизма, национализма и антисемитизма.

Не истекло и долгих пятнадцати лет, когда Первый вице-премьер Правительства заявил на всю страну: прессу не победишь, бесполезно ей угрожать.

Все это происходит на наших глазах.

Правда, еще не определено место адвокатуры в российской правовой системе, не отменены те фискальные нормы, которыми душится не только право граждан на защиту, в том числе на бесплатную юридическую помощь, но и вообще ставится под угрозу банкротства адвокатура, еще только организуемая в стройную взаимодействующую независимую структуру.

И все-таки идут процессы самоорганизации, очерчивается основная идея адвокатской деятельности и других перспектив развития адвокатских образований.

А в это время в Гильдию, в коллегии адвокатов, в юридические консультации стоят очереди.

- У тебя нет хорошего адвоката? - спрашивают люди друг у друга.

- Хочу личного адвоката и домашнего доктора, - заявляют некоторые богатые люди, между прочим, не всегда наживающие свои прибыли незаконным путем.

Слава Б-гу, было у них достаточно времени заработать деньги своим умом и старанием. Многим из них. А остальным в это пока не верится.

- Здесь без адвоката не обойтись, - почесывает в затылке средний класс, решая организовать свое дело.

- Договор с адвокатским бюро или коллегией дешевле и надежнее будет, - решает директор акционерного общества, получивший по почте копию искового заявления от своего же должника. - Аудит нам тоже пользу принесет...

- Где бы адвоката своего раздобыть? - гадают многие и многие люди, впервые столкнувшиеся с правовыми вопросами.

О, сколько их, этих простых и сложных вопросов, задают наши доверители, можно устраивать блиц-турниры.

Вот эти супруги хотят подать иск в суд на собственника рекламной установки, загораживающей им дневной свет, мигающей всю ночь напролет прямо в их окнах.

Вот у этой организации арестовали счета по исковому заявлению, оформленному ненадлежащим образом.

Вот эта газета написала два года назад статью про проходимца и лентяя, хорошо знающего свои трудовые права. Он теперь требует с редакции и журналиста сто сорок миллионов, а самой газеты уже не существует. Кроме того, истец - явно пациент психиатрического диспансера.

Вот эта молодая пара - он - индеец, она - русская девушка, - вынуждены снимать комнату, потому что мать девушки выгнала их из дома, вставила замки новые и приватизировала на свое имя квартиру. Здесь придется повозиться, ведь документы о приватизации только у нее, у матери.

А тут случай похожий. Хозяйка приватизированной кооперативной квартиры умерла. Как теперь внучке получить по этому адресу регистрацию, а чтобы понятнее - прописку, чтобы не выгнали из квартиры. Тут намешано в самой постановке вопроса.

Вот эта молодая мама принесла медицинские справки - из-за повышенного содержания фенола в стенах дома, где она живет, у ее ребенка сильно ухудшилось здоровье. Ей нужно срочно выбить новую жилплощадь.

Эти два москвича, коммерсанты; они заключили договор с моими земляками из Баку, поставили туда лес, а денег в уплату древесины не получили.

Этим несчастным американцам предоставили под офис представительства нью-йоркской фирмы помещение, которое находилось к тому времени в субаренде.

Да, голь на выдумки хитра.

А это дело пойдет в нашу службу по организации и методике эффективной защиты по уголовным делам: молодого парня, спортсмена обвинили в убийстве на основании показаний ребенка, видевшего в день убийства возле дома убитого такую же машину, как и у спортсмена.

Эта толпа вовсе не агрессивна, у них нет физических сил на агрессию. Это пенсионеры, которые были вкладчиками "Чара-банка".

Банк разорился.

У этих бабушек на всех - миллионов пять в этом банке, старыми деньгами. Успокой их, Борис Григорьевич, объясни попроще их права, да заготовь бланк заявления в комиссию по банкротству, всем раздай образцы, всем.

- Господи помилуй, а вам что уважаемый? У нас тут не спортивный зал, куда вы побежали?

Дежурный милиционер гонится за мужчиной, хватает его за развевающийся красный шарф, шарф сползает с него, как с ящерицы хвост, мужчина бежит на второй этаж, забивается в мою приемную, крутит кресло моего помощника, между прочим, вместе с содержимым, уворачивается от милиционера.

- Вы что! - ору я не своим голосом, пытаюсь остановить кресло. - У него вестибулярный аппарат плохо работает.

- Я починю! - орет в ответ мужчина. - Я все аппараты вам починю, только, умоляю, Гасан Борисович, спасите меня.

- Что? От кого?

- Я, Стрижков Виктор Николаевич, прилетел из Краснодара, меня с самого утра не допускают к вам помощники. Прошу политического убежища. Они хотят меня незаконно привлечь к суду, а я знаю, что если арест незаконный - я имею право сопротивляться.

- Уф! Слава Б-гу, не террорист! Идите, ребята. Мы разберемся.

Гражданин, Россия!

Проснитесь.

Пора приступить к утренней молитве. Предлагаю начать со слов "каждый имеет право на жизнь", а закончить: "защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется" вами, гражданин, вами гарантируется. Это значит, если вы чего такого обещанного предоставить не сумеете, то надо будет чего-нибудь взамен отдать, какое-нибудь, скажем, имущество. Как, согласны? Ну, вот, завтракать пора...

...а вы еще не делали зарядку. Ну же, начинаем с наклонов вперед: поклонимся честному народу, поклонимся могиль-

ным крестам, ГУЛАГам и загубленной природе, шаркнем ножкой в сторону международных конвенций о правах человека, присядем в глубокий реверанс перед собственными законами. Повторить десять раз, желательно без рук. Сами ведем счет: и раз, - арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению; и два, - каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; и три - каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Вот тут пятиминутный отдых.

Как можете вы выполнять эти упражнения, когда их выполнение от вас не зависит? Уж только не мешайте, душечка Государство, право же. Это же - Право! А закон в руках варвара - страшное оружие. Страшное! Так что положите дубинку, медиками доказана вредность церебрального паралича для организма.

Теперь, гражданин государство, приступаем к водным процедурам: прежде всего, помойте руки. На них много крови. Теперь промойте глаза. Видно вам теперь: народ стоит на грани голода и деградации.

Заводы стоят. В школах и больницах нет электричества. Пособия на детей выдают водкой невдалеке от виллы, построенной для приема главных демократов, куда никто никогда не приедет. Вон в том озере, куда два раза завозили рыбу для их возможной прихоти, говорят, в особо важные минуты истории виднеется под водой град Китеж, горят там свечи в храмах и звонят колокола. Может, это ваша прабабка там когда-то утопилась...

Сходи на берег того озера, дружище Государство, искупайся в студеной воде, только не сгинь совсем. К слову, там и рыба-то завезенная всплывала оба два раза - не прижилась, подлая.

Завтрак на столе: вот вам, пожалуйста, свобода мысли и слова, фаршированная, уже подостыла, а вот, расстегая свежее выпеченные с правом на благоприятную окружающую среду. Приятного аппетита! Не сломайте зубки!

Ради такого случая и музыку врубим. Вот и песенка по радио затренькала про тебя, Государство:

Сенат ли. Дума. Земский ли Собор:
избавь их, Б-же, от бесправной власти.
Но и Закон, покуда правит вор,
Такое же ненастье.

Опять междоусобицы, как встарь,
Слабеет в распрях государство.
Глядит насупившийся государь
Глазами замутненными на царство.

Министры не радеют о казне,
Купцы лютуют, не боятся Б-га
ростовщики,
Известий о войне
ждут матери у каждого порога...

Нравится песенка? Пищеварению способствует? Не сделать ли гимном?

Товарищ государство, госпожа Россия!

Вы сегодня в каком наряде пойдете на занятия строевой и политической подготовки? А, вы в наряде на картошку?

Это правильно. Оно хоть и мексиканское растение, а уж третье столетие спасает русского мужика от голодухи.

Не забудьте, что вечером ликбез, то есть ликвидация правовой безграмотности. С собой принести Конституцию, конституцию и коэволюцию.

Конфронтацию не брать.

Если по дороге в наше Общество по интересам к вам подъедет милицейская гражданокосилка и вас попытаются склонить к подписанию себе смертного приговора, добежите до Гильдии российских адвокатов и, показывая пальцем на меня, крикните своим башибузукам в милицейских формах:

- Только через его труп!

В смысле:

- Я не буду с вами разговаривать без своего адвоката.

А про то, как поступить дальше, я напишу в адрес всех ваших обидчиков отдельные исковые заявления.

...Это, конечно, шутка, но...

Глава 13.

*Посмотри наверх, в созвездьи Змия
Загорелась новая звезда.*

Н. Гумилев

...А теперь немного о нашей адвокатской «четвертой» власти, поскольку сегодня практически невозможно бороться за справедливость и искать истину без печатного органа. Создать оный было моей мечтой много лет. По словам мамы: создание адвокатского журнала была одна из неосуществимых грез.

История знает пример издания, подобного "Российскому адвокату". До 1868 года в России выходил в свет журнал "Русские адвокатские ведомости", но вскоре был упразднен. И с того момента прошло сто тридцать лет.

Но еще до того, как журавль в небе превратился в журнал в руке, я понимал, как важно найти капитана на судно, именуемое "мечта о печатном органе", потому что этому человеку предстоит не только повести корабль, но сперва грамотно и красиво построить его.

В течение 1994-го года я занимался поисками главного редактора, который мог бы возглавить будущее издание. Людей, претендовавших на этот пост, было много. К тому же я не был еще уверен, что это будет за издание: газета ли, журнал ли, и какое по объему? Предлагалось даже приспособить для этого газету "Право", которая выходила в Санкт-Петербургской коллегии адвокатов и которую так же возродил, а потом редактировал Юрий Ильин.

Ромен Звягельский в то время был первым заместителем главного редактора международной газеты "Человек и право", газеты, которую, по сути дела, он сам создавал и редактировал, поскольку формальный главный редактор и хозяйка - Цориева не была журналистом. Газета была интересная и, как теперь говорят, рейтинговая, ее поддерживал Юрий Хамзатович Калмыков, ныне покойный, а в то время - министр юстиции России. Минюст пользовался этой газетой, считал ее своей, но денег, как водится, не давал ни копейки.

Газета чахла, как чахнет аристократ, не продавшийся капиталисту.

Я пригласил Ромена Ароновича на откровенный разговор, при котором присутствовал Владимир Евгеньевич Гулиев, доктор наук, профессор, в то время мой советник. Мы слушали мнение специалиста о том, что за издание нужно Гильдии.

Звягельский фантазировал, развивая тему именно журнала, а не газеты. Когда этот двухчасовой раунд закончился, я, уверовав в искренность и энергию этого человека, произнес: "Ромен Аронович, а вы не хотели бы возглавить этот журнал?"

Я знал, что опыт редактирования журнала у Звягельского богатый. Он, сняв свои полковничьи погоны в 1991-м году, был первым заместителем главного редактора центрального журнала Министерства обороны "Советский воин", до этого - шестнадцать лет в "Красной Звезде", — объездил практически весь мир. Человек творческий, взрывной. Его книги очерков и сценарии документальных лент свидетельствуют о том, что я поступаю верно, предлагая такую ответственную должность.

После нашего разговора прошло несколько недель. В один прекрасный день в моем кабинете открылась дверь и вошел Звягельский: "Гасан Борисович, вот моя трудовая книжка. Я - ваш!".

Честное слово, я расцеловал его, обнял, потащил в ресторан, где мы сели с ним, выпили, и начали наше дело - дело, которое сегодня греет душу... Прошли годы с момента нашего знакомства, и я искренне рад, что не ошибся в этом человеке.

Как истинный капитан Звягельский подобрал отличную команду. Бриг "Российский адвокат" уверенно бороздит волны правовых морей и не страшится ни айсбергов, ни флибустьеров от юриспруденции.

Естественно, журнал - это целая история, ему уже почти пять лет, он прошел тернистым путем становления, утверждения, самоутверждения, но я прекрасно понимал, что для его популяризации нужен какой-то неординарный толчок.

И, о'эврика! Будучи еще корреспондентом "Красной Звезды", Ромен Аронович курировал со страниц газеты Звездный городок. И тут он решил: а почему бы не попытаться запустить наш журнал в космос?!

Я на "ура" принял его предложение.

Тем более, как он заявлял, цитируя своего друга летчика-космонавта Петра Климука: "У адвокатов и космонавтов одна цель - защитить цивилизацию".

Сказать по совести, в последние годы космос стал похож на внекультовую религию. Все те, кто не ощущает присутствия истинного Б-га, полагая, что после сотворения молитвы на него обязательно повалится манна небесная, и что Всевышний постоянно что-то ему должен, - на космос стали возлагать особые надежды: вот прилетят инопланетяне, - рассудят, заменят правительство, накормят бездельников, водки будет - залейся, заводы сами заработают, разбитые семьи склеются и т.п.

...Иными словами, в один прекрасный день Звягельский посетил Звездный городок, он, по старой привычке, иногда участвует в разных космонавтских мероприятиях. А потом парился с космонавтами и пил чай. И вот тут, за самоваром, оказалось, что на ловца и в самом деле зверь бежит, - среди космонавтов есть подписчики нашего журнала.

Чем не информационный повод. Звягельский достал блокнот. Один из подписчиков — командир международного экипажа, Герой России и Казахстана полковник Талгат Мусабаев собирался в очередной космический вояж.

Ему-то и подписал я впоследствии командировочное удостоверение корреспондента журнала за номером пятнадцать (все подлинное) в космос для выполнения специального задания.

Срок командировки был указан сто девяносто три дня, и потом наш главный бухгалтер Ирина Юрьевна Можаровская долго прикидывала, что делать с этим невероятным финансовым документом.

Журнал побывал в космосе, но вся соль в том, что по возвращении космонавт может с борта корабля взять с собой минимум веса. Тут каждый грамм на счету.

И, согласитесь, есть особая трогательность в том, что именно журнал "Российский адвокат" был возвращен на Землю, да еще передан мне с надписью: "Уважаемый Гасан Борисович! Задание выполнено! Спецкорр. Т. Мусабаев. 11.02.99".

...Спускаемся с небес на грешную Землю...

Глава 14.

*Виноград у винограда цвет перенимает,
человек у человека - ум.*

...Полтора ста лет назад Салтыков-Щедрин весело сформулировал правовое поле России. Он сказал: "Законы российские свирепы, единственное, что умеряет их неукоснительность и безотложность, - это неисполнение"...

Должен вам сказать, что с тех пор кое-что очень существенно изменилось. Мы с тех пор преуспели в главном. Произвол и бессовестность нашу удивительно сумели ввести в законодательство.

Студенты юридических вузов обыкновенно спрашивают: а как это может быть вообще, чтобы в истории Великой России мог иметь место в двадцатом веке - **тридцать седьмой год?!**

Оказывается, мог.

Надо было просто вместо уголовно-процессуального кодекса ввести "временные правила производства следственных действий", вместо правосудия - чрезвычайные суды и "тройки", а вместо более или менее сбалансированного уголовного законодательства царской России - уголовный кодекс в редакции ВЦИК от 26 марта 1928 года, который, кстати, введен был в действие задним числом с 1 марта 1928 года со своей знаменитой 58-1 статьей. Кроме того, вместо адвокатов, компартия предложила обществу - перечень дел, по которым защитник вообще не полагался.

А ВЦИК помните что такое?

То есть даже к декларативному народовластию уголовное законодательство двадцатых-тридцатых годов не имело никакого отношения.

России в последние, послепетровские времена было свойственно перенимать из многочисленных стран всегда все худшее.

Так вот, друзья мои, не русское это изобретение - "тройки" и "временные правила", не по-русски это - задерживать на улице и немедленно по подозрению или по показанию опять же (свидетелей) расстреливать, а по-немецки и по-американски.

В Германии - чрезвычайное свидетельство на улице - просто стало статьей дохода. А если помните международное законодательство, то до сих пор в ряде штатов США действует вопиюще-противоправное мероприятие - "сделка о признании", это когда собирается та же тройка и в обмен на признание, как правило, мало искушенному в юриспруденции подсудимому что-то сулит.

А вдруг он вообще не виновен?

Жаль, что Россия - не правовое в полном смысле слова государство, что еще многие законы не работают, что часто дает сбой в своей деятельности правоохранительный механизм, но поворот к законности, о котором мечтали российские юристы столетия назад, поворот - хочу верить - необратимый, все же состоялся.

Ежедневно во все коллегии Гильдии российских адвокатов, расположенные по всей стране (а их уже 59! - вдумайтесь в эту цифру), приходят десятки, сотни тысяч граждан с просьбой о юридической помощи. Вспомните, раньше эти люди шли исключительно к начальству, к администрации, в партийные органы. Там надеялись найти справедливость. Писали жалобу на ЖЭК, а она в ЖЭК и попадала с резолюцией "Разобраться и принять меры", ЖЭК и принимал меры - и вот уже в квартире переставал работать не только кран, но и электричество, и газовая плита. И если бы граждане терпели обиды только от ЖЭКа! Сколько несправедливостей осталось ненаказанными, сколько нарушенных прав и свобод конкретного гражданина - невозстановленными!

Сегодня все больше и больше россиян верят, что их законные претензии к милиции, местным властям, начальникам, чиновникам, коммерсантам, а в последнее время и банкам можно решить не телефонным звонком или подношением, а с помощью адвоката, то есть тем единственно цивилизованным путем, который практикуется во всем мире. Тем самым, можно констатировать: российская адвокатура, пусть робко, но все же переживает своеобразный ренессанс.

Еще недавно ютившаяся на задворках правового бытия страны и правового сознания ее граждан фигура адвоката решительно выдвигается на передний план. Это тем более важно, что становление демократического правового государства

в России идет не гладко, осложняется множеством причин политического и экономического характера. И деятельность юристов, адвокатов, инициативное их движение навстречу объективным интересам людей сможет значительно ускорить процесс формирования правового государства. Без юридической проработки, экспертизы все чаще и чаще не принимаются серьезные государственные решения, как на законодательном, так и на исполнительном уровне. Бизнесмены все чаще обращаются к адвокату, рядовые граждане начинают понимать, что адвокат - защитник не только и не столько в суде, сколько в повседневной жизни. Конституция России, ее законы предоставляют гражданину права, льготы, и если их кто-то ущемляет, он должен ответить за это. Кто поможет? Адвокат!

Но в литавры бить, конечно, преждевременно. После убийства Старовойтовой власти решили сделать шаг назад, видимо, чтобы разбежаться и что-то перепрыгнуть. Вот это зря. Надо отдавать себе отчет, что мы - на этапе перехода от не правового государства к правовому. По большому счету, за правовое здоровье общества можно быть спокойным лишь тогда, когда в массовый общественный обиход войдет фраза: "Обратитесь к моему адвокату", когда эти слова станут восприниматься всеми без исключения - и государством, и частными лицами, как безусловный элемент правосознания. А пока на ум приходит другая, более, к сожалению, патетическая: "Российская адвокатура - в опасности".

Нужно воспитывать в обществе востребованность к людям, знающим закон. Но как это сделать, когда по опросным данным 15% населения России уверены, что власти в какую-то из ближайших ночей перестреляют всех бандитов и банкиров.

Что им объяснить? Что вина индивидуальна? Что ее надо доказывать?

Библейская мудрость гласит, что тогда Б-г посылает людям несчастья, когда хочет, чтобы они объединились на пути к Единому Б-гу, Властелину всех душ, независимо от национальности и вероисповедания.

Да. Закон об адвокатуре нужен сегодня, поскольку деятельность адвокатов по защите прав, свобод и законных интересов граждан ограничена. Трудно отстаивать интересы под-

защитного, которого повели расстреливать из-за того только, что так надо сегодня кому-то. Трудно оказать гражданину, юридическому лицу квалифицированную правовую помощь, если сам адвокат бесправен и законодательно не защищен.

Я не открою секрета Полишинеля, если сообщу, что во время исполнения профессиональных обязанностей, к примеру, в следственном изоляторе, адвоката могут подвергнуть личному досмотру, его могут не допустить до встречи с доверителем, арестовать, даже допросить. Я говорю "даже", потому что для человека чести "допросить" - это страшнее ареста.

Адвокат, в понимании урядника из "развитого социалистического общества", всегда ассоциировался с третьесортным чиновником, бегающим по уголовным и гражданским делам и мешающим государству зачастую тайно вершить "социалистическое правосудие".

Но граждане (исключая те пятнадцать упомянутых заблудших процентов, которые за смертную казнь, в непонимании своем, что душа убиенного вернется независимо от того, атеисты они или нет), как уже говорилось, теперь совсем не те, они осмысливают появление нового социального института защиты.

Все в этом мире происходит не вдруг. А жаль. Если бы чуть раньше: не было бы сегодня миллионов обманутых вкладчиков, меньше было бы прогоревших фирм, не пропадали бы бесследно люди, польстившиеся на рекламу о выгодной продаже жилья.

Мы сегодня насмотрелись американских сериалов про гипотетическое общество, где отменены адвокаты. В нем полиция сразу стала частью преступного мира.

Мы этого хотим?

Прокурор сегодня вооружен материалами следствия, адвокат исключительно - обрывками информации, добытой правдами и неправдами. Во многих странах мира у адвокатов есть право на самостоятельное расследование, у нас такого права нет. Нет даже права собирать и представлять доказательства, за исключением "сведений" и материалов, смягчающих ответственность обвиняемого, либо данных, характеризующих его личность и... состояние здоровья.

Вспомним нашу историю. В составе четырех государственных дум Российской империи принимали участие профессиональные юристы и, прежде всего, адвокаты; они выступали как страстные критики самодержавия, боролись против пережитков крепостничества и рабства, были активными проводниками идей конституционализма и интернационализма.

Почти полное отсутствие среди депутатов независимых юристов в составе нынешней Государственной Думы привело и приводит поныне к постоянному запутыванию самых простых вопросов, бесконечной говорильне, именуемой плюрализмом мнений, совершенно не учитывающим требований действующего законодательства, не говоря уже о подлинном правотворчестве и атрибутах законодательной техники.

Яркий пример: в дни траура по Старовойтовой, в дни напряженного ожидания со стороны общества хоть каких-то решительных и успокоительных шагов по выходу из экономического кризиса, депутаты вместо дела устраивают противоправный балаган по водружению на почетный пьедестал памятника Дзержинскому. Это в то время, когда Соглашением с Москвой и ее Уставом предусмотрено, что решение таких вопросов относится к исключительной компетенции столицы. Что же тогда делали депутаты в столь острый момент для страны? Они выбрасывали на ветер наши с вами денежки, средства всех налогоплательщиков.

И мы неоднократно становились свидетелями того, когда в острые моменты для страны, Дума была не со своим народом, она была глуха к мнению народному. Еще один пример: укрывательство некорректных националистических выпадов своего коллеги-депутата.

Но никто из наблюдателей, из ученых-правоведов не может объяснить странного, фантастического свойства российского избирателя: полное пренебрежение к выборам людей, которые завтра будут решать судьбу страны.

В России адвокатура - это конституционный институт, в основе которого лежит право граждан на получение квалифицированной юридической помощи. И в том числе из-за постоянного игнорирования этого права (я вынужден это констатировать) свободы и права человека, само право на

жизнь, сведены к пустой декларации. Дай Б-г мне ошибиться, но ощущение такое, что на жизнь и честь наступают с двух флангов. С одной стороны, преступники довели свой разгул уже до политического террора, с другой, под предлогом борьбы с преступностью подвергаются ревизии конституционные ростки демократического правосудия. С одной стороны, полная незащищенность и финансовая необеспеченность всех его участников от рядового милиционера, следователя, прокурора, судей всех рангов, с другой, полное отсутствие политической воли для защиты человека и его прав, произвол и насилие в деятельности правоохранительных органов, неоднократные попытки умаления института защиты в уголовном процессе и пренебрежение принципом состязательности в суде.

Все так: обществу, запуганному реальными фактами разгула преступности, насаждается понятная, старая как мир и простая идеология полицейского государства: всех без разбора за решетку, а то и к стенке...

Однако, если те из нас, кто вырастил сына, посадил дерево и написал книгу, сочтут для себя унизительным безропотно прислуживать власти и облекать ее произвол в неюридические рамки, добро пожаловать в адвокатские объятия.

Именно так мы сможем консолидироваться и предотвратить надвигающуюся опасность.

Четыре года назад было объявлено о создании нового избирательного объединения "Ассоциация адвокатов России". В случае избрания в Думу своих представителей ассоциация собиралась сосредоточить основные усилия на разработке и скорейшем принятии нового уголовного и уголовно-процессуального кодексов, а также законов, которые бы обеспечили поддержку российскому предпринимательству.

В состав нового избирательного объединения вошли члены Гильдии российских адвокатов и адвокатских объединений из многих регионов страны. Инициаторы создания ассоциации заявили, что "она не преследует политических целей и не собирается бороться за власть". В случае удачного для ассоциации исхода выборов адвокаты-депутаты будут добиваться принятия Госдумой "полноценного уголовного и уголовно-процессуального кодексов". Адвокаты России также будут на-

стаивать на совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства с целью улучшения содержания осужденных в местах заключения.

Кроме того, адвокаты обещали "провести через Думу законы, наводящие порядок в российской экономике, защищающие собственность граждан от посягательств как государства, так и черного бизнеса". Одновременно, в случае избрания в Думу, представители ассоциации рассчитывали обеспечить введение таких законов о налогах, ценных бумагах и денежном обращении, которые обеспечили бы поддержку честному бизнесу. Собирались они отстаивать и свои корпоративные права: "сильный, защищенный адвокат - это сильный, не боящийся властей защитник самих граждан".

Но обещаниям нашим не суждено было воплотиться в жизнь - избиратели поверили не защитникам, а пройдохам.

Глава 15.

Отдавай и не вспомни об этом.

Я иду по Москве с женой. Мы устроили наш день. Отложили хлопоты. Мы прогуливаемся; видим и радуемся убранству города, восстановленным древним зданиям. Вот Храм, вот Воскресенские ворота с Иверской часовенкой, вот огромный комплекс Манежной площади.

- Смотри. Как светится купол земного шара, подсвеченный изнутри. Пойдем, спустимся вниз, в торговый комплекс. Я куплю тебе подарок.

Зина рада и тому, что я, наконец, вырвал часть дня для прогулки и стараюсь делать вид, что не спешу и, главное, совершенно не думаю о работе.

Как здесь красиво, все в мраморе, витрины сияют лоском самых богатых, дорогих мировых фирм, шумит фонтан, движутся эскалаторы и стеклянные лифты. Мы пространно озираем витрины, заходим в бутики и салоны, спускаемся вниз, в огромный пищевой комплекс.

- Хочешь перекусить?

- Разве что сок...

Мы встаем за парочкой студентов. Незаметно, потому что слишком тихо дышит, движется и вообще почти не живет, подходит к нам старушка.

- Милые, на хлебушек не дадите. Мне бы рублик всего. Да и копеечке рады будем...

Комок в горле. Я засовываю руку в карман пальто. Естественное движение, когда слышу, что кто-то хочет кушать. Передалось от мамы?

Я всматриваюсь в лицо старухи. Проступают ее черты: из смуглости, и морщин, из небытия. Боже мой! Как она похожа на мою старую Нэнэ! Она слегка наклоняет голову: нет, я перепутал, это тетя Цива, но это не может быть тетя Цива - Цива не могла ходить. Она в платке и волосы ее, космами вылезающие на щеки... Анна Ильинична... Мария Ермолаевна, моя первая московская хозяйка... Все лица слились и закружились передо мной! Ма-ма!

Старуха протягивает маленькую сморщенную ладошку, ковшиком.

- Не дадите на хлебушко!

Я вынимаю из кармана все деньги, которые смогла сгрести рука, и, сунув в эту ладошку, убегаю, бегу, тяну за руку жену, она, почти падая, еле поспевает за мной. Я упираюсь в какую-то стену и утыкаюсь в собственный рукав.

- Это ведь наши матери, наша земля просит милостыню!

Я вспомнил об этой встрече и вспоминал о ней потом долго, потому что вечером...

Вечером мы отправились на "Фемиду"...

Это такой праздник юристов, когда лучшим из них раз в год вручается премия "Фемиды".

На улицах Москвы уже стемнело, в начале недели установились странно теплые погоды, и не скажешь, что в феврале шел снег.

В банкетном зале ресторана "Россия" сегодня состоялся прием. Как же он разнился с тем, что мы видим на богатых расцвеченных, но заполненных нищим людом улицах. Как же некомфортно, должно быть, чувствовали себя совестливые люди, попав в мир бесчисленной икры, дорогих костюмов, напитков и сытых острот.

Акцию проводил Московский клуб юристов. Акция была молодая, всего в четвертый раз проводимая, но перспективная.

На правовой бомонд, где можно было встретить цвет юридического чиновничества, приезжала и высшая государственная элита. Здесь в разное время, используя должности, бывали первые вице-премьеры правительства России, президенты государств, виднейшие политики.

На сцену водрузили музыкальные инструменты и ресторанный ансамбль стал настраиваться на долгий раунд. Заиграла музыка. Возле сцены уже было пусто, только первые две пары обозначили импровизированную танцплощадку. Мы с Зиной скучно вслушивались в восточные таинственные перебивы "Болеро" Равеля. Мы быстро ушли домой. И с каким наслаждением, ведь там - маленькая наша волшебная фея - Полина...

Заключение ЭКЛЕКТИКА ПРАВОСУДИЯ

*Человек слишком занят, чтобы быть мудрым.
Адин Штейнзальц*

Говорят, я пассионарен. Э. Шефтер даже писал:
"Затеял новый он процесс -
Всероссийский адвокатский конгресс.
Кредо Гильдии - объединить усилия адвокатов!
Без применения мин и автоматов,
Без лицензий на право работы
Без раздела на сферы влияния
За достойное благосостояние..."

Господи, если бы адвокатские проблемы решали бы хоть тысячную долю грешного бытия... И если бы стихотворцы не подражали бы Маяковскому или Хлебникову...

Сегодня часто говорят о национальном вопросе. И вы знаете, мне нравится термин - "лица кавказской национальности": Багратион, Юсупов, Шагинян, Абдулатипов, Джигарханян, Петросян, Кикабидзе, Елизаров, Пиросманишвили, Думбадзе, Исымбаев, Кара-Мурза, Вургун, Сарьян, Сароян, Магомаев, Шаликашвили, Примаков, Хазанов, Амирамов, Бюль-Бюль оглы, Орбели, Авалиани, Гамзатов, Ратиани, Церетели...

Хорошая компания.

Сатиричное "Созвездие Козлотура" обо всем, что принесла нам демократия, тоже было создано лицом кавказской национальности - Искандером... И самый популярный во всем мире, не стареющий фильм "Белое солнце пустыни", гармонией своей уравнивающий добро и зло, рожден в этом мире моим другом - Рустамом Ибрагимбековым.

Но, даже если начать с Багратиона и закончить Окуджавой - это люди, без которых не может быть для нас России.

...Беда в том, что никто всерьез не занимается национальным вопросом. Занималась Старовойтова...

А чтобы понять суть и истоки, здесь нужно исходить из одного.

Как пример.

Вот у Петра в команде были - нормандец, араб, швейцарец, голландец. У него были и евреи. Это ему, Первому самодержцу российскому принадлежат слова, которые не видят и не хотят видеть те, кто не знает и не помнит своего родства: "Около каждого еврея надо посадить казака с саблей, чтобы наблюдал за его молитвой трижды в день - и будем спасены".

Екатерина ввела даже должность "Ученого Еврея при Генерал-губернаторе".

Сам Г-дь Б-г спас этот народ из плена. Дал им священное писание, на основании которого израильский народ был по сути назначен Б-гом коллективным священником. Но так уж сложилось, что есть зло, есть добро. Есть Сатана, искушитель, его прообраз. И есть Г-дь Б-г и его пророки. И спасая человечество от смертного греха, он дал каждому человеку свободу.

Свободу выбора.

Подсознательно каждый уверен, что человек формируется с помощью множества факторов, но я хочу высказать то, что для меня самого очевидно, в плане формирования человеческой личности.

В одной из величайших книг, созданных человечеством, "Дни трепета" дается Б-жественная трактовка и смысл многих молитв и Ветхозаветных сказаний.

Я хочу поделиться этим откровением с моим читателем.

Священное Писание говорит нам, что мир был создан за шесть дней, в седьмой день Б-г отдыхал, и в память об этом покое празднуется суббота.

Какому из шести дней Сотворения мира соответствует Новый год по Б-жественному календарю? Оказывается вовсе не Первому дню, в который были сотворены небо и земля, а шестому дню, когда был создан человек.

В этот день Сотворение было завершено, мир был запущен, и начался первый год его существования.

И сказал Б-г: сотворим человека.

Почему Священное Писание говорит "сотворим" во множественном числе? Разве не Б-г Один создал человека. Множественным числом Б-г обращается к самому человеку, который тем

самым становится участником в Б-жественном сотворении его, человека, личности. "Если ты хочешь, если ты приложишь усилия, если ты постарайся, то мы вместе - ты и Я - сделаем из тебя человека". Таким образом, сразу при Сотворении мира на человека была возложена особая ответственность за то, чтобы он был человеком. И каждый Новый год по лунному календарю напоминание ему об этом.

И сотворил Б-г человека, в образе и по подобию своему, сотворил он его, мужчину и женщину...

И благословил их Б-г, и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и властвуйте над ней.

Здесь Священное Писание употребляет уже не глагол "сделал", но "сотворил", ибо сотворил, в отличие от сделал (переделал) - значит сделал из ничего. Следует заметить, что человек сотворен "как царь, который входит во дворец лишь тогда, когда дворец уже построен и убранство покоев завершено". И человеку дана власть над землей и над всем, что наполняет ее. Таким образом, к личной ответственности человека за самого себя, за то, чтобы он "был человеком", добавляется также ответственность человека за весь мир, который вокруг него.

Откуда человек берет силы, чтобы осуществлять данную ему власть и нести возложенную на него ответственность? Источник сил указывает нам Священное Писание: "В образе Б-га и по подобию Б-га сотворил Он его".

Что это значит? "В образе Б-га" - это возможность личного прямого контакта между человеком и Создателем. "По подобию Б-га" - это относится к свободе воли человека. Все сотворенное управляется прямыми Б-жественными приказами, и только человеку дал Он свободу воли.

Поэтому человек волен избирать добро или зло. Без этой внутренней свободы на человека не была бы возложена персональная (личная) ответственность.

Человек, как учит Священное Писание, сразу был создан с хорошими и дурными наклонностями. По этой причине человек не просто был формально свободен в своих действиях, но он заслуживает наказания за зло и вознаграждения за добро, которое он совершает. Только таким образом человек подлежит Б-жественному суду - ежегодному суду в Новый год (по лунному календарю).

Одновременно с основой для последующего суда закладывается основа для Б-жественного милосердия. Человеку под страхом смерти, как это следует из книги "Бытие" стих 2:17, запрещено было без разрешения Б-га есть плоды с Дерева Познания Добра и Зла, однако за совершенное преступление он потерял бессмертие, будучи соvrращенным злом в образе Змея-искусителя, стал смертен и был изгнан из Райского Сада. В Б-жественном решении сочетаются наказание и милосердие.

История эта многозначна, поскольку свидетельствует о том, что Б-жественный суд был заложен в основу мира, и Б-г создал человека правителем этого мира, существом непосредственно связанным с Ним. На человека была возложена ответственность за себя и за окружающий мир, и в соответствии с этим ему были даны свободная воля и возможность идти по праведному пути.

И это относится не только к людям, но к странам. Не только у человека могут быть заслуги и проступки, но и у целых стран. Если совокупные заслуги жителей страны превышают их преступления, то страна считается праведной, если преступления превышают заслуги - злодейской.

Отсюда и землетрясения, катаклизмы, наводнения и прочее...

...Но, если Человек совершает праведный поступок, выполняет заповедь, он добавляет на чашу весов заслугу для себя и для всего мира и спасает не только себя, но и весь мир...

Б-г проявляет по отношению к человеку Свою меру суда, Свою меру милосердия, вследствие этого за нарушение Б-жественной воли в последующих поколениях должен представлять перед Б-жественным судом на десятый день покаяния после наступления Нового года по лунному календарю.

Простите меня за это откровение, но я уже говорил, что всегда хотел быть проповедником...

Иудей знает, что совершая свою молитву, он молится не только за себя, но и за всех других. И остальные должны совершать светлые поступки, чтобы в этом мире воцарилось благоденствие. По итогам своих поступков человек попадает в высший или в низший миры. И в этом - смысл существования человечества.

"Г-дь один, Г-дь - один".

Все конфессии - веруют в Одного Единого Б-га. Заповеди всех религий сходятся к одним и тем же постулатам: не убивай природу, живи в мире, самые тяжкие грехи - кровопролитие, разврат, идолопоклонство.

Все народы придут когда-нибудь к одному знаменателю: через Иисуса, через Магомета, через Будду, через Моисея ли - все поймут, что нельзя убивать человека ради веры, нельзя оскорблять религиозные чувства других.

Смысл в самосовершенствовании.

Мы все ответственны за происходящее в мире. Еще для античного и раннесредневекового общества было вполне свойственно наказывать как за непредумышленные действия, так и за нереализованные преступные помышления. Уже тогда существовала теория всеобщей вины и всеобщей ответственности.

Все души, имеющие долги, грехи перед человечеством, не достигшие на этой Земле самосовершенствования и исправления от первородного греха, вновь возвращаются на Землю для последующего самоисправления в новом воплощении.

У моего древнего народа в сердце живет тот огонь, в кольце которого являлся Б-г Зоратустре, а затем - Моисею; у моего народа на устах - тот арамейский с примесью старо-персидского язык, которым говорил Б-г; мой народ хранит самую древнюю религию на свете.

Душа каждого человека уже была на земле. И душа каждого живущего будет приходить в этот мир до тех пор, пока не искупит всех своих грехов. И тогда ее ждет вечный блистательный мир и блаженное умиротворение.

Я избрал профессию, которая помогает человеку очистить свою душу от наростов социальных болезней, от злобы и вражды.

Я пришел в этот мир, чтобы помочь человеку выстоять духовно.

И когда-нибудь, когда мой народ воссоединится под сенью Г-да, и моя душа также вознесется к моему исчезающему древнему народу и останется, целомудренная и светлая, на небесной Атлантиде на вечные времена.

Многоликая Россия, где живут почти две сотни национальностей, которая веками создавала свою государствен-

ность, сегодня из-за националистов новой волны оказалась на грани братоубийственной гражданской войны, войны межнациональной. Семена злобы прорастают сегодня на полях России, как воины из зубьев дракона на поле Ареса.

Забыли, что нет чистокровного русского Пушкина, Грибоедова, Лермонтова.

И наше разнообразие, разнообразие нашей культуры - наше достояние, наше богатство. Оно - общее. И туркмена, и грузина, и русского, и еврея, и азербайджанца - переступивших порог общего нашего российского дома.

Сталин создал мощную империю, многонациональный состав которой культивировался и провозглашался. Нынешние сталинисты несут в своих руках транспаранты с портретом лица кавказской национальности - Джугашвили: "Долой нацменов".

Да оглянитесь на ваших идолов, господа коммунисты, националисты, экстремисты, террористы, нацисты.

Они чудовищны.

И дело вовсе не в том, граждане борцы за чистоту расы, что один из ваших идолов калмык, другой - кавказец, третий ариец и так далее. Дело в том, что их идеология, изначально ошибочная, сатанинская, привела к ошибочному результату.

Вспомните, с чего начинал ваш бессмертный вождь, помощник присяжного поверенного Хардина в Самарском окружном суде, Ульянов. Ведь даже он отличался на адвокатском поприще лишь в тех делах, в которых защищал свои собственные интересы против соседских крестьян, да против шофера, сбившего его, едущего на велосипеде, между прочим, в Париже.

Вы забыли, что такое свобода от догм и теперь она вам не нужна.

Свобода для многих людей является страшным нежелаемым явлением, потому что в такой свободе всю ответственность за свою жизнь человек должен брать на себя и сознавать это.

В чем же свобода?

Подчинение законам Б-жиим, тем лучшим постулатам, выбранным человечеством для своей жизни, - это, казалось бы, отречение от свободы.

Но именно подчинение одному Пастырю, имя которому Нравственность, ущемление своего "Эго" там, где этого требует заповедь, - и есть обретение свободы. И тогда даже преступление будет восприниматься не как непослушание, а как потеря наивысшей свободы.

Ныне действующая Российская Конституция провозгласила Российскую Федерацию светским государством. В словарях для более точного определения значения слова "светский" приводится его антоним - "духовный". Именно бездуховное государство вырастает на наших глазах и заставляет каждого из нас предстать перед Высшей нравственностью в качестве ответчика.

Оглянувшись на российскую действительность, мы, как потерянные дети, не можем найти бесспорного стража и арбитра нравственности. Доверия не заслуживают ни представители исполнительной или судебной власти, ни народные избранники. Главным образом потому, что неудачи их государственной деятельности вызывают сомнения не только в их способностях, но, зачастую, и в честности. Слишком многие государственные мужи подорвали доверие народа, его веру в бескорыстную добродетель. Люди не верят в благотворность обещанных отдаленных последствий реформации, видя, что ее ближайшие результаты - чудовищны. Это значит, что никто уже не смотрит в будущее. Государство, лишённое образцов гражданственности и патриотизма, обречено.

А между тем, кто же как не отцы церкви и юристы способны воздействовать на сердца и души людей, сплотить и усмирить общество в годы лихолетья!

История показала, что псевдопророки хоть и способны отвести народ от глобальных катастроф, таких как войны, разруха, голод, но только лишь потому, что хорошо пользуются своими знаниями общественной психологии, умело скрывают до срока свое истинное лицо. Социум, гражданское общество, народ, территория нашей самобытной общности - даны нам свыше, но слишком широкая возможность для выбора общественного поведения - тоже данность. Общество легко подвести к краю пропасти.

Но история также показала и другое. Есть мировые религии, на протяжении тысячелетий хранящие духовный и нравственный опыт всего человечества. Российское общество теряет

свое целомудрие. И если бы речь шла только о материальных невзгодах, в силу которых страна может утратить свою независимость! Речь сейчас должна идти о причинах этой болезни, а причина одна - падение нравственности!

Да, церковь отделена от государства. Но кто решил, что церковь отделена от гражданского общества? Церковь - вершина гражданского общества, его маяк. Адвокатура, собственно, тоже отделена от государства. Это тоже, скорее, элемент не политической системы, а институт гражданского общества. Это гражданам нужна защита от посягательств на их права. Но вы скажете, что государство нуждается в защите не менее. И прежде всего от внутренних разрывающих его противоречий. Но сильным государство может быть лишь тогда, когда в нем защищен любой гражданин, когда работают механизмы правовой и судебной системы.

Ведь именно из-за категорий духовного порядка и государство и общество трансформируются в разобщенную массу ядерных зарядов. Воровство перестало быть национальным недостатком российского чиновничества - все разворовали. Коррупция, срастание ветвей власти с преступным миром - не только результат пустой казны, но и источник цинизма, отсутствия святости, идеалов, самого понятия неприкосновенности духовных ценностей. На наших согражданах то и дело опробируют опыты национал-шовинизма, общество ввергают в психический шок убийствами известных личностей, преступники бесстыдно участвуют в общественной жизни, а простые люди опускаются до продажи своих конституционных прав - свободные и честные выборы электорат уже не интересуют, у электората кончилась вера в особый божественный промысел России.

Нельзя винить церковь в том, что нормы морали перестали действовать в нашем обществе к концу этого идолопоклоннического века. Но почему не работают заповеди, веками хранившие твердость духа человека, помогавшие человеку выбрать истинный эволюционный путь для себя и своих детей? Кто снимет шоры с душ и сердец ваших потерянных, заблудших братьев? Кто пробудит национальную совесть и самосознание во имя окончания смутных времен?

Безответственные войны, междоусобицы, апатия и уныние, глубокий религиозно-политический кризис и его побоч-

ный эффект - грех суеверий, нищенство стариков, беспросветная бедность молодых людей, ранняя смертность, горе матерей и вдов, повальное пьянство, наркомания, обыденность существования десятков, сотен преступных формирований, полное неуважение к человеческим правам и обесценивание человеческой жизни - все это может довести людей до согласия с любым миром, в том числе с деспотической властью, лишь бы она была единой и централизованной. Будет ли жизнеутверждающим такой режим правления?

Никто не властен распоряжаться человеческой жизнью, кроме Б-га. Жизнь есть небесное поручение, поэтому мы все ответственны за мир, в который мы пришли, за память предков и счастье будущих поколений. Гильдия адвокатов выступает в защиту этого Б-жественного мира и нашей благословенной родины! Мы вместе обязаны защитить наших граждан от рабления!

Каждому из нас, юристов, необходимо осознать свою исключительную роль в судьбе многонационального российского государства, потому что мы в своей деятельности имеем возможность передать народу Слово разума, усмирить и вдохновить его на возрождение могучего российского древа человеческой цивилизации!

Я - адвокат. И мои кровные интересы - это полноправное гражданское общество и правовое государство, сильная власть и сильная страна. Власть - это атрибут, присущий России. Россия ждет рачительного хозяина.

Россия - община.

Она легко организует самоуправление на местах. Недаром начали складываться в последнее время довольно-таки разумные органы местного самоуправления.

Но когда в России слабеет центральная власть - начинаются потрясения.

Если власть держится на постулатах, выдуманных из головы, декларирующих то, чего нет, считайте, что эта власть - вновь взорвана на берегу Фонтанки.

Демократия - тоже требует труда. Юристов еще с институтских пеленок учат, что любой правовой норме, предоставляющей право, должна соответствовать норма, гарантирующая это право, то есть обеспечивающая реальную возможность правоприменения.

Свобода выбора, свобода слова, мощная индустрия, оборонноспособность - все это мои интересы. И эти интересы я, адвокат, сын своего народа, защищаю всю мою жизнь. Для этого созданы Московский юридический центр, Гильдия российских адвокатов и первая в России политическая партия юристов "Юристы за права и достойную жизнь человека".

Ведь в законе написано, что депутаты осуществляют свою деятельность на профессиональной основе, то есть работа у них такая - создавать законы. Это значит, что рабочий, банкир, фермер и домашняя хозяйка после выборов их в наш парламент переходят на работу по изготовлению законов для нас с вами.

Переквалифицируются.

Ну, вот представьте: водитель с уровнем правосознания нашего знакомого водителя, переквалифицируется, скажем, в художника-декоратора, или хирург в летчика-испытателя. Причем, сходу. Писать законы-то никто не учит, вернее, уже потом, на специальных занятиях.

А есть профессия, из которой вытекает профессия законодателя - это профессия законотворца, правоведа, который знает, не только каким должен быть любой закон по форме, но и какие правовые отношения созрели в обществе, и требуют своего законодательного закрепления.

В Государственной Думе должны работать юристы, сотрудники правоохранительных органов, адвокаты, ученые-правоведы, потому что их практика подскажет им оптимальную законотворческую политику. Конечно, нужны представители различных профессий, различных социальных слоев, но все-таки интересы всего народа и интересы Закона смогут представить лучше всего юристы и экономисты, тем более, что последние обычно в своей практике тоже основываются исключительно на нормативных актах.

Сегодня, увы, господа законотворцы заняты другим. По делам их создается впечатление, что законы создаются за один день, для лоббирования чьих-то интересов, а потом они обречены на неисполнение.

Лежит годами, как подследственный, под стражей ожидающий суда, и наш многострадальный Закон об адвокатуре.

Из него выхолостили уже все то, для чего он, собственно, предназначен. Но и этого мало: в случае принятия, он упразд-

нит множественность коллегий адвокатов, приведет к единой, послушной, подчиненной защите.

... А вы знаете, почему мы друг друга не понимаем и не хотим понять? Потому что долгое время вместо души у нас было государство.

Разве мы этого добивались? Добивались, чтобы оно отделилось от нас.

Церковь, адвокатура, литература, военно-промышленный комплекс, заводы и фабрики, города и веси нынче отделены в России от государства. Не они - блудные сыны своей страны, а государство - родитель, отрекшийся от своих детищ.

И что осталось у него, у государства, в активах, за душой? Власть?

Нельзя властвовать над тем, от чего открестился.

Государство представляет собой скороварку, в которой в собственном соку варятся исполнительная и законодательная власть, и даже пар не выходит, не доходит до жаждущих и голодных. Третья и четвертая власть отделены от государства тоже, стоит только заглянуть в устав какой-нибудь газеты - прочесть список учредителей или окинуть взором фасад и залы заседаний в каком-нибудь муниципальном суде.

Вас все еще удивляет существующее где-то рядом, как фантом, сообщество людей, именуемое "бандитское формирование", "солнцевская преступная группировка" или просто "казанские", "зеленоградские", "люберецкие"?..

Крепко бы задумались классики марксизма-ленинизма, прежде чем дать определение государству нового типа. Вот разве что так: обособленное от почвы и неба, ни на что не влияющее, но в силу сложившейся традиции все еще вызывающее любопытство журналистов - предприятие, занимающее несколько зданий в центре Москвы.

Я хочу написать свое определение. Но я хочу, чтобы слова соответствовали правде. *Пусть придут к управлению в стране новые люди, каждый из них должен любить, должен быть способен любить каждого из нас.*

Пусть государство возродится, как душа человека, пусть оно придет к людям, пусть граждане гордятся тем, что они живут в России, что они говорят на великом русском языке.

Федор Никифорович Плевако соединил в себе калмыцкую и русскую кровь. Но каждый юрист гордится тем, что он представляет ту же профессию, что и великий русский адвокат Плевако.

Я представитель моего народа. На нашем языке это звучит примерно так: джугури. В этом слове содержится и великий смысл: джу - душа, гу - говорить, ри - размышлять. Иными словами Б-гом дано право целому народу называться говорящей и размышляющей душой.

Это потрясающе гуманный народ. Он настолько невероятен в своем всепрощенчестве, что невольно вспоминается сказка про злую жену.

Жила-была на свете семья, которую никто и никогда не звал в гости. Жена так не уважала мужа, так пилила его, что все диву давались, как они живут-то вместе. И папиросу у мужа отнимает, и перебивает, и говорит: "это было не так", и анекдот рассказать не дает, сама рассказывает. Довела мужа, он однажды встал ночью и вышел во двор. Во дворе колодец. Туда ее и выбросил. Пришел домой, лег, и вдруг слышит стоны и причитанья из колодца. Ему жалко стало, он снова пошел во двор, подошел к колодцу и опустил журавль. Поднял, а там - огромная змея. Муж испугался, а змея и говорит: "Спасибо тебе, добрый человек, спас меня, а то там кто-то бабу выбросил в мой колодец, так я прямо жить больше не могу"...

Волею судьбы после развала СССР и после кавказских войн и природных катаклизмов таты живут ныне не только в России, но во многих странах далеко от родины...

Нас около пятнадцати тысяч...

Но мой народ - это и Россия.

И я вновь и вновь творю молитву, чтобы она заслужила себе благоденствие и бессмертие, как многие и многие ее великие сыны.

А для этого надо пестовать законность, но не калужскую и казанскую, как говаривали при тоталитаризме, и не выборочную, какой она стала при неудачной попытке построить де-

мократию, а настоящую, где правосудие будет не эклектичным - как выгодно - так и будет, а эклиптическим, то есть находящимся в плоскости Солнца.

Это не все, конечно. Все наступит тогда, когда придет Мессия - Спаситель Мира...

А пока счастья Вам... будьте добры.

**С уважением,
ваш адвокат,
Гасан Мирзоев.**

P.S.

Я иногда испытываю удивительную уверенность в чуде.

...Когда глубокой ночью покойно сидишь в одиночестве, и внимая своему сердцу, постигаешь тщету всех мнений, и тебе открывается твоя подлинная природа, прозреваешь в себе вдруг великую силу бытия, и вдруг понимаешь, что, даже обретя в себе правду, трудно избавиться от суетных мыслей. И тогда тебя охватывает великий стыд от неделанного, но усталость, вступившая в сговор с телом, делают свое дело, и только остается мгновение, чтобы сосредоточенно подумать обо всем сразу, клятвенно оставив неделанное на завтра...

Я всматриваюсь в лики, означенные или в памяти моей, или - фотографиями на стене моего домашнего кабинета. Там и мой покойный учитель Кейзеров, и ныне здравствующий Туманов, и Казимирчук, и Большова, и Игонин, и Богомолов, и Хорошев, и Звягельский, и Крестинский. Я могу с ними среди дня ругаться, встречаться, вспоминать их, но я не могу не любить их. Они часть моей жизни: Платонов, Терехова, Соловьев, Кедаев, Залманов, Юрьев, Свит, Юдина, Савельева, Розенталь, Зимоненко, Багдасарян, Лангтон (у него только что родился сын Артем - надеюсь, тоже будущий адвокат), Птицын, Обозов, Можаровская, Валеяша и многострадальные технические исполнители этой книги - Полякова, Рыбакова и Баева, секретари Вита и Катя, руководимые заместителем главного редактора "Российского адвоката" В.П. Селедкиным. Всем им благословение на завтра... Сегодня они вновь поработали на справедливость...

Ну что ж, всех успокоил в мыслях.

Последнее, что сегодня надо сделать, - сотворить ночную молитву. Слова мягко ложатся на сознание строками Священного Писания...

...Но в нашей солнечной стране все может испортить государство.

Звонит следователь.

И я может быть впервые в жизни подумал, что если Г-дь его не остановил, если не замкнул его телефон и позволил соединиться со мной в момент постижения истины, значит кому-то необходимо мое участие, значит кто-то ищет справедливости во мне именно теперь, и Г-дь поэтому, остановил не его, а меня...

- Арестован бывший министр юстиции, - и называется имя. еще недавно известного политика. - Он объявил голодовку и требует вас, в качестве адвоката. "Бутырка" завтра с девяти утра ждет вас...

Сухие, безбожные слова, и...

...Я готов идти на помощь немедленно, но если государство регламентирует защиту во времени, то завтра ровно в девять я буду там...

...А пока, уж извините, господа, которым еще исправлять и исправлять свои черные души на этой земле, - мне помогут превозмочь вас и пережить вместе с моим доверителем эту страшную ночь - строки Священного Писания.

"Благословен Ты, Г-дь, Б-г наш, Царь Вселенной, смежающий сном глаза мои, дремотой - веки. Да будет угодно Тебе, Г-дь, Б-г мой и Б-г отцов моих, ниспослать мне мирный сон; и пробуди меня назавтра для благополучной жизни и мира; и пусть не тревожат меня мысли мои, и дурные сны, и греховные помыслы; и сделай так, чтобы ложе мое было совершенным пред Тобою. И верни свет глазам моим наутро, чтобы не уснул я смертным сном.

Благословен Ты, Г-дь, озаряющий весь мир славой Своей!"

Оглавление

Предисловие. И было утро	5
Часть первая. Дорога к дому	6
Часть вторая. Исповедь защиты	97
Часть третья. Слово адвоката	193
Заключение. Эkleктика правосудия	272

Гасан Борисович Мирзоев
ОЩУЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ
(записки адвоката)

В авторской редакции.

Подп. в печать 24.09.99. Формат 90 х 60/16.
Объем 18,0 печ. л. Тираж 3000 экз.
Заказ № 797.

ЗАО «СПАС», ЛР № 040373
Москва. пр-т Вернадского, 15.
Тел.: 131-79-01.

Типография ОАО «Внешторгиздат».
127576, Москва, ул. Илимская, 7.

МИРЗОЕВ Гасан Борисович - доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации - практикующий адвокат и правозащитник, хорошо известный в России и далеко за ее пределами, член Международной Ассоциации адвокатов (ИВА), почетный доктор Бриджпортского университета (США), основатель и президент Гильдии российских адвокатов и Российской академии адвокатуры, академик Российской Академии Естественных наук, Президент Отделения прав человека МАИ (ООН), Лауреат золотой медали имени Ф.Н. Плевако, кандидат в депутаты Государственной Думы 1999 года по Федеральному списку от блока правых сил, координатор Общероссийской общественной политической организации "Юристы за права и достойную жизнь человека", автор ряда монографий и более ста научных работ и статей, посвященных юридической защите предпринимательства.